

ФЕМИНИСТСКИЙ

САМИЗДАТ.

40 ЛЕТ

СПУСТЯ

2020
МОСКВА

common place

УДК 82
ББК 84 Р7
Ф 41

Ф 41 Феминистский самиздат. 40 лет спустя / ред., сост. О. Васякиной,
Д. Козлова, С. Талавер. — М.: Common place, 2020. — 272 с.

ISBN 978-999999-1-19-3

Советские феминистки из диссидентского круга, оказавшиеся в 1980 году на обложке американского журнала Ms., сегодня парадоксальным образом почти забыты российским и международным феминистским сообществом. Книга «Феминистский самиздат. 40 лет спустя» призвана вернуть их в поле актуальной рефлексии. В сборник вошел текст оригинального самиздатовского альманаха «Женщина и Россия» (1979) с актуальным комментарием двух его редакторов, Натальи Малаховской и Татьяны Мамоновой, а также исторические комментарии, биографии и ряд статей. Над изданием работали: Олеся Бессмельцева, Оксана Васякина, Анастасия Кальк, Дмитрий Козлов, Анна Нижник, Элла Россман, Анна Сидоревич, Лена Смирно, Саша Талавер, Анастасия Ходырева.

Публикуется под лицензией Creative Commons
Разрешается любое некоммерческое воспроизведение
со ссылкой на источник

Содержание

Часть 1. От составителей

<i>Оксана Васякина</i> . Убрать грабли с пути	8
<i>Саша Талавер</i> . Зачем нам локальные феминистские истории?	14
<i>Дмитрий Козлов</i> . Штрихи к биографии альманаха	20

Часть 2. 40 лет спустя

<i>Анна Нижник</i> . Право голоса / право говорить	30
<i>Лена Смирно (Елена Смирнова)</i> . Неподчинение женщин	42
<i>Анастасия Кальк</i> . Мы — Татьяна Мамонова	50
<i>Татьяна Мамонова, Геннадий Шикарев-Мамонова</i> . Хроника	55
<i>Анна-Наталья Малаховская</i> . Спусковой крючок [фрагмент]	60
<i>Анна-Наталья Малаховская</i> . Ты — женщина — молчи!	66
<i>Элла Россман</i> . Тревожный советский гендер	76
<i>Анна Сидоревич</i> . Самиздат Ленинградского женского диссидентского движения во Франции	88
<i>Анастасия Ходырева</i> . Самиздат «Женщина и Россия»: к 40-летию поздне- и постсоветской феминистской традиции в России	100

Часть 3. Женщина и Россия. 1979. Выпуск 1. Материалы самиздатского альманаха

<i>Редакция альманаха</i> . [Эти добрые патриархальные устои]	122
<i>Т. Горичева</i> . «Радуйся, слез Евиных избавление»	132

<i>Н. Малаховская.</i> Материнская семья	142
<i>Р. Баталова.</i> Роды человеческие	154
<i>В. Голубева.</i> Обратная сторона медали	164
<i>Ваня Пазухин.</i> «Золотое детство»	172
<i>Ю. Вознесенская.</i> Письмо из Новосибирска	180
<i>И. Тищенко.</i> Расклеищица афиш (новелла)	190
<i>С. Соколова.</i> Летающие ящеры (рассказ)	194
<i>Т. Мамонова.</i> Поэзия	202
<i>Е. Шварц.</i> [Переводы из] Махадеви	210
<i>Ж. Ивина.</i> «С гомеровским величием и сафической чистотой»	218

Приложение. Материалы парижского переиздания альманаха

<i>Г. Григорьева.</i> Женщина в тюрьме. Беседа с Зоей и Валерией	232
<i>Т. Мамонова.</i> Заявление в Прокуратуру г. Ленинграда от 10 декабря 1979	245
Обращение Mouvement de libération des femmes к читателям. 1 августа 1980	248
Биографии авторов «Женщины и России»	252
Постскриптум	270

Часть 1

От составителей

ЖУРНАЛ
ДЛЯ
ЖЕНЩИН
О ЖЕНЩИНАХ

10 ДЕКАБРЯ 1979 г.

СН-В

Оксана Васякина

Убрать грабли с пути

Оксана Васякина — поэтесса, авторка идеи переиздания.

Мы каждый раз создаем одни и те же способы сопротивления, либо обесцениваем собственный опыт и опыт других участниц движения. Это не новость, но стоит еще раз напомнить, почему это происходит. Во-первых, у нас нет архива и историкесс российско-го феминизма и, во-вторых, над нами нависает образ «правильного» западного и американского феминизма. Я часто слышала от подруг, что они знают массу имен зарубежных феминисток, но при этом мало кто может назвать пять имен феминисток отечественных.

В целом, я сама раньше стояла на той позиции, что русский феминизм несколько ущербен, и заворожено смотрела на фотографии американских демонстраций 60-х и 70-х годов. Но мы живем здесь и сейчас, и грабли, на которые мы наступаем сегодня, лежат в недалеком будущем. И эти грабли можно убрать с пути. Главное — начать.

Я узнала об альманахе «Женщина и Россия» года четыре назад, когда делала свой самиздатский проект «Ветер ярости». К самиздату в интеллектуальной среде

отношение двойственное: с одной стороны, мы имеем авторитет в виде советского самиздата, но это все-таки прошлое и часть истории. А с другой — самиздат для круга профессиональной институтизированной поэзии сегодня является синонимом графоманских попыток себя продвинуть.

Я ничего не имею против графомании, на мой вкус, в текстах наивных авторов можно найти много интересного. А сам факт того, что пожилой человек стоит в метро и продает свои книжки по 100 рублей и кричит «Стихи от автора!», меня даже завораживает.

Но о «Женщине и России» я узнала немного позже, чем выпустила свой первый DIY-сборник на принтере. Когда была готова первая книжечка, я чувствовала себя практически первооткрывательницей. Ведь я придумала не подчиниться мужским институциям и самостоятельно, невзирая на все стереотипы о самиздате, выпустила первый тираж в 50 экземпляров. Но чувство гордости и восторга проходит очень быстро, когда понимаешь, что ты находишься в невесомости незнания истории своего поступка. И это чувство толкает на поиски аналогичных случаев в прошлом.

Когда я встретила с текстом альманаха, для меня все встало на свои места. С одной стороны, в нем было все, с чем сталкиваются женщины в своей бытовой повседневности до сих пор — насилие, двойная нагрузка, чудовищное отношение в учреждениях. А с другой, я нашла в этом альманахе то, что я давно искала, — подтверждение того, что женщина, которая занимается творчеством, неважно каким, в интеллектуальной среде занимает не равное с мужчинами место. Женщина живет в своем гетто. Но самое страшное заключается в том,

что это гетто — пространство, устроенное в сообществе изгнанников. То есть писательницы и художницы — изгнанницы из сообщества изгнанников.

Для меня эта вещь стала еще более очевидна, когда я стала все глубже и глубже копать историю «Женщины и России». А сближение, пусть и на уровне выстраивания внутренних связей, с женщинами, авторками и издательницами альманаха подтолкнуло меня к мысли о необходимости возвращения их имен. Сначала я придумала выставку про феминистский самиздат, но тяжелая работа и постоянный недостаток времени не давали мне заняться выставкой. И не зря. Оказалось, что коллеги из Европы Олеся Бессмельцева и Филипп Венгхаус уже давно готовят передвижную выставку и привезут ее в Москву и Петербург. А я человек книжный, для меня все, что не напечатано и не помещено в архив, — обречено на смерть и забвение. Тогда я решила, что нам нужно переиздать альманах. Сначала я не верила в то, что это получится, — слишком много работы требовало переиздание, но я обратилась к своим коллегам, феминисткам и исследовательницам Саше Талавер, которая стала составительницей переиздания, и Асе Ходыревой, которая поддержала меня. Дальше я обратилась в издательство Common place, которое не так давно запустило ретрофеминистскую серию. С самого начала в этот проект был включен Дмитрий Козлов, Дима вместе с Аней Сидоревич сделали самую сложную работу — откомментировали оригинальный текст альманаха. Переиздание предваряют статьи феминистских исследовательниц Анны Нижник, Эллы Россман, Анастасии Кальк, Анны Сидоревич, Аси Ходыревой и Лены Смирно.

Теперь вы держите в руках переиздание альманаха «Женщина и Россия». Эта книга — не только юбилейное издание, это попытка реконструкции истории отечественного феминистского движения. А также попытка наладить диалог между феминистками прошлого и настоящего. Я верю в то, что эта книга послужит поддержкой для многих феминистских активисток будущего и наших современниц.

Tatyana Mamonva's Press Conference at House of Representatives,
Washington, DC, 1980

Photo courtesy Susan Bower Associates

*Татьяна Мамонова дает пресс-конференцию в Вашингтоне, 1980 г.
Предоставлено Татьяной Мамоновой*

*Юлия Вознесенская (слева) в гостях у Татьяны Мамоновой.
Фотография из домашнего архива Мамоновых*

*Мишель Идельс, феминистка, участница движения Mouvement
de libération des femmes в гостях у Татьяны и Геннадия в Ленинграде.
Фотография из домашнего архива Мамоновых*

Саша Талавер

Зачем нам локальные феминистские истории?

*Наталья Малаховская и Анна Элизабет «Лиза»
Остергаард в Копенгагене на Всемирной конференции
по положению женщин ООН (1980).*

Фото из домашнего архива Натальи Малаховской

Саша Талавер — аспирантка факультета гендерных исследований Центрально-Европейского университета (Будапешт).

When you have been owned,
being your own can be radical
(Когда ты долго находилась в чужом владении,
принадлежать самой себе может быть радикальным).
*Сара Ахмед*¹

Казалось бы, какое отношение к советскому опыту имеет высказывание постколониальной феминистки Сары Ахмед?

В первую очередь следует упомянуть, что политика советского центра была в буквальном смысле колониальной по отношению к другим регионам: русификация и насаждение универсальных норм часто происходили без учета локальных контекстов, в том числе в деле «эмансипации»². Несмотря на его значимость, этот сюжет прямого отношения к моему основному тезису не имеет.

- 1 *Baksh R., Wendy H., Carty L., Mohanty C. T. Mapping Transnational Feminist Engagements // The Oxford Handbook of Transnational Feminist Movements. Oxford University Press, 2015. P. 88.*
- 2 *Gradska Y. «Emancipation of the nationalka» — social and cultural politics towards ethnic minorities women (on example of the Volga-Ural region in the 1920s)». // The Journal of Social Policy Studies, 2011. Vol. 9. № 1. P. 45–58, 142.*

В академической среде распространена идея того, что, в целом, отношения власти-народа в России и, позже, Советском Союзе, могут быть рассмотрены как внутренняя колонизация³, которая определяется как применение практик колониального управления и создания «другого» внутри государственных границ⁴. Частично эту схему отражает описанная в тексте Эллы Россман схема советской гендерной политики, предложенная Еленой Здравомысловой и Анной Темкиной, в которой женщины служат преимущественно объектами законов и политики и практически отсутствуют как субъекты либо ее производящие, либо ей сопротивляющиеся⁵. Парадоксальным образом такой подход сам воспроизводит в своем описании логику власти.

Внимание же к женской способности действовать политически, как внутри государственных структур, так и внутри пространств сопротивления, позволяет преодолеть это замалчивание, открыть новые горизонты воображения и знания, забрать право «принадлежать самим себе». Именно в этом контексте Лена Смирно, пользуясь терминологией Вальтера Миньола, предлагает рассматривать альманах как жест «эпистемологического неподчинения». Сходным образом и Анна Нижник в своем тексте предлагает смотреть на альманах как на попытку отстоять «право на творчество, понятое шире некуда».

3 *Etkind A. Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. Cambridge; Malden: Polity Press, 2011.*

4 *Кукулин И., Эткинд А., Уффельманн Д. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России // Сост. Д. Уффельманн. М.: НЛО, 2012. С. 12.*

5 Больше о дискуссии о возможностях женщин действовать политически при социализме см.: *De Haan F., Ghodsee K., Daskalova K., Grabowska M., Lukić J., Bonfiglioli C., Popa R. M., Ghit A. Ten Years After: Communism and Feminism Revisited // Aspasia, 2016. Vol. 10. 102–168.*

Это позволяет преодолеть еще одну важную проблему поля российской женской истории — это исключение «второго мира» (то есть бывшего социалистического блока) из современной феминистской теории и женской истории как эпистемологически продуктивной перспективы. Статья, из которой взята цитата Сары Ахмед, называется «Mapping Transnational Feminist Engagements» (Картография Транснациональных феминистских движений), и «транснациональный» в данном контексте включает только напряжение «первый-третий мир», «второй» же мир наглухо отсутствует.

Такая ситуация может рассматриваться как следствие «проигранной» Холодной войны: институциональный расцвет гендерных исследований и «феминизма», происходивший в 1990-е и 2000-е за счет притока западных средств, создал определенные иерархии знаний и генеалогий⁶ — в частности, превалирование импортированных концепций и теорий, и относительное равнодушие к локальному контексту как теоретически или стратегически продуктивному. Локальное остается источником данных. Об этом свидетельствуют рассказы о знакомстве с историей сборника многих авторок ввводной части переиздания альманаха: большинство из нас узнали об альманахе в 2010-х, уже после того, как познакомились с «западными» феминистскими идеями и считали себя феминистками, — эту проблему забвения обсуждает в своем тексте Анастасия Кальк. Продолжает рассуждение о траекториях памяти в российском феминистском движении Анастасия Ходырева. В частности, задаваясь вопросом, почему сегодня феминистский са-

6 Cope B., Minchenia E., Sasunkevich O. Post-Socialist Anxiety: Gender Studies in Eastern Europe in the Context of the Conservative Backlash (20th anniversary of the Centre for Gender Studies at EHU), 2017.

миздат времен застоя интересует нас больше, чем феминистская работа перестройки и 1990-х.

Хорошей иллюстрацией процессов, которые привели к такому положению, служит история рецепции альманаха во Франции, представленная Анной Сидоревич. Она показывает, как его старались и так и не сумели вписать в рамки так называемой «второй волны» феминизма — и в силу непонимания контекста, его религиозного содержания, и в силу заранее заданных ложных рамок ожидания. В результате, альманах толком и не нашел себе места в истории международного феминизма.

Эта книга — наша попытка внимательного и серьезного чтения альманаха. Не просто рассказ о занятом историческом эпизоде, а утверждение альманаха как эпистемологически ценной позиции. Уверена, такой подход поможет преодолеть убеждение о феминизме, как о явлении, импортированном в Россию после распада СССР.

«Женщина и Россия» выходит в разгар Десятилетия женщин ООН (1976–1985) — период, который традиционно считается рождением транснационального феминизма⁷. Насколько случайно, что альманах появляется в момент такой интенсификации международного разговора о женских правах? Смею предположить, что в этот контекст органически встраивали свою инициативу создательницы альманаха. Недаром в 1980-м году Наталия Малаховская, будучи уже в иммиграции, получит приглашение поехать на Всемирную конференцию по положению женщин ООН в Копенгагене (1980). Ссылки на решения ООН мы находим в текстах альманаха.

7 *Olcott J. International Women's Year: The Greatest Consciousness-Raising Event in History. New York: Oxford University Press, 2017.*

В то же время женщины официальных делегаций социалистических стран (включая СССР, тех, кого Горичева позже назовет «ведьмами в космосе») еще с 1960-х работали над продвижением Конвенции по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, которая была принята 18 декабря 1979, и активно поддерживали введение Международного года женщин ООН (1975), который положил начало Десятилетию⁸. Таким образом, политика ООН в отношении женщин и детей складывается при активном участии официальной советской делегации, при этом документы и действия ООН подкрепляют повестку и требования авторок диссидентского альманаха. Так, даже этот беглый обзор более широкого контекста женского движения в СССР и на международном уровне в момент публикации альманаха показывает, что феминистская борьба имеет сложную и нелинейную судьбу в России.

8 *De Haan F.* The Global Left-Feminist 1960s // *The Routledge handbook of the global sixties: between protest and nation-building.* Ed. J. Chen. London; New York: Routledge, 2018. P. 230–242.

Дмитрий Козлов

Штрихи к биографии альманаха

Дмитрий Козлов — кандидат исторических наук, научный сотрудник ИГИТИ имени А.В. Полетаева (НИУ ВШЭ, Москва)⁹.

Эпоха «классического самиздата», когда бесконтрольное появление и распространение самостоятельно публикуемых текстов определялось не только стремлением авторов, но и ограничениями со стороны идеологических институций и советской книготорговой сети (в этом — принципиальное отличие самиздата социалистических стран от современных им западных DIY-инициатив и нынешних зинов) завершилась сравнительно недавно. Несмотря на кажущуюся доступность и понятность материалов советского самиздата, публиковать их ничуть не легче, чем списки средневековых летописей или варианты фольклорных текстов. Расхождения в редакциях одного и того же произведения порой бывают существенными, и исследователям необходимо выбирать, на какую из копий опираться при переиздании.

⁹ Статья, комментарии к тексту альманаха и часть биографических справок подготовлены Д.С. Козловым в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

Вариативность самиздатских текстов могла иметь разные причины (от «утечки» черновика с рабочего стола писателя или из портфеля редактора до намеренной литературной игры), но как правило, она объясняется тем, что самиздат всегда, в той или иной степени, перепределял традиционные роли автора, читателя и издателя. Самиздательство обратило вспять достижения революции Гутенберга. То, что на языке советского уголовного кодекса называлось «изготовлением и распространением» самиздата, в отличие от «нормального» книгопечатания никогда не было механическим размножением идентичных друг другу копий. Каждая новая закладка печатной машинки (несколько листов обычной бумаги, проложенных бумагой копировальной) могла отличаться от предыдущей. Профессиональная машинистка или читательница, перепечатывавшая поправившийся текст для себя и друзей, своими комментариями, исправлениями, новым оформлением и даже опечатками становились соавторами новой редакции текста¹⁰. История издания, распространения и чтения самиздатской книги, таким образом, становится порой не менее увлекательна, чем история жизни и творчества ее автора или те дискуссии, которые она вызвала.

Тогда как биографии авторок и издательниц «Женщины и России» описаны достаточно подробно, в том числе и на страницах нашего издания, биография самого альманаха хранит еще немало загадок. Прежде всего,

10 Изменения в текст могли вноситься и при подготовке типографского переиздания самиздата. Так в подготовленном сотрудницами парижского издательства *Des femmes* переиздании «Женщины и России» были исправлены опечатки самиздатского оригинала и заметно изменена пунктуация некоторых предложений. Ряд слов, наоборот, был воспроизведен неточно, вероятно, из-за невысокого качества оригинальной машинописи.

поражает скорость, с которым о нем узнали заинтересованные читательницы и читатели. Еще до конца 1979 года сообщения о его издании публикуют самиздатские, эмигрантские и иностранные журналы и газеты, передают «вражеские голоса» — зарубежные радиостанции, вещающие на Советский Союз. Вскоре появляются содержательные рецензии, западные феминистки оперативно готовят переводы альманаха на английский и французский языки и русскоязычное переиздание. При том, что по словам Натальи Малаховской, первоначальный тираж «Женщины и России» был всего десять экземпляров, а собственно размножением альманаха занимались только двое из редколлегии: «Мамонова [переплела] 6 экземпляров (специальной машинкой для переплёта), а я — 4 экземпляра (просто гвоздём, как я до тех пор переплетала самиздатский журнал „37“)¹¹. Вероятно, даже к переплету, технической, в общем, процедуре, издательницы подошли, как к творчеству, и экземпляры из двух «семей», циркулировавшие параллельно, отличались друг от друга оформлением, фотоиллюстрациями и наличием/отсутствием биографических справок.

Мы не ставили себе целью подготовить классическое академическое издание, отследив и прокомментировав все разночтения в существующих вариантах «Женщины и России», но тем не менее при работе с текстом нам важно было максимально следовать первоначальным идеям авторок и издательниц, переиздать альманах так, как он был задуман в 1979 году.

Тексты статей, рассказов и стихотворений в настоящем переиздании выверены Анной Сидоревич и мной по машинописному (самиздатскому) экземпляру перво-

11 См. стр. 73 настоящего издания.

го выпуска «Женщины и России», хранящемуся в архиве Гуверовского архива Стэндфордского университета¹². Также мы пользовались ксерокопией альманаха, хранящейся в Архиве «Открытого общества» в Будапеште¹³, копиями отдельных материалов альманаха из научного архива НИЦ «Мемориал» в Санкт-Петербурге¹⁴ и типографскими переизданиями, подготовленными в 1980 году во Франции и Германии¹⁵. Выбор «гуверовского» экземпляра для подготовки нашего переиздания объясняется двумя причинами. Во-первых, это экземпляр «первого поколения» — машинописный сборник, набранный и сброшюрованный самими издательницами в 1979 году. Во-вторых, это — наиболее полная из доступных редакций. Большинство материалов в ней предваряются фотографиями авторок¹⁶ и краткими биографическими справками, напечатанными на оборотах шмуцтителов с названиями статей и художественных произведений. Исключение составляют тексты, опубликованные под псевдонимами. В «будапештской» копии были опубликованы только портреты авторок (в других ракурсах), а справки не приводились.

12 Альманах «Женщина и Россия», 1979. Вып. 1 // Hoover Institution Archives. Narodno-trudovoi soiuz samizdat collection. 2000C83-18-1223.

Мы благодарны активист_кам и исследователь_ницам из российско-немецкого культурного сотрудничества «Kulturwerkstatt Zhaba» за информацию о нахождении этого экземпляра альманаха.

13 Альманах «Женщина и Россия». 1979. Вып. 1 // Open Society Archive. 300-85-44/31.

14 Материалы альманаха «Женщина и Россия». Вып. 1 и 2 (не вышел) // Научный архив НИЦ «Мемориал». Ф. П-1 (Р.И. Пименов). Коллекция самиздата.

15 Женщина и Россия. Альманах женщинам о женщинах. 1979. Вып. 1. Paris: Des femmes, 1980; [Материалы альманаха] «Женщина и Россия» // Вольное слово. Самиздат. Избранное, 1980. Вып. 38. С. 3–34.

16 Невысокое качество фотографий в доступных самиздатских экземплярах не позволило воспроизвести их в настоящем переиздании.

При том что, «гуверовская» копия является наиболее полной, в ней, к сожалению, отсутствуют (вероятно, были утеряны при переплете) лист с содержанием альманаха¹⁷, шмуцтитул с названием редакционной статьи «Эти добрые патриархальные устои» и последний абзац очерка Ивана Пазухина «Детство золотое». В настоящем переиздании отсутствующие тексты восстановлены по «будапештской» копии и приводятся в квадратных скобках.

Статья Галины Григорьевой «Женщина и тюрьма», заявление Татьяны Мамоновой в прокуратуру Ленинграда и обращение французских издательниц к читателям, опубликованные в парижском переиздании, даны в качестве приложения к основному корпусу текстов.

В настоящем переиздании сохранено авторское написание некоторых терминов и имен собственных («лезбиянство», «маскулинизация», «Маргарет Течер» и т.д.), но унифицировано употребление букв «е» и «ё», равно присутствующих в материалах альманаха, очевидно, из-за того, что над ним работало несколько машинисток (об этом же свидетельствуют и различия отпечатков пишущих машинок). Исправления явных опечаток и нарушений правил пунктуации в тексте переиздания не оговариваются.

17 Однако расположение статей и художественных текстов в ней совпадает с «будапештской» копией, парижским переизданием и содержанием, сохранившимся в материалах из архива НИЦ «Мемориал» (см. илл. стр. 118). В настоящее время неизвестно, входили ли пока не обнаруженные тексты Е. Лихач[евой] и М. Пальм[?], названия которых дописаны от руки в этот экземпляр содержания в какую-либо из копий альманаха. Тем не менее, статья Е. Лихачевой «История женского образования на Руси, 1086 г.» упоминается в самиздатском бюллетене «Хроника текущих событий» (1979, Вып. 55) в сообщении о выпуске альманаха, а ее французский перевод был напечатан в альманахе «Россиянка», изданном Татьяной Мамоновой в Париже в 1980 году.

Подробные биографии авторок и издательниц альманаха «Женщина и Россия» (в дополнение к самиздатским) опубликованы в завершающем разделе нашего сборника. Биографические справки о Юлии Вознесенской, Татьяне Горичевой, Наталье Малаховской и Татьяне Мамоновой написала Олеся Бессмельцева (кураторка передвижной выставки «Ленинградский феминизм 1979», аспирантка СПбГУ, стипендиатка программы кураторского обмена EUNIC (Мюнхен)). Справки о Наталье Мальцевой, Иване Пазухине и Геннадии Шикареве-Мамоновой подготовлены мной. С разрешения Вячеслава Долина мы использовали подготовленные им для справочника «Самиздат Ленинграда» (М., 2003) биографические справки о Галине Григорьевой, Софье Соколовой и Елене Шварц, сократив библиографии авторок и дополнив их биографии актуальными сведениями.

(Слева направо): Татьяна Мамонова, Наталья Малаховская,
Татьяна Горичева, Юлия Вознесенская.
Фотография из *Des Femmes* (Antoinette Fouque)

Часть 2

40 лет спустя

Анна Нижник

Право голоса /
право говорить

**Анна Нижник — преподавательница кафедры истории
русской литературы новейшего времени РГГУ (Москва).**

История коварна. Со временем многие имена и явления тускнеют, а потом вовсе стираются, и их отсутствие кажется результатом «естественного отбора», мол, не выдержали жесткой конкуренции за культурную экологическую нишу, человек человеку волк. Известная уловка. Потому в проектах, посвященных женской истории как истории «второго пола», не всегда замечаемого и полноправно представленного в памяти, есть пафос солидарности, но это не покровительственная солидарность победивших, отнюдь — это осознание, что некоторые вещи меняются слишком медленно и что мы до сих пор почему-то живем в культурных джунглях.

О роли женщин в культуре революционного периода написано довольно много, особенно западными исследователями: все-таки ореол эмансипаторного проекта, который впервые завершился тотальной сменой социального порядка, стоит дорого. Роль женщин в культуре Серебряного века — тоже довольно популярная тема, тут сказываются и притягательность декаданса, и возможность говорить о «чистом искусстве», столь

любезном тем, кто устал от барахтанья в политике. Много написано о женщинах в 1920-е: советский авангард, «новый быт» и разные вариации на тему «полового вопроса» до сих пор хорошо продаются в научной и культурной среде. Но дальше — какой-то провал: проговорив кратко, что в сталинское время все эгалитарные проекты были прикрыты, мы погружаемся в монотонное «советское время», которое описано с точки зрения быта и повседневности, традиционных «женских» сфер, вроде быта и семьи. Получается, что женщины будто бы существовали в литературе и искусстве, но это не точно.

Вроде бы вот они: Ахматова, Ахмадулина или Берггольц, которых нельзя игнорировать. Но в то же время они — *поэты*, и вроде бы у них нет ни специфических тем, ни специфических проблем, ни рефлексии гендерного опыта. Нет и особого статуса в культурной индустрии. Это любопытный парадокс, ведь еще со времен революции женщины-литераторы обслуживали огромный аппарат официальной советской печати, а затем и немалый круг подпольных изданий. Это были младшие сотрудницы типографий (как Лена в «Июльском дожде» Марлена Хуциева) и издательств, редакторы и корректоры. Писательницы работали для специфических «жанровых» секторов, вроде литературы для детства и юношества или, как Вера Инбер и Мариэтта Шагинян, отказывались от собственного опыта революционных 1920-х и приспособлялись штамповать тома «лениниан», «строек коммунизма» и прочего агиттворчества. В толстых литературных журналах — «Знамени», «Юности», «Новом мире», конечно, публиковались произведения авторов-женщин (примерно в соотношении 1 к 10), но они входили в единый поток советской литературы.

Были, правда, Наталья Баранская и И. Грекова (наст. имя Елена Вентцель), которые не скрывали в своей прозе пол рассказчицы и говорили о быте, семье, отношениях, специфике женской профессиональной реализации, но они были исключениями.

В самиздате, появившемся как «параллельная культура», сохранялось примерно то же соотношение¹⁸. Появлялись отдельные «звезды», такие, например, как Наталья Горбаневская или Елена Шварц, но они не задавали вопросов о редакторской политике. Самиздатские тиражи создавались руками женщин (Людмила Алексеева, та же Горбаневская, Татьяна Великанова и т.д.), но собственного издания у них не было. Получалось, что пока по миру катилась вторая волна феминизма, создавалась феминистская литературная критика и теория, происходило размежевание с патриархатным искусством, СССР оставался в стороне. Пафос равенства 1920-х окончательно испарился, а на его месте выросла странная конструкция, где отголоски патриархального быта сплелись с государственным принуждением и образовали непробиваемый фасад, который лучился фальшивым оптимизмом и по поводу личного, и по поводу политического.

Официальная «большая» литература и кино делали вид, что все идет по плану. Диссидентская литература в свою очередь побаивалась женщин и предлагала два варианта: либо возвращение к дореволюционному «чистейшей прелести чистейшему образцу», объекту туманных лирических посвящений (Бродский, Пастернак), либо — травестийное разоблачение «советской

18 Чтобы не быть голословной: например, в первых трех выпусках самиздатского поэтического альманаха «Синтаксис» (1959–1960) на 30 мужских имен приходится 4 женских.

женщины» вместе со всем строем и образом жизни. Не будем равнять автора и героя, но субъект, говоривший со страниц неподцензурной литературы, часто одновременно презирал и побаивался женщин. «Для чего вообще на свете баба?»¹⁹ — спрашивает герой Венедикта Ерофеева, и разворачивает целую философию «хороших баб», включающую зверобой за 2.62 и продавщицу в петушинском магазине. Антисоветская сексуальность культивировалась как мужская, в которой женщина — инструмент удовольствия. В романе «Ожог» (1975) Василия Аксенова советский ученый Аристарх Аполлинариевич занимается незащищенным грубым сексом с лаборанткой (ее согласие не требуется) или, например, в повести Юза Алешковского «Николай Николаевич» (1970) фригидная женщина любезно соглашается на секс без удовольствия. «Принцип согласия», о котором так много говорят сейчас, никак не вписывался в витальный мужской бунт. Есть о чем поразмышлять: лаборатория и механический секс соединяются в сугубо мужскую прогрессистскую мечту, где женщины как субъекта не бывает. Это поддерживалось героикой противостояния «официозу» и общим принципом «искусства ради искусства», который снимал с автора все возможные упреки и обращал критикующего в комсомольского ханжу. Татьяна Мамонова в качестве одного из признаков болезненной советской сексистской культуры называла стремительное распространение порнографии и проституции после перестройки, которое не встречало особых общественных преград²⁰.

19 *Ерофеев В.* Москва – Петушки. М.: Вагриус, 2001. С. 69.

20 *Мамонova T.* Freedom and Democracy: Russian Male Style // *Radically Speaking: Feminism Reclaimed.* Ed. D. Bell, R. Klein. P. 441–447.

Гендерное неравенство трудно диагностировалось в СССР, потому что официальный дискурс занавешивал женские проблемы понятием «буржуазный пережиток», а неофициальный объяснял их «тоталитарностью». Но все же оно чувствовалось, и вот, в 1979 году несколько женщин сделали первый самиздатовский альманах «женщинам о женщинах». Его участницы были плотно связаны с разными объединениями неофициальной культуры. Татьяна Горичева — с журналом «37», Юлия Вознесенская — с журналом «Часы». Но, как писала Татьяна Мамонова в предисловии, «конформизм не преодолен и неконформистами». Наталья Малаховская²¹ рассказывает, что в самиздате, и без того униженном, царил атмосфера утверждения за счет других, а «мужской ум» или «мужские стихи» было высшей похвалой для женщины. Реакция на альманах была разной, но не всегда солидарной. Так, та же Малаховская рассказывает, как опытные диссиденты, увидев журнал, с веселым гоголом принялись считать, сколько раз в тексте употреблялось слово «фаллос» — это вполне рифмуется с травестийной «сексуальной озабоченностью» литературы 70-х, скрывавшей непроработанные патриархатные травмы. В своей мизогинистической антологии неподцензурной поэзии «У голубой лагуны» Константин Кузьминский «шутит» об эмигрировавших к этому времени авторках альманаха показательно и неостроумно: про внешность, возраст и личную жизнь²². Похожую реакцию приводит Маша Гессен: «широкий круг диссидентов, включавший

21 Малаховская Н. Глаголом жець сердца людей. Неопубликованный рассказ. Цитируется по рукописи с разрешения автора.

22 Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны в 5 томах / сост. К. Кузьминский, Г. Ковалев. Newtonville: Ориентал Резерч Партнерз, 1980. Т. 4Б. С. 186.

тогда людей с самыми разными политическими воззрениями, феминисток своими так и не посчитал. Единственным исключением, по свидетельству самой Мамоновой, стал Андрей Сахаров»²³. Юлия Вознесенская (одна из участниц альманаха) добавляла иные детали: «Если в среде Второй культуры он был встречен с большим сочувствием, читался нарасхват, то в диссидентских кругах его приветствовали в основном мужчины, женщины же встречали недоуменно и даже насмешливо». Впрочем, одно не противоречит другому: в патриархатной культуре женщинам тоже внушается презрение к другим женщинам и самим себе, и все это расцветает причудливейшими цветами внутренней мизогинии.

На такой неровной культурной почве сборник собрался и вынырнул из женского бессознательного в мгновение ока. «Возмущение накопилось и клокотало там, внизу, внутри подсознания»²⁴, подготовленное многолетним молчанием.

Чтобы понять, что это за зеленая книжечка, нужно отказаться от классического представления, что литература — это отобранные публикаторами произведения определенных жанров и направлений, осененные отзывами профессиональных критиков и внесенные в списки для школьного чтения. Разумеется, она гораздо шире. «Женщина и Россия» — это в первую очередь феномен женского творчества. Слово «женское» здесь не просто обозначает тематику и пол участниц. Оно подразумевает одно очень специфическое «женское» дело: связывание разных вещей, налаживание связей,

23 Гессен М. Лица феминистской национальности // Итоги. 1998. № 8 (93).

24 Малаховская Н. Литературное приложение «Феминизм и его корни» // Остров. 2013. С. 3.

выстраивание эмоциональных контактов, культурное «ткачество». Впрочем, не только культурное: часть книжечек своими руками переплела с помощью гвоздя Наталия Малаховская, часть — Татьяна Мамонова на специальной машинке²⁵. Структура этого сборника неровная, но ее задача — в первую очередь расширить представление о мире, дать голоса сразу многим, не ограничивая их в форме и содержании. Воображая себе его появление, надо представлять не строительство собора — вдумчивое, рациональное и планомерное, а свободный рост диковинного плода, ускоренный жестким патриархатным излучением.

Что представляет из себя этот сборник? Несколько текстов на философскую и социально-политическую тематику, два рассказа, два письма-документа (из пионерского лагеря и из женской зоны), интервью о тюрьме, стихи — лирика Мамоновой и перевод из индийской поэтессы Акка Махадеви (сделала Елена Шварц) и литературоведческая статья о бисексуальности. Но главная тема — творческая самореализация, особенно болезненная в литературоцентричной русской культуре, помноженной на советское «вперед и выше». Роды, материнство и тюрьма — три главные темы, и ни в одной из них нет мужчины как центральной фигуры, от которой часто «отстраивался» западный феминизм. Мужчина маячит где-то на диване с газетой, но опыт деторождения или неволи — это экзистенциальное одиночество, противостояние целой системе. Так и вырабатывается эта новая творческая самость — через очень своеобразные обряды перехода, услужливо усовершенствованные женоненавистни-

25 Малаховская Н. Литературное приложение «Феминизм и его корни» // Остров. 2013. С. 3.

ческой государственностью, где женщины часто унижают своих сестер куда более ревностно, чем мужчины.

В этих текстах стили свободно смешиваются. С одной стороны — высокая лексика, библейская и романтическая, вера и воля (не только у религиозной Горичевой, но и у светской Мамоновой). Это антисоветское — то, чего нельзя: большое, громкое, гулкое, возвышенное, мистическое и свободное. С другой — ритм манифеста, политическая острота. Наталья Малаховская отмечала сходство «призрака коммунизма» с «призраком феминизма»²⁶, который обновляется через новый смысл: боль женщин, живущих в стране, где даже не к кому обратиться протест. С третьей — «наивное письмо»: сознательно сохраненные детские ошибки и неприкрытые слова-пощечины из роддома, с зоны, с кухни.

Так появляются «кариатиды коммунальных квартир», весталки кухонь, сирены роддомов. Авангард 1920-х пытался изжить «быт» и попутно изобрел его. Круг домашних забот существовал всегда, но «быт без движеньица» с семью слониками на комодке как эквивалент пошлости и отсталости — изобретение именно риторическое. Как и «кухарка, управляющая государством». И то, и другое было про «отсталый элемент» — женщин, которых нужно было подтягивать и развивать до мужского уровня. Это сформировало этакую культурную вилку: для официальной печати быт был досадным недоразумением, для антисоветской оппозиции — вотчиной полуграмотных кухарок, которые управляли страной и профанировали высокую культуру. Примечательно, что про Екатерину Фурцеву — эталон такой

26 *Малаховская Н.* Литературное приложение «Феминизм и его корни» // Остров. 2013. С. 5.

«кухарки», сохранилась масса анекдотов, а про следующего министра культуры — Петра Демичева, царившего в темные годы застоя, ничего.

Помимо быта, была еще «женская эмоциональность» и болтливость. Когда Георгий Чулков хотел «похвалить» Анну Ахматову, назвал ее «одним из самых молчаливых поэтов, несмотря на женственность»²⁷, а больше полувека спустя то же самое делал Бродский: «Если бы это произошло с мужчиной, он завыл бы по бабьи. Женщина, в данном случае, Ахматова, не кричит, она просто говорит»²⁸. Женская речь в патриархатной культуре всегда кажется громче, чем на самом деле, поэтому многие поэтессы и писательницы говорили так, чтобы не нарушать тишину в культуре-музее. Слишком громкий женский голос — это визг или вопль: «кто-то из читателей назвал альманах „воем“»²⁹. Крик в этих текстах — одна из смысловых доминант (крики рожениц, крики детей, визг истязаемых женщин-заключенных). На другом полюсе — немота («Слово рвется из твоей души») той, что разрывается между потребностью творить и семьей, бытом. Сами тексты оказались вполне членораздельны для тех, кто умел читать, слушать и думать. Парадоксальным образом, лучше всего уловило их разрушительный потенциал КГБ.

«Женщина и Россия» — о множестве вещей и тем, но главная из них, на мой взгляд, право на творчество, понятое шире некуда. Конечно, хочется видеть связь вре-

27 Чулков Г. Анна Ахматова (1922) // Чулков Г. Покрывало Изиды. М.: Юрайт, 2018. С. 230.

28 Бродский И. Интервью Наталье Рубинштейн [Электронный ресурс]. (BBC) URL: https://www.bbc.com/russian/society/2015/05/150523_brodsky_interview

29 Малаховская Н. Литературное приложение «Феминизм и его корни» // Остров. 2013. С. 3.

мен. И вот она: «русская женщина» (коня на скаку остановит!) выковалась в русском логоцентричном каноне ничего не подозревавшими писателями. И вдруг она захотела *говорить* сама. Все прочие права, по-разному артикулированные в разные эпохи, от экономической независимости до неприкосновенности тела — необходимые ступени для этого. Речь же — вещь опасная. Конечно, она не прибавит зарплату и не спасет от насильника, но она может разрушать власть, делая невидимое видимым, а страшное — понятным и банальным. Российские женщины по-прежнему хотят творить и говорить (в том числе в соцсетях, везде, где это возможно), а значит — постепенно добьются того, чтобы это можно было делать абсолютно свободно.

Лена Смирно

Неподчинение женщин

Лена Смирно (Елена Смирнова) — авторка, переводчица, аспирантка Университета Париж Дидро.

В октябре 2017 года в Париже тепло и солнечно. Я думаю о том, что моя короткая стрижка и розовая челка не самым лучшим образом зарекомендуют меня перед Татьяной Горичевой, поддерживающей *Manif pour tous*³⁰. Но, по иронии судьбы, Татьяна Горичева была кумиром моей бывшей возлюбленной. Именно благодаря ей я прочла маленькую книжку Горичевой «Православие и постмодернизм», которая заворожила и удивила меня. То же самое удивление я испытала, прочитав «Радуйся, слез Евиных избавление» в сборнике «Женщина и Россия». И теперь это удивление привело меня на станцию метро Ги Моке, названной так в честь французского коммуниста, расстрелянного нацистами в, возможно, таком же теплом октябре 1941 года. Я поворачиваю с солнечной улицы и открываю тяжелую дверь подъезда. Мы с Аней Сидоревич³¹ поднимаемся по лестнице

30 La Manif pour tous — сообщество реакционных организаций, в основном католических, созданное на волне обсуждения закона 2013 года об однополых браках во Франции и выступающее против законодательного закрепления прав ЛГБТ-людей. См. Елена Кондратьева-Сальгеро. «Заражённые совестью». Интервью с Татьяной Горичевой // Русская Idea. 05/04/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://politconservatism.ru/experiences/zarazhyonnye-sovestyu> (дата обращения: 15 июня 2020).

31 Анна Сидоревич — исследовательница, с 2019 года аспирантка в высшей школе политических наук в Париже Sciences Po. Именно благодаря ей я познакомилась с Татьяной Горичевой. Впоследствии мы в соавтор-

и пересекаем длинный коридор, напоминающий ленинградскую коммуналку. Маленькая женщина улыбается на пороге маленькой комнаты, заставленной книгами. От рыжей кровати с мезонином два шага до стола, упирающегося в подоконник. В 11 часов утра стол заставлен угощениями: сыр, фрукты и вино. Нас ждали, и нас принимают с тем искренним радушием, которое мне уже доводилось встречать в Париже в русской эмигрантской среде. Татьяна Горичева спрашивает меня о моем круге знакомых в Петербурге и, после перечисления нескольких имен философов и поэтов, удовлетворенно кивает и наполняет мой бокал вином. На моих внутренних часах еще совсем утро, я чувствую, как опьянение мягко обволакивает голову, и я смеюсь.

Годом раньше, в ноябре 2016 года, готовя доклад об альманахе «Женщина и Россия» для феминистского фестиваля LaDIYfest St-Petersbourg³², я размышляла о том, можно ли называть движение, возникшее в конце 1970-х годов в Ленинграде «феминистским». Из четырех создательниц альманаха — Юлия Вознесенская, Татьяна Горичева, Наталия Малаховская, Татьяна Мамонова, — некоторые используют слово «феминизм», «феминистский» в последующих интервью, но у меня остается ощущение, что эти слова для них — внешние, не собственные. Только Татьяна Мамонова, после эмиграции в Соединенные Штаты Америки, создавая новый издательский проект «Woman and Earth» — «Женщина и Земля», называет про-

стве написали статью, для которой Аня собрала большую часть материалов: «Où sont passées les archives? Le mouvement féministe en URSS depuis 1979 et la question mémorielle» (в июне 2020 года статья находится в процессе публикации).

32 Страница фестиваля в фейсбуке: <https://www.facebook.com/ladiyfest.stpetersburg> (дата обращения: 15 июня 2020).

ект эко-феминистским, и тем самым как бы позволяет говорить о себе как об участнице феминистского движения. Наталия Малаховская обозначает альманах «Женщина и Россия» и последовавший за ним журнал «Мария» как «журнал для женщин»³³, а Юлия Вознесенская определяет контекст создания публикаций как «женское движение в России»³⁴. В 2008 году дискуссионная группа вокруг текстов Альманаха в Санкт-Петербургском государственном и Зальцбургском университетах вылилась в публикацию русско-австрийского сборника, озаглавленного «Женский проект»³⁵. В нем анализируются как цели движения, так и поднимаемые его авторками проблемы, а вместо заключения редакторка Светлана Ярошенко задается вопросом: «Возможна ли феминистская повестка в современной России?» Софья Чуйкина в статье 1996 года рассматривает редакторку альманаха как частный случай участия женщин в диссидентском движении в Ленинграде — на основе качественных интервью она демонстрирует мотивации участниц и сценарии их вовлечения в процесс, который можно обозначить как активный конфликт с порядком власти³⁶. Александр

33 Феминистский самиздат: журнал «Мария». Видео выступления Натальи Малаховской. В 3 частях. Опубликовано 5.01.2013. Источник: <http://feministki.livejournal.com/2499778.html>, последнее посещение 29 сентября 2019.

34 *Вознесенская Ю.* Женское движение в России // Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950–1980-е / под ред. В.В. Игрунова. В 3-х т. Том 3: после 1973 года. М.: Международный институт гуманитарных политических исследований, 2005. С. 181–186.

35 Женский проект: метаморфозы диссидентского феминизма во взглядах молодого поколения России и Австрии (Frauen Projekt. Metamorphosen eines dissidentischen feminismus Ansichten einer jungen Generation aus Russland und Osterreich) / Под ред. С. Ярошенко. СПб.: Алетейя, 2011.

36 *Чуйкина С.* Участие женщин в диссидентском движении (1956–1986). Случай Ленинграда // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период: сб. статей / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: ЦНСИ. Труды. Вып. 4. 1996.

Кондаков в статье, посвященной «дерадикализации российского феминизма» указывает на движение 70–80-х годов как на закономерный этап развития феминизма в классово-расслоенном советском обществе постоттепельного периода³⁷. С начала 2010-х годов подруги и коллеги исследуют альманахи и последующие публикации, беседуют с авторками и создательницами проекта, собирают архивы и свидетельства, пишут статьи и диссертации. Я думаю, все это значит, что «Женщина и Россия» является частью нашей истории, истории феминизма в России и в мире³⁸.

И в то же время, мне хотелось бы предложить еще два слова для разговора о «Женщине и России». Эти слова — *эпистемологическое неподчинение*. Речь идет о термине, который использует аргентинский исследователь, семиотик Вальтер Миньола в одном из программных текстов по деколониальной теории³⁹. Это выражение мне кажется очень сильным, оно означает отказ от ис-

37 Кондаков А. Дерадикализация российского феминизма, или как Джудит Батлер, наконец, встретила Александру Коллонтай // Неприкосновенный запас. 2013. № 88. С.67–81.

38 Среди работ, о которых мне известно на сегодня: *Harting K.* Transferts franco-russes? L'almanach Femmes et Russie comme point d'intersection des féminismes dans les années 1970–1980: mémoire de Master 2. Université Paris Diderot – Paris 7, 2013; *Zakharova S.* Gendering soviet dissent: how and why the woman question was excluded from the agenda of soviet dissidents (1964–1982): diss. Central European University, 2013; *Talaver A.* Samizdat magazines of the Soviet dissident women's groups, 1979–1982: a critical analysis: biss. Central European University, 2017; *Sidorevich A.* Le mouvement dissident des femmes de Leningrad dans les années 1970–1980: la rencontre avec un «féminisme occidental»: mémoire de Master 2. Université de Versailles Saint-Quentin-en-Yvelines, 2018. А также статья *Milewska-Pindor N.* The almanac «Woman and Russia» and the soviet feminist movement at the end of the 1970s // International Studies. 2013. Vol. 15. № 1.

39 *Mignolo W.* Epistemic Disobedience and the Decolonial Option: A Manifesto // TRANSMODERNITY: Journal of Peripheral Cultural Production of the Luso-Hispanic World. 2011. Vol. 1. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://escholarship.org/uc/item/62j3w283> (дата обращения: 20 сентября 2019).

пользования устоявшихся нарративов в языке, нарративов, которые установлены теми, кто доминирует. «Эпистемологическое неподчинение», как я понимаю это выражение, — это изобретение нового языка для проговаривания проблем, которые замалчивает доминирующая группа, о которых не говорят угнетатели.

Авторки «Женщины и России» называют и, тем самым, обличают «фаллократию диссидентов» (Мамонова), «одномерность» «бесполого „homo soveticus“» (Горичева), лицемерие официального дискурса власти в вопросах материнства и женского здоровья (Малаховская), жестокость пенитенциарной системы (Вознесенская). Публикуя эти тексты, они выказывают неподчинение в отношении к доминирующему контексту: как в отношении к официальной доктрине советской власти, для которой с революцией достигнуто равенство полов, так и в отношении к неформальному порядку иерархии в среде соратников-диссидентов, более склонному предоставлять женщинам роль машинисток или переводчиц, чем авторок ленинградского самиздата.

Редакторки «Женщины и России» тесно сотрудничают с западными феминистками, именно благодаря этому сотрудничеству тексты из Ленинграда получают распространение за рубежом: сначала во Франции, затем в Германии, Австрии, скандинавских странах, в Греции, в США⁴⁰. И в то же время, в первых текстах альманаха мне видится также, вольное или невольное, неподчинение доминирующему западному феминизму. Это неподчинение — в несходстве повестки, проблем, а, главное, в самой эклектичности, внутренней полемич-

40 См. статью Анны Сидоревич «Самиздат Ленинградского женского движения во Франции» в настоящем сборнике.

ности входящих в альманах текстов. Так, первый перевод «Женщины и России» опубликован во французском феминистском журнале «Femmes en mouvement hebdo», и в одном из следующих номеров публикуется письмо читательницы, резко критикующей текст Татьяны Горичевой, звучащий дико для французского секулярного феминизма, где католическая церковь выступает исключительно синонимом угнетения: «Новое нужно критиковать с помощью еще более нового, а вовсе не старым», «Горичева утверждает как открытие то самое, что веками оправдывало наше угнетение», «У русских женщин, безусловно, довольно страданий, о которых нужно говорить, но кто их так отвратил от их собственных тел, от удовольствия и сладкой „порочности“? Осмелимся быть „нечистыми“, похотливыми, демоническими, и обойдемся без слишком возвышенного самопожертвования (недостаточно ли нас заставляли плясать под эту дудку!)»⁴¹.

Нужно оговориться, что несогласие в отношении религии и церкви является в то же время одной из причин раскола в редакции Альманаха. В частности, Татьяна Мамонова пишет о своем отстранении при создании журнала «Мария»: «С ее консервативными установками в отношении контроля рождаемости, аборт и гомосексуальности, церковь — это всего лишь другой вид патриархата»⁴². Однако в первом номере Альманаха текст Татьяны Горичевой, который сегодня я, вслед за французской читательницей «Femmes en mouvement hebdo» могла бы называть эссенциалистским, соседствует со стихами Татьяны Мамоновой, в которых нежно проступает лесбийская лю-

41 Des femmes en mouvement Hebdo. 1980. № 12. P. 24.

42 Mamonova T. The USSR: It's Time We Began with Ourselves // Sisterhood Is Global: The International Women's Movement Anthology. Ed. R. Morgan. Harmondsworth: Penguin books, 1984. P. 690.

бовь, и анализом текстов о бисексуальности Цветаевой и Уитмена, и в этом соседстве, в этом временном перемирии уже высказывается акт неподчинения.

В марте 2018 года я встречаю Наталию Малаховскую на Восточном вокзале в Париже. Навстречу мне идет женщина с рыжеватыми волосами, плечи ее укутаны в мягкую шаль. Наталия Львовна рассказывает мне о художнице, с которой она познакомилась в поезде по дороге из Австрии, и я думаю о том, что она должна притягивать подобных себе удивительных женщин как магнит. Самое яркое воспоминание, которое останется у меня от этой встречи — это сказка, которую Наталия Львовна рассказывает за столом (снова обильно уставленным угощениями). Это происходит в квартире, на этот раз напоминающей хрущевку, в одном из дальних Парижских пригородов, где она остановилась у своей знакомой, работающей в библиотечно-архивном центре, для которого мы с Наталией Малаховской готовим интервью⁴³. Это сказка про Марьюшку и Финиста Ясна Сокола, о том, как птица прилетала к ней по ночам и оборачивалась прекрасным молодым человеком, а однажды изрезала крылья об острые ножи, которые сестры натыкали в раму из ревности, и Марьюшка отправилась на поиски Финиста. Больше всего в русских народных сказках меня восхищают повторы, и вот Наталия Львовна приговаривает: Марьюшка семь пар железных сапог испотпала, семь пар железных хлебов изглодала... И я замираю, и думаю о том, какие истории мы друг другу рассказываем, и насколько важен голос каждой из нас.

43 Елена Смирнова, Ирина Цветков и Кароль Ажам. Видео-интервью с Наталией Малаховской, 09/03/2018, фонд аудио-визуальных архивов, La contemporaine. Фрагмент этого интервью в свободном доступе: Интервью с Наталией Малаховской 2018 («Женщина и Россия») [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/JVYY1zjKvIM> (дата обращения: 15 июня 2020).

Анастасия Кальк

Мы — Татьяна Мамонова

WELCOME TO
Woman and Earth's 40th Anniversary
World Tour 2020

Contact WE for Tour Schedule

Thanks!
Our heartfelt gratitude to the generosity of our individual, foundation and organization sponsors listed in our Almanac and the following airline, corporate, hotel and media sponsors:

Hotels

Russia:
Corinthia Nevskij Palace Hotel
Angleterre Hotel
Rocco Forte Astoria Hotel
Novotel St. Petersburg Centre
Renaissance St. Petersburg Baltic Hotel
Grand Hotel Europe
Nashotel

Dominican Republic:
Melia Santo Domingo Hotel
Amha Marina Casa Marina Reef
Amha Marina Casa Marina Bay
Amha Marina Paradise Beach Club
and Casino

France:
Terras Hotel
Sofitel Chateau de Versailles
Hotel Bardigala
Chateau de Brindas
Domaine de la Baronnie
Radisson Biarritz
Le Presoir au Chateau de Birou
Chateau de Bourdassire
Chateau de Vallere
Hibias La Defense Paris Hotel
St. James and Albany Hotel

Italy:
Grand Hotel Quisisana
Grand Hotel Villa Igles
La Sirena
Rocco Forte Hotel de Russie

USA:
HI Hialeahland Resort
Sheraton Koaohon Resort
CA Marriott La Jolla
Marriott San Diego Hotel and Marina
Marriott San Diego Mission Valley
NJ Berkeley Carriert Oceanfront Hotel Asbury Park
FL Renaissance Orlando Resort
Gaylord Palm Resort Orlando
Hilton Garden Inn Daytona Beach

40th Anniversary of WE **\$10**

ЖЕНЩИНА И ЗЕМЛЯ

WOMAN AND EARTH

Volume 22 as Woman and Earth, Volume 34 including Woman and Russia

Airlines

Finair
Qantas Airways
Lufthansa
British Airways
Delta Airlines
Ghana Airways

Corporations

Go to Russia Travel
Fair Wind
Hawaii Forest and Trail
Offshore Sailing School
Horticulture Center
Coca Cola Bottling, Ltd.
SeaWorld Orlando
Nur Natur

Network Computer Systems, Ltd.
Global 5000 Enterprises, International
Computer Solutions, LLC Ghalico,
Ghana Electronic Co.
Jumga Soko Daily Chemical Co. Ltd.
Jumga Soko Daily Chemical Co. Ltd.
Ghalico, Ghana Electronic Co.

Media Sponsors

Regional Press Institute, St. Petersburg
Radio Gold 98.5 FM, Graphic
Communications Corporation
GBC, ABC Radio, Sydney; CAPE, Paris

An Almanac in English and Russian

CHAPERS ON STORIES, ART, MUSIC & DANCE,
HISTORY, WORLD, FEATURES,
MILLENNIAL VOICES, WOMEN AND RUSSIA/FSU,
ECONOMICS, PARTNERSHIP, TRAVEL AND
FOOD, RECOMMENDED READING, POETRY,
LETTERS, PHOTOS AND
BEAUTIFUL ILLUSTRATIONS

Обложка юбилейного выпуска альманаха «Женщина и Земля» (WE-WR).

Предоставлена Татьяной Мамоновой

Анастасия Кальк — аспирантка Новой Школы Социальных Исследований, сотрудница центра Трансрегиональных Демократических Исследований (Нью-Йорк).

Феминисткой быть опасно и одиноко. Последовательное отстаивание прав женщин связано с огромным количеством личных угроз, регулярными конфликтами дома и на работе, агрессивной медиа травлей. Требование гендерного равенства уже несколько веков подряд вызывает лавины эмоционального сопротивления и публичного унижения, направленного в адрес активисток, которые не готовы мириться с ежедневным сексизмом. Феминистки живут в состоянии вечной гражданской войны против здравого смысла. Единственный способ пережить эту войну и не сломаться, то есть продолжать вести борьбу за мир без патриархата, — больше и плотнее поддерживать друг друга. Да, все мы понимаем, что за гендерное равенство невозможно бороться в одиночку, отчего однако не становится легче. Ощущение, что большую часть времени ты одна размахиваешь вилкой против всего остального мира, не проходит даже если повесить над кроватью красивые лозунги «Все люди — сестры», «Вся сила в солидарности» или «Одна за всех и все за одну». Реальная солидарность и взаимная за-

бота остаются малодоступной роскошью в российской активистской феминистской среде, в отличие от таких вещей, как конкуренция и удушающее взаимное подозрение.

Как научиться поддерживать и уважать чужую политическую работу? Можно начать с самого простого: упоминать других активисток в своих текстах и выступлениях, рассказывать про то, чего они добились и что сделали для движения, научиться вписывать свои и чужие женские имена в общую историю. Мы можем быть не согласны, можем расходиться во мнениях, но обязаны знать и интересоваться тем, что делают и делали до нас другие. Я в этом полностью убеждена. Иначе просто ничего не выйдет. Сознательное или не очень замалчивание феминистских имен или даже целых поколений никак не приближают мир, в котором женские голоса будут слушать, как минимум, с тем же вниманием, что и мужские. Попробуем больше говорить и писать друг о друге?

Мне стыдно признаться, но о Татьяне Мамоновой я узнала случайно. В прошлом году в мои личные сообщения постучалась некая Tat(yana) Mamonova с предложением встретиться как можно скорее. Она добавила, что написала несколько книг по феминизму, которые можно найти в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Я пошла гуглить. Поясню, что к этому моменту я считала, что хорошо разбираюсь в феминистской истории, прослушала курс про гендер в России и понятия не имела о том, что узнаю через десять секунд. Русскоязычная статья на Википедии про Мамонову, как и про сотни других женщин-политиков, почти ничего мне не сообщила, кроме того, что та была лишена советского гражданства в 1980-м и выслана в Вену за публикацию альманаха под

названием «Женщина и Россия». Чуть лучше обстояли дела с английской версией. Именно из нее я выяснила, что Tatyana Mamonova считается основательницей российского женского движения, называет себя социалистической феминисткой, объездила всю планету с лекциями и выставками и параллельно авторка десятка сборников о положении женщин в Советском Союзе⁴⁴. Почему я никогда о ней не слышала? Как такое вообще могло произойти? С этим вопросом в голове и расширенными от ужаса зрачками я ответила на сообщение от Tat(yana) Mamonova, договорилась о встрече.

В Нью-Йоркской квартире с видом на Центральный Парк меня ждали ленинградские интерьеры, горы рисунков и самиздатовских журналов с их строгой хозяйкой — первой советской феминисткой. Я держала в руках тяжелый пакет с десятком выпусков журнала «Женщина и Земля», дочернего проекта «Женщины и России». За чаем с печеньем Татьяна рассказала о том, как пыталась вернуть гражданство после распада СССР, но из этого так ничего и не вышло. Она сказала, что долгое время хотела связаться с кем-то из молодого поколения российских феминисток в Нью-Йорке, поскольку следит за новостями и очень интересуется тем, что происходит в России. Попытки не дали ожидаемого результата. Мы поговорили об Америке и капитализме. Я много расспрашивала про то, почему она решила писать о положении женщин в позднем СССР, чем занимается сейчас. Интересно, например, что Татьяна определяет себя в первую очередь как художницу, чьи графические работы продаются

44 См. например: *Mamonova T. Women and Russia: Feminist Writings from the Soviet Union.* Boston: Beacon Press, 1984; *Mamonova T. Russian Women's Studies: Essays on Sexism in Soviet Culture.* New York: Pergamon Press, 1989.

и выставляются в независимых арт-пространствах и публичных библиотеках города.

Приехала домой со стопкой свидетельств межпоколенческого и международного феминистского диалога, о существовании которого не подозревала. Журналы «Женщина и Земля» являются документацией жизни Татьяны Мамоновой в эмиграции и прямым продолжением проекта «Женщины и Россия. Это многоголосый архив историй и новостей о женском движении в США, Индии, Турции, Иране, Мексике, Украине, Доминикане и десятках других стран, по которым путешествовала главная редакторка. В выпусках смешиваются фотографии и воспоминания о феминистках Бетти Фридан, Глории Стейнем, письма русскоязычных читательниц, рецензии на книги по политической теории и экологии. В одном из номеров 2006 года я нашла рецензию на текст Венди Браун «Critical Essay on Knowledge and Politics» о противоречивой судьбе такой академической дисциплины как *women's studies*⁴⁵. Содержание «Женщины и Земли» непредсказуемо и полно сюрпризов⁴⁶. Трудно заранее угадать, что ждет тебя на следующей странице — заметка о протестах против селективных абортов в Индии или размышления о женском старении и бедности. Возможно, это будет текст на русском, а может быть — еще один на английском.

Имя и деятельность Татьяны Мамоновой сегодня известны очень узкому кругу лиц — исследовательницам и исследователям, которые специализируются на

45 Stewart L.J. Edgework: Critical Essays on Knowledge and Politics by Wendy Brown // Woman and Earth. Vol. 27. P. 101.

46 Копии этих журналов Татьяна Мамонова отправляла в публичные библиотеки Москвы и Санкт-Петербурга в течение многих лет и только недавно перестала из-за высоких цен за пересылку.

истории советского феминизма и старшему поколению участниц российского женского движения. Но и те обычно знакомы с ее биографией только до 1980 года, то есть до высылки из СССР. Ни одна из ее книг не переведена на русский. Найти информацию о ней практически невозможно. Невероятная жизнь художницы и журналистки, которая была лишена гражданства за публикацию самиздатского журнала, стерта из политической истории. Кому сейчас интересно, о чем писали и продолжают писать первые советские феминистки? Я — современная интерсекциональная феминистка, читала тексты Фуко, Харуэй, Крэншоу, зачем мне знать, что делала Татьяна Мамонова и другие авторки «Женщины и России»? До тех пор, пока мы обесцениваем работу советских и постсоветских женщин (например, считая, что настоящая феминистская теория и активизм существует только в Америке), мы обесцениваем и свою. Мы исключаем возможность для выстраивания межпоколенческих связей и создания общего языка с теми, кто начал борьбу с мировым и российским патриархатом задолго до нашего рождения. Реальная, а не плакатная феминистская солидарность начинается с искреннего интереса к идеям и работам друг друга.

АВГУСТ 1979 ГОДА

У Татьяны возникает идея свободного феминистического издания. Она и раньше думала на эту тему неоднократно. В 1968 году наивно высказывает эту мысль в КГБ, когда её там пытаются убедить в благозвучной раме комитета госбезопасности, который раскрыл недавно юношескую феминистскую (?) организацию, что она подвергалась сомнению, и советовала дать возможность производить себя свободно как юношеству, так и женщинам. „Почему, например, я не могу издавать феминистические сборники?“ (Это берут там на заметку). Позднее (в 1975 году) она делает предложение Ю. Вознесенской издать специальный женский сборник стихов, но это не находит достаточного отклика. Тогда эта проблема встаёт перед Татьяной настолько реально, что она сразу же даёт название журналу „Женщина и Россия“. После мы остаёмся на варианте Альтманаха, не желая ограничивать авторов специализированными рубриками, и почтишая невозможность обеспечить стабильную периодичность издания Татьяна делится с Т. Горичевой своими соображениями — она горячо подхва-

тила идею. Татьяна говорила ей, что это будет нечто новое, абсолютно непохожее, к примеру, на журнал „ЗТ“, который она редактирует вместе с В. Кривулиным. Мы колеблемся, не хочется ли это издание на Западе, связавшись с международным феминизмом и заручившись поддержкой женских организаций Европы и США. Ибо у нас отношение к феминизму крайне негативное, невежественное - как в оппозиции, так и в диссидентстве. Она заверяет, что найдутся силы и здесь. Знакомит нас с Н. Малаховской - та и другая приносят нам статьи, которые Татьяна редактирует: в частности просит Т. Горичеву исключить из статьи „Радуясь, слез Евных избавление“ концовку „раба божия Татьяна“, как несовместимую с феминистической сущностью Альманаха Разъясняет Н. Малаховской и другим понятия: сексизм, фаллокрафия и т.п. Предлагает своим подругам в Ленинграде и в других городах писать на волнующие их темы. Против наших корректив ни у кого возражений нет. Мы снимаем полемические для редакции. Берём платную

математикой. Материально нам помогает только Долматова Лера (которая вскоре уезжает в США на постоянное жительство) - Лера достаёт бумагу для печатания и активно помогает нам в реализации акварелей для финансовых нужд редакции. Я работаю вместе с Татьяной, выполняю функции секретаря, оформляю, переплетаю сборники, езжу к авторам для того, чтобы помочь им деньгами (к Н. Малаховской особенно часто, т.к. она не состоит на службе и ей трудно одной с ребёнком). С. Соколова сначала отказывается дать свой рассказ для „какого-то феминистического журнала“, а потом даёт, но в процессе работы не участвует. Она, а также Елена Шварц и Ю. Вознесенская (Окулова) видят альманах уже только в готовом

состоянии. Свои материалы Ю. Вознесенская обещает Т. Горичевой для альманаха, но не исполняет обещания. И Н. Малаховская приносит старую рукопись Ю. Вознесенской из своего архива. Т. Горичева пытается привлечь ещё женщин для сотрудничества в Альманахе, однако непопулярность феминизма налицо:

женщины откликаются пугливо, зато приходят любопытствующие мужчины, похоже, что они чувствуют опасность для себя в этом новом явлении. Во всяком случае, обещающих фракталогических данных они не принимают. Именно этой мутской аудиторией Т. Горичева защищает редакционную статью „Эти добрые патриархальные устои“ - мужчины высказывают негативное отношение к Терешковой и Фурцевой, а также рекомендуют нам похерить Ленина. Мы отвечаем, что это исторический экскурс, который должен быть объективным, и подчёркиваем, что в наших намерениях входит сохранить независимость как от официальной прессы, так и от самиздата, в котором уже тоже сложилась определённая, достаточно суровая цензура.

Анна-Наталия Малаховская

Спусковой крючок

[фрагмент]

Анна-Наталия Малаховская — со-основательница феминистского движения в Ленинграде (альманах «Женщина и Россия»), писательница, художница и исследовательница сказок (доктор философии университета Зальцбурга).

Впервые я догадалась, что женщиной быть не слишком лестно, в главном здании университета — это здание 12 коллегий, где по стенам очень длинного коридора висят портреты бородатых мужей-учёных. Но до конца я раскусила всю подлость существования в роли *женщины*, попав в роддом. Откуда не убежишь — во время схваток бежать невозможно, и ты находишься в полном распоряжении садистских надсмотрщиц (медперсонала), как в концлагере. В самом главном, в самом лучшем ленинградском «Институте гинекологии», где довели до смерти любимую тётю моего отца и меня тоже заразили той же самой болезнью (родильной горячкой), но в последнюю минуту одна старенькая санитарка сумела спасти меня от смерти. И через 30 дней я вышла оттуда тяжело больная, но живая.

До этого момента я чувствовала несправедливость всего устройства мира, но у меня не было понимания, откуда эта несправедливость идёт. Учительница литературы, которую мне посчастливилось встретить, приучила

меня верить в то, что у меня столько литературного таланта, что я могу «глаголом жечь сердца людей». И поэтому с 16-ти лет я стала писать повесть, которая потом была опубликована в самиздате под названием «Темница без оков» (второе издание, 2017, называется «Откуда взялась тьма»). Важен эпитаф этой повести: вот как я тогда ощущала то, что происходило в Советском Союзе:

«Итак, где кто тогда был застигнут, делался пленником и заключаем был в эту темницу без оков (...). Ибо весь мир был освещаем ярким светом и занимался беспрепятственно делами, а над ними одними была распростёрта тяжёлая ночь, образ тьмы, имевшей некогда объять их; но сами для себя они были тягостнее тьмы».

Когда в 1977 году мне с большим трудом удалось опубликовать эту повесть в самиздате, чуть не каждый день в мою комнату в коммуналке, где я тогда жила, стали приходить незнакомые мне люди — читатели самиздата, рассказывали мне о том, какой важной оказалась для них эта повесть. И просили писать ещё и ещё. Кто-то из них познакомил меня с автором слов моей любимой песни про молодых капитанов, которые «поведут наш караван», кто-то предложил устроить в моей комнатухе выставку неофициального художника, провести там же музыкальный вечер, на котором подпольный композитор пел абсолютно запрещённые песни. А весной 1979 года я организовала подпольный поэтический вечер (в большой квартире у подруги), где читали стихи двух подпольных поэтов — одна из них (Юлия Вознесенская) в этой время находилась в тюрьме, и можно было только надеяться, что она выйдет оттуда живой.

В мае 1979 года я стала писать свою вторую повесть: о молодом композиторе Алексее Николаеве, ко-

торый покончил с собой («Алёша»), и ровно через 2 дня после того, как я написала последнюю фразу в этой повести, 24 июля 1979 года, произошло событие, которое полностью перевернуло мою жизнь.

Мне предложили принять участие в создании альманаха для женщин. И для того, чтобы продемонстрировать, какого рода издание это будет, принесли машинописные странички: статью «Роды человеческие», подписанную — в целях безопасности — псевдонимом.

Это был текст про то, что происходит в родильном доме — в том самом заведении, из которого я только чудом вырвалась живой и старалась об этом не вспоминать. Но теперь, читая эту статью, я, погружаясь снова, как в подвал, в непереносимые переживания тех дней, ощутила, как меня что-то словно бы выталкивает из этого подвала наружу — выталкивает и выбрасывает — вверх! Какой бы отчаянной эта статья ни была, но в ней было столько задора и силы — и это вдохнуло в меня надежду на то, что если действительно осуществить издание целого журнала или сборника материалов, написанных самими женщинами — такого рода сборник, в котором будут абсолютно правдивые свидетельства — то он сможет превратиться в тот **ИНСТРУМЕНТ, при помощи которого можно будет ПРЕДЪЯВИТЬ СЧЁТ всему несправедливому мироустройству.** Именно потому, что в ней повествовалось про тот СПУСКОВОЙ КРЮЧОК, ПРО ТУ КРАСНУЮ КНОПКУ, с которой всякая жизнь начинается — с родильного дома, который был превращён в СССР в отделение ада, в отсек концлагеря, в котором до последней ясности обнаруживалось, в чём же разница между мужчиной и женщиной.

Эта статья называлась «Роды человеческие», написана она была Татьяной Мамоновой, которая пригласила меня основать вместе с нею журнал для женщин — не журнал, а, как она говорила, альманах, свободный сборник материалов... И через месяц этот альманах был написан, собран, отредактирован, перепечатан и переплетён — всего за месяц! Так началась новая жизнь: для меня, для тех, кто услышал об этом альманахе, а потом и для многих других: инструмент по переустройству мира приступил к действию.

Мим я разобью стены
сердцем страстным,
вспененным, ^{тоской}

Мим стены меня
своим туго ^{задушат} головным
бездушием.

Тешнотой моё сердце ^{сжато,}
сведено, как стрела —
и пронзит ^{внесёт}
торжествующей ^{грозовым разрядом}
ночи ^{нёт.}

Июнь 1964.

Фрагмент стихотворения Наталия Малаховская
«Перед боем» (1964)

Анна-Наталия Малаховская

Ты — женщина — молчи!

24 июля 1979 года. Я стою на Стрелке Васильевского Острова — в самом центре моего родного города — Ленинграда. Ко мне подходит Татьяна Горичева — одна из моих приятельниц по работе в самиздате — и передаёт мне — как она и обещала по телефону — «кое-что». А именно: четыре странички довольно потрёпанные на вид, пожелтевшие от немолодого возраста, с машинописным текстом. И говорит, что художница Татьяна Мамонова (имя, которое я слышу впервые) прочла мои произведения, опубликованные в самиздате, и они ей так понравились, что она решила пригласить меня работать вместе с нею... и тут она произносит такие слова, от которых у меня всё внутри переворачивается. Меня, опытную писательницу с 16-тилетним стажем, она приглашает создавать, вместе с нею, самиздатское издание — *для женщин*. Меня — для женщин??? Я тут же почувствовала себя так, словно бы меня понизили в должности! Что такое — журнал для женщин? Кройка и шитьё, в лучшем случае рецептики... и это — меня? А я-то думала, что я уже так хорошо пишу!

Надо понять, каким духом веяло тогда от одного только слова «женщина», каким ореолом оно было окружено. Если в одной из песен 30-х годов («Марш женских бригад») это слово звучало с гордостью («Цвети, страна, где женщина с мужчиной в одном строю свободная идёт»), то в 60-е годы идеалы 30-х давно потускнели, а к концу 70-х запал, сохранявшийся в песнях тех времён, давно прогорел. Вот почему с такой болью восприняли читатели самиздата ту сцену из моей повести «Темница без оков», где родители героини поют эти песни, вот почему после публикации этой повести в журнале «37» они повалили ко мне рекой, уговаривая меня писать всё дальше и дальше на эту тему. Оплакивая в душе тот энтузиазм 30-х годов, о котором продолжали звенеть эти песни, всё же о «Марше женских бригад» никто из моих читателей не вспоминал. Более того — само это *опальное* слово «женщина» в рафинированной среде ленинградского самиздата не произносилось, оно существовало как бы по умолчанию: произносились — выпускались наружу — только выражения «мужской ум» или «мужские стихи», причём всегда с большим знаком плюс (если речь шла об авторах другого биологического пола). Всё иное объявлялось «недостаточно профессиональным», и мне только с огромным скандалом, распутывая интригу и раскрывая коварный обман, удалось добиться публикации моей повести в этом самиздатском журнале. И тогда, после этой публикации, оказалось, что другие публикации в этом журнале, написанные и авторами-мужчинами и *по-мужски*, воспринимались читателями как скучные, занудные, а то и заумные, в то время как моя повесть вызвала горячий интерес и просьбы писать всё больше и всё подробнее на ту же самую тему.

Хотя в кругах интеллигенции казалось бы неприличным заявить напрямую «ты, женщина, молчи» (выражение, которое я услышала в 1976 году в Грузии от парня, который попытался меня зарезать), но по сути реакция редактора этого журнала на мои тексты к тому самому и сводились. Само слово «женщина» в то время звучало почти как оскорбление, как горячая картошка, которую стремились выпустить из рук, чтоб не обжечься. И неудивительно, что поголовным было стремление «замять для ясности» своё женское происхождение. И в особенности — тот самый аспект этого существования, неприличный и ужасающий, о котором повествовала незнакомая мне художница на переданных мне в тот день страничках.

«Роды человеческие» — так назывался этот текст, а сбоку, справа, стояло имя автора — авторницы — причём поддельное, ненастоящее. И почему надо было скрывать своё истинное имя человеку, пишущему о том самом, с чем приходится сталкиваться абсолютно каждому в первую же секунду своего бытия — с необходимостью выйти на белый свет? И с чем приходится сталкиваться половине человечества — выводить на белый свет, причём в таких условиях, которые — кому-то — захотелось замолчать, замять для ясности или «запихать как шапку в рукав»? И казалось, что так и будет продолжаться во веки веков — и аминь. Но вот все эти постыдные условия возрождения человечества вырвались наружу: обжигая и не стыдясь своего возмущения, писала о них незнакомая мне женщина, испытавшая всё это на себе. Наверное, именно из-за того, что речь в этом коротком сочинении шла о самом начале начал, о самом исходном пункте, со мной произошло то, о чём говорится в сказке: «Дёрни за

верёвочку, дверь и откроется». Или, ещё точнее, — то, что происходит, когда случится задеть за последнее звено связанного крючком или спицами произведения — стоит только за одну последнюю петельку потянуть, как и всё это произведение побежит распускаться и ляжет к твоим ногам бессвязной бесформенной свалкой.

У меня возникло ощущение, что кто-то или что-то взрезает оболочку того, что только что казалось действительностью, и эта так называемая реальность, привычная, обнаруживает себя как грязная подкладка чистейшего белого крыла, просиявшего в небе и пронзившего небеса насквозь, — это внезапное осознание того, что всё, что до сих пор выдавало себя за Абсолютную Истину, встало ребром — под вопрос.

В те годы мы жили хотя и без церковной православной религии с её абсолютным, всесильным Богом, но в ощущении скованности по рукам и ногам другого рода Абсолютностью и всесильностью. Как говаривал, и не раз, в те годы мой отец: «Я знаю абсолютную истину в последней инстанции». То есть всесильного Бога как такового в сознании и обиходе большинства тогда не было, но принцип Абсолютности в том, как была организована и как воспринималась цепь жизненных обстоятельств, наброшенная нам на головы, — этот принцип оставался непоколебимым. И пытавшиеся противопоставить себя этому советскому Абсолютизму неохристиане представляли нам Бога по модели советских мужей с их поговоркой «кого люблю, того и бью»: «Это Бог тебя учит, говорили мне люди: если Бог тебя мучит, значит, Он тебя любит». То есть и в том, и в другом случае — тот самый «гнёт роковой навсегда», о котором пела моя бабушка со своими друзьями — борцами дореволюционно-

го сопротивления. И вот этот гнёт — одним махом — был поставлен под вопрос, и распахнувшаяся передо мной яркая сторона жизни показала всю нашу привычную «реальность» гнёта как заскорузлую изнанку, и касалась она не только самого по себе угнетения женщин, а она касалась именно ВСЕГО — пелена с глаз была сорвана. И со всего была сорвана маска или злобное чёрное покрывало, обнаружившее свою несостоятельность, обнаружившее себя враньём, ложью, натянутой на истинный Лик Жизни.

Я совершенно реально ощутила это враньё как пыльный мешок, накинутый мне на голову, — и в тот миг он с треском, как воздушный шар, лопнул. Я поняла, что безнадежность вызывается не реальным положением дел, а внушаемым нам подходом к этому положению дел: как будто мне дали в руки новую КАРТУ, которая по-другому объясняла мне, где я нахожусь и как из этих зарослей выйти наружу, — не так, как на тех негодных картах, которые мне попадались до тех пор и показывали только напрасные пути, которые не вели ни к какому выходу.

И тогда внушаемый нам идеал абсолютного всеведения и всеислия, то ли советского, то ли церковного покроя, рухнул к моим ногам, и, пробираясь между его обломками, я добрела до трамвая, добралась до дому, нашла уж не знаю какой клочок бумаги — и тут же на бумагу вылились те слова, которые долго были заперты как в подполье, как в подвале, и вот, наконец, сумели вырваться на свободу, озаряя — для меня — всё вокруг. Слова даже не статьи, а настоящего Манифеста: о том, что женщина, пройдя сквозь все испытания и все смерти, станет не только физическим, но и духовным творцом будущего мира.

И в открывшейся в тот миг праздничной перспективе стало совершенно ясно, что, создавая этот журнал (или, как впоследствии его назвали, альманах), надо освещать по возможности все углы того подвала, куда мы были загнаны.

И вот — начало работы над созданием на самом деле того, чего никогда ещё не было — того альманаха для женщин, который потом получил название «Женщина и Россия».

Сначала — моё собственное произведение. С титулом, не переводимым ни на какие языки, — «Материнская семья». Впрочем, в последние дни июля 1979 года я ещё не подозревала о том, что уже через год этот текст понадобится переводить на множество других языков и что с этим названием возникнут затруднения.

И вот собирается материал: сам. Почти без усилий. От кого-то узнаю, что есть письмо от Юлии Вознесенской из тюрьмы, — еду туда, к этой знакомой моих знакомых, забираю это письмо и перепечатаваю, редактируя на ходу — на бегу! Потому что надо уже забирать моего сыночка, девятилетнего, из того детского лагеря, в котором ему пришлось ещё хуже, чем мне в моих детских садах и лагерях=тюрьмах. И откуда его не отпускают! Но я похищаю его — уворовываю тайком — и после этого он, задыхаясь от возмущения, диктует мне текст сочинения... — подходит в этот оформляющийся, взмахивающий крыльями альманах! И показываю свою «Материнскую семью» Соне Соколовой — единственной из подруг, которая мне действительно помогала и в болезнях, и в бедах. Эта статья наводит её на мысль о том, что и у неё есть что-то уж очень похожее по идее на мою статью — рассказ «Летающие ящеры» — и она приносит

мне рукопись этого рассказа. Надо только немного подправить, подредактировать, особенно в конце: рассказ получился на славу! Ещё одно украшение для растущего альманаха.

И вот — приходит и Таня Горичева со своим взносом в готовящееся небывалое издание. Этот взнос настораживает меня уже самим своим названием: «Радуйся, слёз Евиных избавление». И своим видом тоже настораживает: справа на рукописной странице слова трудно разобрать, так они, десять раз перечёркнутые, расплываются от пролитой на них жидкости: очевидно, что это были слёзы.

И после интересных размышлений о психоанализе и о К.Г. Юнге в начале этого произведения вдруг пошло — рекой — восхваление того самого Бога, Который, очевидно, и устроил то самое зло, бескрайнее и непобедимое, что было на нас опрокинуто и в тисках которого мы и барахтались до тех самых пор, ещё не умея толком назвать его по имени. И против которого вышли на борьбу.

А как его было назвать, это зло? Мамонова называла его патриархатом и фаллократией и объясняла, что борьба против него называется феминизмом, а я — любимая внучка бабушки Лии — той, что была из первых, ещё дореволюционных феминисток, — даже и слова-то такого не знала! Для меня этот враг, окружавший нас, оставался пока безымянным *Всем (безымянное Всё)*. И вдруг Горичева подаёт мне листок бумаги, облитый явно неподдельными слезами, в котором стоят такие выражения рабской преданности этому «всему», что меня начинает коробить...

Но я ещё не забыла того, как редактор «смешанного» самиздатского журнала «гробил» мои тексты, об-

виняя их в том, что они недостаточно «мужские». Я не хочу отказывать моей приятельнице в публикации этого явно выстраданного рассказа о метаниях и страданиях её жизни. Поэтому я привожу этот текст в порядок, редактирую и перепечатаваю и отдаю Татьяне Мамоновой вместе с другими четырьмя текстами, которые я отредактировала и перепечатала. А она передаёт мне те тексты, которые отредактировала и перепечатала она сама. Так у каждой из нас возникает готовый корпус альманаха, и каждая из нас переплетает — Мамонова 6 экземпляров (специальной машинкой для переплёта), а я — 4 экземпляра (просто гвоздём, как я до тех пор переплетала самиздатский журнал «37»). Формат: А5, обложка тёмно-зелёная: альманах готов! И выходит в свет как раз к началу нового учебного года: первого сентября 1979 года!

Элла Россман

Тревожный советский гендер

Элла Россман — магистр истории, стажер-исследователь Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий.

Советская гендерная политика никогда не была последовательной и единообразной, хотя нам и может казаться иначе, когда мы смотрим на старые плакаты с мускулистыми трактористками и улыбающимися работницами. На самом деле для «женского вопроса» на разных этапах существования Советов находился разный ответ — и когда мы говорим «разный», то речь идет о кардинально различных вариантах, от дискуссий о сексуальной свободе и новых типах немоногамного партнерства до вполне буржуазного воспевания семьи как ячейки общества и женщин как в первую очередь матерей и субъектов заботы. В этом небольшом тексте я коротко опишу основные этапы в развитии гендерной политики в СССР и скажу несколько слов об особенностях советского гендерного порядка конца 1970-х — начала 1980-х годов, в которые и появились ленинградские феминистские диссидентские группы и, в частности, был выпущен альманах «Женщина и Россия».

Российские социологи Анна Темкина и Елена Здравомыслова в статье «Государственное конструирование гендера в советском обществе», опираясь на работы Игоря Кона и Гейл Лapidус, выделяют четыре этапа развития гендерной политики в СССР⁴⁷. Первый — это конец 1910-х — 1920-е годы, период экспериментаторства и дискуссий о семье и сексуальности, политической мобилизации женщин и новых свобод. Именно в это время женщины получили права и возможности, которые многим из нас кажутся квинтэссенцией всего советского гендерного порядка: право на аборт, на упрощенную процедуру брака и развода, доступ к образованию и профессиональному развитию. Кстати, право голоса, как и право избираться, они обрели не при большевиках, как часто думают, а еще при Временном правительстве в сентябре 1917 года, после многочисленных женских демонстраций⁴⁸. Однако и без этого большевики привнесли немало нововведений в жизнь российских женщин, а также других социально-уязвимых групп, например, сексуальных меньшинств: в раннесоветское время были декриминализованы мужские гомосексуальные контакты⁴⁹.

Второй период начинается во второй половине 1930-х годов, после коллективизации и на фоне форсированной индустриализации. Это время «великого отступления» в области гендерной политики, некоторые

47 *Здравомыслова Е., Темкина А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. № 1 (3/4). 2003. С. 299–321.

48 Подробнее о том, как женщины в досоветской России получали основные права, см., например: *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004.

49 О специфике раннесоветских дискурсах о сексуальности см., например: *Naiman E.* Sex in Public. Princeton University Press, 1997.

исследователи называют его периодом «консервативного поворота». Оказываются вновь криминализованы аборты и гомосексуальные контакты между мужчинами, а образ гетеросексуальной полной семьи⁵⁰ с несколькими детьми и идеал женщины-матери снова становятся значимыми в государственной пропаганде.

Большую роль тут сыграла затяжная война, на которую оказалось мобилизовано, по некоторым оценкам, около полумиллиона советских женщин⁵¹. Война сильно повлияла на специфику гендерных отношений между советскими людьми, на их представления о любви, романтике и сексуальной жизни, о поле и субъектности⁵².

50 О специфике советской принудительной гетеросексуальности см. тексты Dan Healey, Francesca Stella, Arthur Clech, Ирины Ролдугиной.

51 Данные о числе мобилизованных женщин приводятся по тексту: Будницкий О. Мужчины и женщины в Красной армии (1941–1945) // Cahiers du monde russe. № 52 (2/3). 2011. Статья доступна по ссылке: <https://journals.openedition.org/monderusse/9342>.

Автор, в свою очередь, оценивает количество призванных в армию и военно-морской флот женщин (как работавших в тылу, так и на фронте), опираясь на следующий источник: Великая Отечественная без грифа секретности: Книга потерь. М.: 2009. С. 37–38, 39.

Надо сказать, встречаются в литературе и иные оценки численности женщин в той же Красной армии, например, Ирина Щербакова пишет о 800 тысячах женщин, ушедших в армию. Об этом см.: Щербакова И. Победа вместо войны? Статья доступна по ссылке: <https://urokiistorii.ru/article/3222>. Текст изначально был опубликован на немецком языке: Scherbakowa I. Zerrissene Erinnerung: Der Umgang mit Stalinismus und Zweitem Weltkrieg im heutigen Russland. Göttingen: Wallstein Verlag. S. 7–62, 2010.

52 Будницкий Олег. Указ. соч.

Кроме того об этом см., например: Markwick R.D. «The Motherland Calls»: Soviet Women in the Great Patriotic War, 1941–1945 / The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union. London: Palgrave Macmillan, 2019. P. 217–232. Schechter B. «Girls» and «Women»: Love, Sex, Duty and Sexual Harassment in the Ranks of the Red Army 1941–1945 // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2015. № 17. Статья доступна по ссылке: <https://pipss.revues.org/4202>; Cottam K.J. Soviet Women Soldiers in World War II: Three Biographies // Minerva. 2000. № 18 (3/4). P. 16–37.

На фоне постоянного страха смерти советские граждане отбрасывали прежние (или приобретенные в 1930-е годы?) нормы в области сексуальности. Женщины, как на фронте, так и в тылу, оказывались в новой роли и меняли свои представления о себе и о своем месте в жизни. Одновременно с этим война была пространством беспрецедентного сексуального насилия, причем не только по отношению к «женщинам врагов». Принудительное сожителство было отнюдь не редкостью в Красной армии, а военные изнасилования — часть любой большой военной кампании⁵³.

Ответом на вызванные войной массовые трансформации общественной жизни видятся мне указы 1941 и 1944 года⁵⁴, которые вводили налог на бездетность и холостую жизнь, усложняли разводы и не позволяли устанавливать отцовство в случае, если ребенок родился вне брака. Вообще в военное время появился целый ряд достаточно жестких консервативных нововведений, и не только законодательных, но и в форме поощрения определенного поведения, как в случае с введением звания «Матери-героини» в 1944 году. В 1943 году в крупных городах СССР ввели отдельное обучение для мальчиков

53 Об этом см. главу «War» в книге: *Brownmiller S. Against Our Will: Men, Women, and Rape*. NY: Ballantine Book, 1993. На канале «this is so second wave» на Яндекс.Дзен можно найти перевод упомянутой главы на русский язык.

54 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 года «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР»; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия — звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства». Также см. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 года «О порядке признания фактических брачных отношений в случае пропажи без вести на фронте одного из супругов».

и девочек в старших классах школы, произошла частичная реставрация дореволюционных образовательных форм⁵⁵.

После войны советское общество столкнулось с проблемой очевидного демографического перекося: множество мужчин не вернулось с войны домой⁵⁶. Такая демографическая специфика не могла не повлиять на общественные отношения и динамику власти в гендерной перспективе. Вопрос о том, как именно послевоенный демографический перекося повлиял на гендерный порядок в СССР в период позднего сталинизма пока только ждет своего полноценного, всестороннего исследования. Возможно, речь идет об еще одном специфическом периоде внутри достаточно консервативной сталинской эпохи.

Третьим периодом в статье Темкиной и Здравомысловой обозначены — несколько десятилетий с начала оттепели и вплоть до середины 1980-х годов. Все это время авторы объединяют в период, который характеризуют как одновременно время либерализации гендерного порядка (например, снова разрешены аборты, отменено раздельное обучение в школах и др.) и кризиса этакра-

55 Причины введения этой нормы, чрезвычайно затратной с точки зрения ресурсов и, как позже оказалось, плохо реализуемой на практике, до сих пор окончательно не известны. О том, как реализовывался этот закон и к каким проблемам приводило его воплощение в жизнь, см., например: *Ewing E.T. The Repudiation of Single-Sex Education: Boys' Schools in the Soviet Union, 1943–1954* // *American Educational Research Journal*. 2006. № 43 (4). P. 621–650; *Ewing E.T. Separate Schools: Gender, Policy, and Practice in Postwar Soviet Education*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2010; *Гончарова Г.Д. Период раздельного обучения в СССР в 1943–1945 гг. и его отражение в литературе и кинематографе: препринт WP20/2013/07*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

56 *Вишневецкий А. Демографический след войны* // *Демоскоп Weekly*. 2016. № 689–690. Статья доступна по ссылке: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0689/tema01.php>.

тического гендерного контракта. Такое объединение тоже спорно хотя бы по той причине, что либерализация была свойственна скорее второй половине 1950-х — первой половине 1960-х годов. В период застоя наступил он и в сфере гендера: окончательно закрепились многие уже устоявшиеся к этому времени стереотипные представления, идеологемы и порядки. Появлялись, впрочем, и консервативные нововведения, вроде привычной нам сегодня атрибутики празднования 8 марта как дня «весны и женственности» (с 1965 года он становится официальным выходным днем и начинается его постепенная трансформация) или списка профессий, запрещенных для женщин (1974 год).

Наконец, четвертый период в статье Темкиной и Здравомысловой — это период гласности и перестройки. В это время государство начало стремительно терять контроль за частной жизнью советских граждан и постепенно утрачивало монополию в конструировании норм и образов гегемонной женственности и мужественности в культуре. В это время в советском обществе активно развивались новые, конкурирующие между собой дискурсы и практики, которые во многом определяют гендерный порядок и дискуссии на эту тему в 1990-е годы⁵⁷.

Как показывает приведенная выше схема (которую, как я показала, тоже можно еще уточнять и находить внутри нее свои мини-периоды и «гендерные повороты»), гендерная политика в СССР на разных этапах его существования была чрезвычайно разнообразной и зачастую ее курс менялся на противоположный. Однако, на мой

57 Об этом см.: *Perestroika and Soviet Women*. Ed. M. Buckley. Cambridge: Cambridge University Press, 1992; *Consuming Russia: Popular Culture, Sex, and Society since Gorbachev*. Ed. A.M. Barker. Durham, NC: Duke University Press, 1999.

взгляд, мы можем выделить и общие черты этой политики или скорее ее эффектов, которые определяли жизнь советских женщин на протяжении почти целого века.

Во-первых, конечно же, в советское время женщины самого разного социального происхождения вышли в публичное поле и нашли в нем новые возможности для реализации, а также пространство для собственного высказывания. Возможности эти включали не только новые профессии и работу вообще, — публичное поле стало для них в том числе и пространством активного отдыха, общения, праздника, которые теперь не ограничивалось прежними жесткими гендерными рамками⁵⁸. Женщины стали восприниматься как часть коллектива, — будь то коллектив рабочий, веселая праздничная толпа или политическая демонстрация. Это крайне важный сдвиг и в перформансе российских женщин, и в их повседневных практиках, и — как следствие — в их самоощущении.

Кроме того, важной особенностью советского гендерного порядка стал тот факт, что с приходом новых возможностей и с появлением у женщин новых ролей в обществе (женщина-работница, женщина-общественница и т.д.), многие из прежних ролей женщин так никуда и не делись, а в 1930-е годы даже были еще раз крепко-накрепко закреплены за ними. За советской женщиной, как и в досоветские времена, оставался домашний труд и материнство, которые, несмотря на все дискуссии о совместном быте 1920-х, продолжали восприниматься как ее непосредственные, негласные обязанности. Конечно, набор этих обязанностей и их специфика сильно зависели от социального класса, к которому принадлежала

58 *Chatterjee C. Celebrating Women: Gender, Festival Culture, and Bolshevik Ideology, 1910–1939. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2002.*

женщина: отдельные советские гражданки могли иметь оплачиваемую домашнюю прислугу, хотя это, конечно, не было повсеместно распространено в СССР⁵⁹. Однако общая картина оставалась примерно следующей: сочетание работы и материнства с домашним трудом порождали специфическую систему угнетения, в которую попадала советская женщина: на ее плечи ложилась «двойная нагрузка», «двойная ноша», которую практически невозможно было скинуть в условиях, когда труд становился обязательным (и желательным) элементом повседневной жизни, а рынок частных услуг нянь и домработниц был развит плохо, не был доступен большинству населения, либо вообще по большей части находился в тени.

Уход за собой как важный элемент женственности в этой системе можно назвать «третьей нагрузкой», «третьей ношей», хотя, конечно, в советском обществе не существовало идеала сексуализированной красотицы, свойственного постсоветскому периоду (этот образ в Россию пришел вместе с капиталистическим строем и был скорее противоположен советскому образу идеальной женщины, который тоже менялся во времени и тоже предполагал свои нормы и предписания⁶⁰). При этом от женщин в СССР по-прежнему требовалась ухо-

59 См., например: *Клоц А.* «Светлый путь»: институт домашних работниц как миграционный канал и механизм социальной мобильности эпохи сталинизма // Новое литературное обозрение. № 5. 2012. Статья доступна по ссылке: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/5/svetlyj-put-institut-domashnih-rabotnicz-kak-migracziornyj-kanal-i-mehanizm-soczialnoj-mobilnosti-epohi-stalinizma.html>; *Klotz A.* The Kitchen Maid as Revolutionary Symbol: Paid Domestic Labour and the Emancipation of Soviet Women, 1917–1941 // The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union. London: Palgrave Macmillan, 2019. P. 83–116.

60 О раннесоветском и сталинском идеальном женском образе см., например: *Atwood L.* Creating the New Soviet Woman: Women's Magazines as Engineers of Female Identity, 1922–1953. NY: St. Martin's. 1999.

женность, внешняя привлекательность и нарядность. В условиях постоянного дефицита и чрезвычайной перегруженности выполнять эти требования было отнюдь не простой задачей.

Важным элементом советской действительности стало сохранение многих сексистских установок в повседневной жизни граждан. Бытовой сексизм порождал такие явления, как «стеклянный потолок» на рабочем месте, а также недопредставленность женщин в высших эшелонах власти, куда добирались единицы. Центральные государственные институты в Советском Союзе с самого начала работали по принципу «мужского клуба», а главные лица страны имели крайне специфический и ограниченный взгляд на женщин, что хорошо показывает, например, недавно переведенное на русский язык блестящее исследование швейцарского историка Магали Делалой, которая проанализировала особенности гендерных отношений в Кремле во времена сталинизма⁶¹.

Наконец, важной особенностью советского гендерного порядка стал государственный контроль за сексуальностью и частной жизнью человека. Этот государственный контроль с его специфическими институтами и механизмами мог усиливаться и ослабевать, но он сохранялся до самого падения советского режима. Если говорить о женщинах, то тут важно следующее: советская власть брала на себя порядочное число обязанностей в сфере поддержки материнства и детства и во многом отыгрывала традиционную роль отца семейства, «кормильца, добытчика и защитника»⁶². Однако взамен оно

61 *Делалой М.* Усы и юбки: гендерные отношения внутри кремлевского круга в сталинскую эпоху (1928–1953). М.: РОССПЭН, 2018.

62 Отдельная большая дискуссия в этом контексте — это кризис маскулинности и мужской идентичности в СССР. И та, и другая были лишены

выдвигало требования жесткого соответствия своим стандартам и правилам, которые ко всему прочему постоянно видоизменялись.

Все эти требования, как мне кажется, порождали у советских женщин специфический тип самоощущения. Именно его я обнаруживаю, читая женские дневники разного времени или статьи ленинградских феминисток. Женщина в СССР номинально обладает возможностями и выбором, но по факту оказывается перегруженной обязанностями самого разного рода и вынуждена делать всего понемногу. Она может быть образованной, но даже самое лучшее образование не освобождает ее от огромного количества повседневного неквалифицированного труда. Советская женщина инициативна, ее даже подталкивают к этой инициативности с ранних лет, но на деле она не обнаруживает недостаточно пространства для своих наиболее смелых политических или профессиональных амбиций. Постоянная тревога и усталость от этой нестабильной, противоречивой репрессивной системы, как мне кажется, хорошо запечатлены в альманахе «Женщина и Россия». Особая роль ленинградских диссидентских феминисток оказывается в том, что они изобрели язык, который позволил воплотить эту тревогу и превратить ее в новое желание. В центре этого желания — иной образ свободы, за пределами прежних, утративших свое очарование советских утопий.

советским государством своих базовых качеств, при этом какой-либо новый вид маскулинности, который мог бы заменить прежний, внутри советской идеологии сформулирован не был. Естественное следствие — кризис самоощущения мужчин и общее ощущение исчезновения мужественности как явления, которое тревожило советских граждан. Об этом см., например: *Здравомыслова Е., Темкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / О муже(Н)ственности: сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 432–451.*

Анна Сидоревич

Самиздат Ленинградского
женского диссидентского
движения во Франции

Анна Сидоревич — аспирантка Центра исторических исследований, Sciences Po (Париж).

Менее, чем через год после начала работы над альманахом «Женщина и Россия», участницы Ленинградского женского диссидентского движения были вынуждены покинуть СССР. 20 июля 1980 года Татьяна Мамонова, Наталия Малаховская и Татьяна Горичева прибывают в Вену, куда несколькими месяцами ранее уже была выслана Юлия Вознесенская. Однако самиздат Ленинградского женского движения становится объектом пристального внимания в Европе задолго до изгнания его создательниц из страны.

Первые упоминания о женском самиздате в Париже относятся к декабрю 1979 года, когда сразу два французских феминистских издательства *des femmes*⁶³ и *Tierce*⁶⁴

63 Издательство *des femmes* (в настоящее время Editions des femmes-Antoinette Fouque) было задумано в 1972 и организовано в 1974 году лидером группы «Психоанализ и Политика» («Psychanalyse et Politique») Антуанет Фук (Antoinette Fouque) (1936–2014) на деньги меценатки Сильвины Буассонна (Sylvina Boissonnas). Основной целью женского издательства было, с одной стороны, реабилитировать женщин, борющихся за свои права (Интервью с Мишель Идельс, 23.10.2017), а с другой, — способствовать развитию женского, «не фаллоцентрического» письма (*Mémoire de femmes 1974–2004*. Paris: Des femmes, 2006. P. 10.). Идеологию, развитую в группе, возглавляемой Антуанет Фук, можно отнести к эссенциалистскому течению феминизма.

64 Феминистское издательство, основанное активисткой Движения за освобождение женщин во Франции Франсуазой Паскье (Françoise Pasquier)

обнаруживают самиздатские тексты, посвященные женскому вопросу в СССР (формально разрешенному), и предпринимают попытку их перевода и публикации. По словам Надьи Ренгар (Nadja Ringart), участницы Движения за освобождение женщин во Франции, близкой к издательству Tierce, в 1970-е годы в Париже действует группа поддержки советских диссидентов, организованная вокруг режиссера Армана Гатти (Armand Gatti)⁶⁵ и переводчицы, владеющей русским языком, Элен Шатлен (Hélène Châtlain)⁶⁶. В эту группу также входит Ирина Баскина — ленинградская диссидентка, критик искусства и театра в эмиграции, которая, вероятно, и передает тексты Альманаха «Женщина и Россия» в руки издательниц Tierce.

Из интервью с Ириной Баскиной:

«Когда этот самиздат прибыл в Париж, я уже знала Мамонову, потому что она участвовала в нескольких выставках в Ленинграде, где я присутствовала. Я даже не знала, что вся эта книжка была составлена Мамоновой. <...> Марк Фино (Marc Finaud) [вице-консул и культурный атташе Французского консульства в Ленинграде. — Прим. авт.] попросил меня подумать, знаю ли я кого-нибудь, и попросил найти французских феминисток. Это было временем, когда они [феминистки. — Прим. авт.] были очень актуальны, и было очень много разных групп, и эти группы

в 1977 году. Издательство выпускало такие крупные феминистские периодические издания, как «La Revue d'En face», «Questions Féministes», «Les Cahiers du Gif», «Parole!». Феминистки, близкие издательству Tierce, придерживались взглядов эгалитаристского феминизма.

65 Арман Гатти (Armand Gatti) (1924–2017) — французский журналист, писатель, режиссер, режиссер-постановщик и драматург.

66 Элен Шатлен (Hélène Châtlain) (1953) — сценаристка, режиссер, актриса, писательница и переводчица, владеющая русским языком. В 1977 годы выходит ее фильм, посвященный Андрею Синявскому, «Siniavsky, une voix dans le coeur».

вели войну друг против друга. Издательство des femmes было самым активным, самым влиятельным и самым богатым. Но там никто не говорил по-русски...»⁶⁷.

Таким образом, вероятно, именно через Французское консульство в Ленинграде одна из копий Альманаха попадает во Францию. В 1970–1980-е годы Французское консульство играет важную роль в неофициальной культурной жизни города. Генеральный консул Филипп Легрен (Philippe Legrain) (1976–1980) лично интересуется живописью художников неонконформистов, среди которых — Татьяна Мамонова и ее муж Геннадий Шикарев. Кроме того, документы, обнаруженные нами в дипломатических архивах консульства, а именно досье под названием «Ленинградское феминистское движение»⁶⁸, свидетельствуют о глубоком интересе Генерального консула к деятельности женского диссидентского движения, а также о его помощи и содействии в распространении самиздатских текстов.

Итак, женский самиздат достигает своих адресатов — французских феминисток — в конце 1979 года, однако он тут же оказывается в эпицентре конфликта, отчасти обусловленного состоянием самого Движения за освобождение женщин во Франции в конце 1970-х⁶⁹, движения, которое изначально являлось гетерогенным

67 Интервью с Ириной Баскиной (27.10.2017).

68 Centre des Archives diplomatiques de Nantes. Inventaire: Saint-Petersbourg consulat. 1973–1991. 599PO/2.

69 В ноябре 1979 года Антуанет Фук, создательница и лидер группы «Психоанализ и Политика» («Psychanalyse et Politique»), входящей в Движение за освобождение женщин во Франции, регистрирует аббревиатуру MLF (Mouvement de Libération des femmes) как товарный знак, объясняя необходимость подобного жеста желанием легализовать и защитить имя движения. Этот поступок оценивается многими участниками движения, не принадлежащими группе Фук, как акт апроприации, обусловленный желанием Антуанет Фука формально возглавить MLF.

и включало в себя множество зачастую конфликтующих между собой групп — то, чего, по всей вероятности, не знали и, в силу обстоятельств, не могли знать ленинградские феминистки.

Из интервью с Надьей Ренгар, участницей Движения за освобождение женщин во Франции, близкой к издательству Tierce:

«В конце 1979 мы получаем тексты, <...>, и сразу же мы хотим их опубликовать, это очевидно. Но у нас нет денег, нет средств, мы не можем сесть в самолет и поехать в Ленинград. <...> Это было настоящей болью для нас, потому что издательство des femmes имели средства, купили билеты и полетели подписывать контракт»⁷⁰.

По словам Мишель Идельс (Michèle Idels), активистки, участницы Движения за освобождение женщин во Франции (группа Psychanalyse et Politique), а также сотрудницы издательства des femmes, их группа узнает о женском самиздате из газеты Libération в конце декабря 1979 года. Тогда же des femmes принимают решение оказать помощь участницам движения, а именно, перевести и опубликовать их тексты во Франции.

Из интервью с Мишель Идельс, сотрудницей издательства des femmes:

«Мы увидели в газете Libération небольшую заметку о женщинах, которые выпускали самиздат, женский альманах, за что им грозил ГУЛАГ. Тогда Антуанет Фук (Antoinette Fouque) сразу же решила, что мы должны найти эти рукописи. И мы их нашли. В Париже. Я не знаю точно, могу ли я это говорить, — это была газета „Русская мысль“ <...>, и мы переводили эти рукописи три дня и три ночи»⁷¹.

70 Интервью с Надьей Ренгар (5.12.2017).

71 Интервью с Мишель Идельс (23.10.2017).

По словам Мишель Идельс, перевод текстов был сделан ими без привлечения профессиональных переводчиков: она сама изучала русский язык в школе («Моя мать родилась в Киеве, а отец — в Вильнюсе, в то время это было Восточной Европой»⁷²), а Анн Фонтэн (Anne Fontaine), ее подруга, которая была также привлечена к переводу, работала преподавательницей русского языка. Однако в критических статьях, появившихся после публикации перевода, указывается на то, что представительницы издательства *des femmes*, в отличие от издательства Tierce, подготовили перевод так быстро лишь потому, что обратились к услугам профессиональных переводчиков⁷³.

Таким образом, в то время как издательство Tierce объявляет о готовящемся переводе и публикации текстов ленинградских феминисток в конце 1979 года, к публикации готовится и издательство *des femmes*, которое завершает эту работу быстрее. 4 января 1980 года *des femmes* делают анонс публикации перевода альманаха, а уже через неделю, 11 января 1980 года, публикуют полный перевод текстов Альманаха «Женщина и Россия». Эта публикация сразу же встречает множество критики, обращенной, прежде всего, не к содержанию текстов, но к тем обстоятельствам, в которых женский самиздат был переведен и опубликован. Многие сторонники издательства Tierce видят в данной публикации акт апроприации, а также указывают на то, что тексты диссиденток не были помещены в свой политический и социальный контекст: такие понятия как «самиздат» и «диссидентки» при первой публикации отсутствуют. Так, в марте

72 Интервью с Мишель Идельс (23.10.2017).

73 A propos de la «solidarité militante»: quelques questions // Les Temps Modernes. Mars, 1980.

1980 года в рубрике «Повседневный сексизм» («Sexisme ordinaire») журнала «Les Temps Modernes» появляется заметка под названием «Об „активистской солидарности“: несколько вопросов» («A propos de la «solidarité militante»: quelques questions»). Авторы заметки указывают на то, что именно издательство Tierce первым заинтересовалось деятельностью Ленинградского движения, а также задаются вопросом, подразумевает ли солидарность издательства *des femmes* с советскими женщинами «дикую капиталистическую конкуренцию с другими активистскими группами Движения за освобождение женщин». Еще одна важная претензия авторов заметки — это то, что Ленинградское движение было представлено в упрощенном виде: издательницы *des femmes*, по их словам, приняли лишь одну позицию, а именно позицию Татьяны Мамоновой, и сделали ее позицией всего движения⁷⁴.

Следует отметить, что перевод Альманаха, опубликованный в журнале *Des femmes en mouvements hebdo*, сопровождается большим количеством фотографий советских женщин, выполняющих тяжелый физический труд: работниц заводов, сельскохозяйственных работниц, женщин-дворников. В то же время изначально совсем не подчеркивается принадлежность создательниц движения довольно закрытому кругу ленинградской контркультуры. Более того, анонс публикации перевода альманаха, опубликованный в № 9 журнала от 4 января 1980 года под заголовком «В СССР — рождение Движения за освобождение женщин» («Naissance d'un

74 Ibid. Другие критические материалы, опубликованные в ответ на публикацию перевода альманаха: *Caster S. Le triomphe de l'amalgame. Charlie Hebdo*, 12 mars 1980; *Karlinsky B. Ce qu'il en coûte d'oublier le K.G.B. Libération*, 17 mars 1980.

Mouvement de Libération des Femmes»), фактически вписывает Ленинградское движение в канву так называемой Второй волны феминизма, а возможно и указывает на некоторую преемственность женского движения в СССР по отношению к французскому Движению за освобождение женщин (MLF). Можно также сделать вывод о том, что издательницы des femmes, вероятно, стремились показать Ленинградское женское движение как движение общенациональное: это подчеркивается и в анонсе («10 декабря 1979 года: появление первого номера альманаха „Женщина и Россия“, подготовленного коллективом женщин из многих городов, Ленинграда, Таллина, Новосибирска, Архангельска»⁷⁵), и в авторском варианте обложки Альманаха, где вместо фона используется фотография Москвы в красных тонах⁷⁶.

Возможно, именно проблема не совсем четкой контекстуализации спровоцировала особенно острое непонимание религиозной направленности некоторых текстов альманаха отдельными читательницами журнала Des femmes en mouvements hebdo. В выпуске от 25 января 1980 года публикуется отзыв читательницы Северин Ферли (Séverine Ferzli) под заголовком «Новое нужно критиковать с помощью более нового, а не старого». В своем письме читательница подчеркивает свои попытки понять всю сложность опыта советских женщин, но настаивает на том, что религия не может лежать в основе движения, которое борется за их права:

«Это очевидно, что именно статья Татьяны Горичевой (и ее позиция) больше всего беспокоит сердце „западной“ женщины, лишь частично эмансипированной. <...>

75 Des femmes en mouvements hebdo. 4 Janvier 1980. № 9. P. 10.

76 Des femmes en mouvements hebdo. 11 Janvier 1980. № 10.

Татьяна не просто описывает свой опыт, который является настолько же ценным, насколько и любой другой, но она предлагает своего рода универсальную модель, решение. Она называет открытием то, что оправдывало наше угнетение в течение долгих веков. <...> Н. Малаховская и Р. Баталова, в свою очередь, придерживаются мужского взгляда (который, впрочем, свойственен христианству) на порочную женскую сексуальность: „тело твое бомбардируется опять же незнакомыми мужчине недугами и опасностями... менструация, климакс истерзают, разрушат тебя“⁷⁷.

Этот религиозный феминизм, который присутствует в части текстов альманаха, а также лежит в основе идеологии дискуссионного клуба «Мария», не был до конца понят и принят и самими французскими феминистками, которые боролись за распространение женского самиздата и прекращение преследований участниц движения. Мишель Идельс настаивает на том, что в 1980 году создательницы альманаха были «в гораздо меньшей степени религиозными активистками и в гораздо большей — феминистками»⁷⁸, а оказание поддержки женским движениям по всему миру являлось одной из миссий издательства des femmes, о чем свидетельствуют многочисленные статьи в журнале Des femmes en mouvements hebdo. Касательно группы, близкой к издательству Tierce: Надья Ренгар подчеркивает, что на тот момент их главной задачей было оказание содействия ленинградским диссиденткам, чем уже на протяжении нескольких лет и занималась группа помощи диссидентам, органи-

77 Le nouveau doit être critiqué avec du plus neuf, et non avec de l'ancien. En réponse à la publication de l'almanach «Femme et Russie» // Des femmes en mouvements hebdo. 25 Janvier 1980. N° 12. P. 24–25.

78 Интервью с Мишель Идельс (23.10.2017).

зованная вокруг Элен Шатлен и Армана Гатти: «Это не значит, что мы не хотели этого замечать [религиозной направленности некоторых текстов. — Прим. авт.], — мы просто решили, что это не помешает нам помочь им»⁷⁹.

В январе 1980 года издательство *des femmes* отправляет своих представительниц в Ленинград для встречи с участницами движения и подписания договора на выпуск французского перевода альманаха в форме книги. Таким образом, в 1980 году выходит книга под названием «Женщины и Россия 1980. От коллектива редакции Альманаха и некоторых других...»⁸⁰. Позже, в 1981 году, выходит еще один сборник: «Женщины и Россия 1981. Ленинград–Париж. От коллектива редакции Альманаха»⁸¹. Французский перевод журнала «Мария»⁸² выходит в издательстве *des femmes* в 1981 году под заголовком «Мария, журнал феминистского клуба „Мария“ в Ленинграде», в то время как в тамиздатовской версии журнала мы находим следующий подзаголовок: «Журнал российского независимого женского религиозного клуба „Мария“»⁸³. Возможно, это несовпадение является следствием коррекции перевода, выполненного французскими издательницами, которые решили подчеркнуть феминистическую, а не религиозную направленность журнала, но также возможно, что перевод верен, а исправление было внесено при выпуске тамиздатовской версии в 1981 году. Так или иначе, публикация перевода первого номера журнала «Мария» во Франции уже не встречает реакции,

79 Интервью с Надьей Ренгар (5.12.2017).

80 *Femmes et Russie 1980. Par le collectif de rédaction de l'Almanach et quelques autres... Des femmes, 1980.*

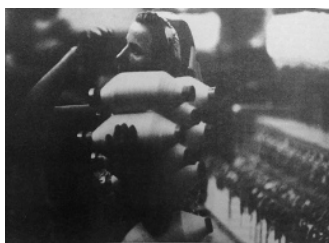
81 *Femmes et Russie 1981. Leningrad–Paris. Des femmes, 1981.*

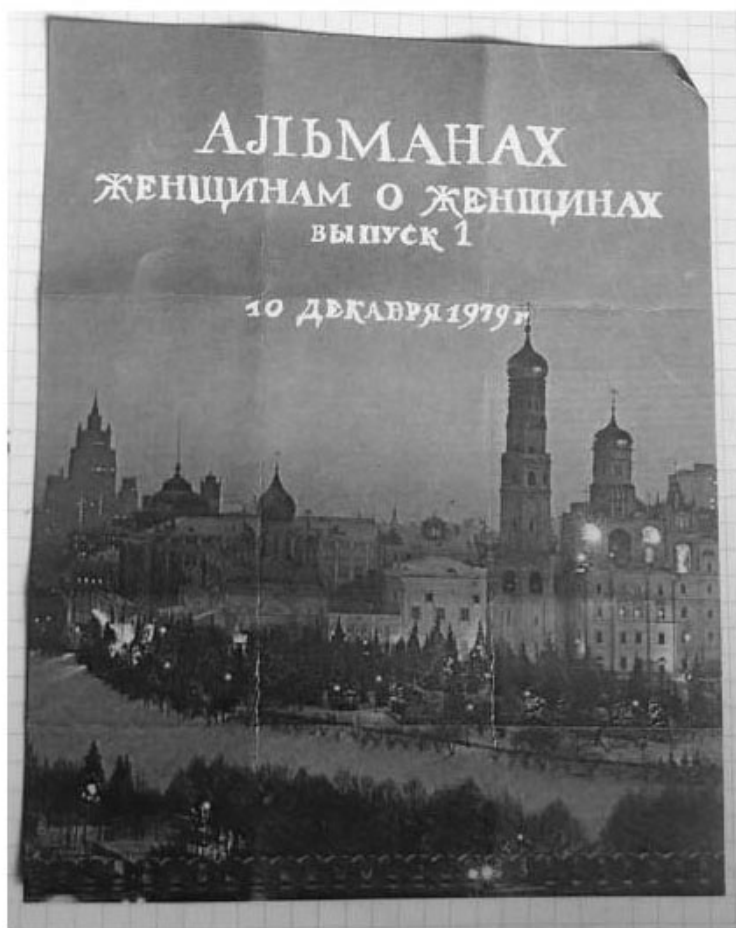
82 *Maria, journal du club féministe «Maria» de Leningrad. Des femmes. Paris, 1981.*

83 *Мария. Ленинград; Франкфурт-на-Майне, 1981. № 1.*

подобной той, что была вызвана публикацией перевода альманаха. Нельзя точно утверждать, виной ли тому тот факт, что о движении за год могли забыть, или то, что издательство *des femmes* сочло нужным не привлекать внимания к публикации журнала из-за его слишком очевидной религиозной направленности.

Некоторые иллюстрации к текстам Альманаха, опубликованным в № 10 журнала «Des femmes en mouvements hebdo» от 11 января 1980 года.

*Авторский вариант обложки альманаха
Des femmes en mouvements hebdo. № 10. 11 января 1980*

Анастасия Ходырева

Самиздат «Женщина
и Россия»: к 40-летию
поздне- и постсоветской
феминистской
традиции в России

Анастасия Ходырева — магистрантка программы Critical gender studies в Центрально-Европейском университете (Будапешт).

Сорок лет назад группа женщин, связанная со средой «второй», то есть неофициальной, ленинградской культуры, в составе Татьяны Мамоновой, Наталии Малаховской и Татьяны Горичевой, объявили среди знакомых то, что сегодня можно было бы назвать оупенколл, и опубликовали собранные тексты в сборник-альманах, получивший название «Женщина и Россия»⁸⁴. Реакцией власти стал харассмент⁸⁵, угрозы заключения и изгнание редакторского состава за пределы Советского Союза менее чем через год после публикации десятка копий, набранных на машинке. Редакторки журнала с тех пор разъехались по странам Западной Европы и Северной Америки, где продолжают работать и сегодня — писать и издавать книги

84 Обстоятельства и подробности создания альманаха, а также выхода журнала «Мария», описаны в интервью Наталии Малаховской журналу «ВЫ и МЫ», 1999. № 9 (25).

85 В том смысле, в каком этот термин употребляет Надя Плунгян в беседе с Еленой Фанайловой — как системное явление, которое является одновременно результатом и причиной несменяемости власти. «Харассмент и публичность». Радио Свобода, 17 ноября 2017: <https://www.svoboda.org/a/28847091.html>

и журналы, рисовать картины, преподавать и собирать вокруг себя заинтересованных в истории «первых советских феминисток».

Зачем говорить об этом сегодня, в 2020 году? Прежде чем продолжить, я бы хотела сказать, что мой основной интерес как исследовательницы и активистки заключается в поиске преемственности в российском феминизме. Здесь важно пояснить, что под феминизмом или феминистским движением, ради удобства прочтения, я понимаю любую политическую активность⁸⁶, в фокусе которой находится улучшение положения женщин, а также тех, кто зависит от них в силу действующего гендерного контракта⁸⁷ — т.е. детей, пожилых родственников, членов семьи с инвалидностью и т.д. Это означает, что предлагаемое мной понимание феминистской работы выходит за пределы того, что считается феминизмом в условно западной традиции и включает также работу коммунисток/женщин социалистических взглядов и тех, кто, работая в сфере интересов женщин, принципиально отказываются относить себя к феминисткам.

Меня интересуют процессы, происходящие в российском феминистском движении после *перестройки*, так как это часть моей собственной истории и, как я надеюсь, моего будущего. Изданный посреди эры *застоя*, альманах, или феминистский самиздат «Женщина и Россия», играет важную роль в связи между поколениями и группами *советских, пост- и экс-советских*

86 В самом широком фукодианском прочтении. Примерно так, как политическая деятельность понимается сегодня в серии законов об «иностранных агентах», принятых в РФ после 2013 года.

87 Подробнее о этом: *Темкина А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформации в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4–15.

*феминисток*⁸⁸ и в данной статье я постараюсь дать максимально подробное описание этой связи. Последнее, что я хочу сказать во вступлении, это то, что финальная версия, которую вы читаете, — результат диалога с критиками моего текста Наталией Ходыревой и Дмитрием Козловым. Их комментарии были необходимы для того, чтобы я могла отвлечься от коммуникации лишь со своими идеями и понять, чем мои размышления ценны для сообщества, в котором я работаю.

Возвращаясь к теме переиздания и структуре моей статьи, я хочу обсудить несколько вопросов. Во-первых, мне интересно проследить и обозначить отношения между поколением альманаха и новейшим феминистским движением России, появившимся в конце 1980-х. Во-вторых, я хочу проанализировать, почему именно альманах, а не последующие периоды феминистской работы, и тут я имею в виду 1990-е и 2000-е, получает основное внимание современниц, как исследовательниц, так и активисток. В заключение, я поговорю о том, что именно современное феминистское движение России ищет, находит и, возможно, теряет в постоянном возвращении к дискуссии о самиздате конца 1970-х.

Я хочу сделать еще одно отступление и немного пояснить про особенности отношения в поздне- и пост-советском пространстве к словам «феминизм» и «фемин-

88 Разделение между пост- и экс-советскостью я заимствую у Анна Шадринной из ее диссертации об опыте старения бывших советских женщин в современных условиях. Экс-советское состояние она определяет в контексте системы ценностей и отношений, в которых определяют себя люди, рожденные во второй половине XX века; пост-советскость сообщает, главным образом, о неравенстве, в котором оказались бывшие или экс-советские акторы после краха государственного социализма. *Shadryna H. Babushkas: Former Soviet Women Pensioners Ageing in Russia and the UK. PhD dissertation at School of Social Sciences, History and Philosophy in Birkbeck, University of London. 2020. P. 13.*

нистки». Я вижу здесь два ключевых момента. С одной стороны, феминизм исторически проиграл коммунизму еще в предреволюционной России, когда стал синонимом интересов женщин правящих классов: аристократии и буржуазии. Идеологиня советского равноправия полов Александра Коллонтай, вслед за коллегами по интернационалу⁸⁹, приняла решение объединиться с большевиками, программа которых должна была обеспечить улучшение положения женщинам рабочего класса и крестьянства. В результате, в Советском Союзе тиражировалось отношение к феминизму как к повестке западных буржуазок, то есть как к прихоти богатых, нежели жизненной необходимости для трудящихся. После коллапса государственного социализма, оно, увы, не перестало существовать. Сегодня обесценивающее отношение к феминизму как буржуазной идеологии наиболее заметно в анархистской и левой средах, но по факту транслируется всеми постсоветскими интеллектуалами. В этом заключается второй аспект. Антисоветскость диссидентов, из среды которых вышло большинство современных литерати, или интеллектуальных элит, на практике означала пренебрежительное отношение к декларируемым Советами ценностям, включая равноправие полов. Таким образом, легитимность современного мачизма в постсоветской либерально-демократической среде, который приводит в шок политических активисток последние 30 лет, частично наследует диссидентству и их несколько иллюзорным представлениям о западных, т.е. противоположных советским, ценностях. Хотя это явление отцветает по мере распространения кри-

89 Общие сведения о решениях Копенгагенской и Бернской международных конференций женщин-социалисток можно найти в статье Википедии «International Socialist Women's Conferences»: https://en.wikipedia.org/wiki/International_Socialist_Women%27s_Conferences.

тической информации, отношение к феминизму как к капризу и одновременно угрозе применения репрессивной государственной машины против мужчин, по-прежнему заметно в среде поколения интеллектуалов 1990–2000-х, которые смогли сохранить высокие позиции. Наиболее интенсивное сопротивление происходит в вопросах доступа уязвимых (преимущественно женщин и детей, а также гомосексуалов, людей с инвалидностью или мигрантов) к правосудию в ситуации насилия — как, например, в обсуждении сексуализированных домогательств или проекта закона против домашнего насилия⁹⁰.

Для того, чтобы ответить на первый вопрос о связи поколений, я должна сперва определить место альманаха в истории российского феминизма. «Женщина и Россия» вышел как критический комментарий к советской действительности 1970-х, официально провозглашавшей равноправие мужчин и женщин, и, одновременно, как реакция на пренебрежительное отношение к интересам и проблемам советских женщин внутри диссидентского движения⁹¹.

Изгнанная из СССР уже к середине 1980 года, одна из редакторок альманаха, Наталия Малаховская оказалась в Копенгагене во время проведения Всемирной кон-

90 В качестве иллюстрации можно привести обсуждения многолетних домогательств в 57-й московской школе — например, пространные рассуждения философов ЕУ СПб Артемия Магуна и Оксаны Тимофеевой «О гиперсексуализации россиян» (The Village, 21 сентября 2016: <https://www.the-village.ru/village/people/city-news/245611-sex-philosophy>). Другой вариант реакции интеллектуальной среды — паника колумнистки Новой газеты Юлии Латыниной при обсуждении государственных обязательств по защите граждан от насилия: «О женщинах и свободе» (Новая Газета, 11 марта 2019: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/03/11/79831-o-zhenschinah-i-svobode>).

91 Об исключении «женского вопроса» из диссидентской повестки есть магистерское исследование Светланы Захаровой: *Zakharova S. Gendering Soviet dissent: how and why the woman question was excluded from the agenda of Soviet dissidents (1964–1982)*. CEU, 2013.

ференции по положению женщин ООН в Копенгагене (1980) и таким образом тут же попала на арену глобального соперничества супердержав в сфере равноправия⁹². Несмотря на противоречия, которые вызвали сообщения Малаховской в прессе и среди устроительниц конференции, за группой вокруг «Женщины и России» с этого момента прочно закрепилась слава первых (или настоящих) феминисток Союза⁹³. Это звание принесло издательницам определенные дивиденды на Западе — в виде внимания прессы и исследовательниц, а также возможности работать и публиковаться. Однако в России, в условиях начавшейся *перестройки* и последующей гражданской мобилизации в конце 1980-х, их идеи не резонировали. На мой взгляд, этому есть несколько причин.

Во-первых, преемственность была нарушена жесткой цензурой *застоя*, которая не позволяла свободное распространение печатных материалов, а также, главным образом, вылилась в депортацию редакционной группы в 1980-м году.

Во-вторых, поражение Советского Союза в холодной войне и его последующее крушение как системы ценностей и отношений, закрепило дискурсивное доминирование Запада в лице США и Западной Европы в трактовке событий. Я еще вернусь к этому сюжету, хочу лишь отметить его значимость, потому что этот факт нередко опускается в большинстве обсуждений о том, что произошло во время распада Союза на уровне идей.

92 Подробнее об это в исследованиях Франциски де Хаан о работе Международной демократической федерации женщин: *De Haan F. Continuing Cold War Paradigms in Western Historiography of Transnational Women's Organisations: the case of the Women's International Democratic Federation (WIDF)* // *Women's History Review*. 2010. Vol. 19. Iss. 4. P. 547–573.

93 *Ruthchild R. Sisterhood and Socialism: The Soviet Feminist Movement* // *Frontiers: A Journal of Women Studies*. 1983. Vol. 7. № 2. P. 4–12.

В-третьих, и что наиболее очевидно, конец 1980-х и начало 1990-х — это интенсивно меняющийся политический и экономический ландшафт, в котором женщины начали массово нищать⁹⁴, что обновило повестку по сравнению с 1979 годом. В преамбуле к первому «тамизданию»⁹⁵, редакция альманаха заявляет, что «созидательная сила женственности» отчуждается патриархатом, расцветшим в «экранном» режиме позднесоветского равноправия⁹⁶. Такую риторику определенно можно назвать оппозиционной в 1980 году, но среди тех, кто включились в феминистскую работу после *гласности*, она уже не вызвала симпатию или интерес⁹⁷. Феминистское движение в позднем Союзе возродилось в первую очередь как реакция на потерю женщинами позиций на рынке труда и в органах обновляющейся власти в результате демократических реформ⁹⁸. Программным документом этого периода стал Итоговый отчет о работе I Независимого Женского Форума, который прошел в марте 1991 года в подмосковной Дубне⁹⁹. Затем интерес движения переключился на Конституцию 1993 года и, позднее, на Пекинскую декларацию 1995 года.

Известно, что участницы альманаха начали приезжать в Россию сразу после открытия границ, регулярно

94 Ярошенко С. Новая бедность в России после социализма // *Laboratorium*. 2010. № 2.

95 По аналогии с самиздатом, название неподцензурной публикации, напечатанной и вышедшей по другую сторону железного занавеса.

96 Альманах «Женщина и Россия» № 1. Paris: Des femmes, 1980. P. 16.

97 Об этом я могу сказать, судя по интервью с участницами независимого женского движения 1990-х.

98 Посадская А.И., Римашевская Н.М., Захарова Н.К. Как мы решаем женский вопрос // *Коммунист*. 1989. № 4. С. 56–65.

99 Итоговый отчет о работе I Независимого женского форума, Дубна – Москва 1991. Текст доступен на информационном портале [www.owl.ru](http://owl.ru/win/books/1st_forum/index.htm): http://owl.ru/win/books/1st_forum/index.htm

проводить встречи и представлять свои издания и другие работы. Я познакомилась с Наталией Малаховской в Кризисном Центре для женщин в середине нулевых. Однако внимание со стороны феминистских активисток и гендерных исследовательниц к журналу конца 1970-х и его издательницам было волнообразным — ими то интересовались, то придавали забвению.

*С издателем альманаха
«Женщины и Россия, 79–80 гг.»
Наталией Малаховской, 1998*

*(Слева направо, начиная с верхнего ряда): Елена Новоселова,
Елизавета Алтухова, Мария Сагитова, Светлана Чернякова,
Лариса Гареева, Наталия Малаховская, Наталия Ходырева, Мария
Цветкова, Людмила Волга.*

Фотография из каталога «Права, здоровье и безопасность женщин: к десятилетию кризисного центра для женщин (1992–2002)»

Ред. Н.В. Ходырева. СПб.: ИНГО, 2002

Так, в 2007 в Европейском университете в Санкт-Петербурге и Университете Зальцбурга прошла серия семинаров, посвященных современному прочтению альманаха, результатом которых стала книга «Женский проект: метаморфозы диссидентского феминизма во взглядах молодого поколения России и Австрии», вышедшая в 2011 году¹⁰⁰. Тогда же диалог между Наталией Малаховской и петербургским философом Аллой Митрофановой под редакцией Клавдии Ротмановой лег в основу страницы в Википедии, посвященной группе самиздательниц из Ленинграда, которая, однако, была вскоре удалена. Официально для Википедии статья не имела достаточного количества источников, подтверждавших опубликованную информацию, что вызвало в Рунете ряд дискуссий о критериях валидности и цензуре в отношении феминистской работы и истории¹⁰¹.

Глубокий политический кризис после 2011 года вновь переключил внимание феминисток на практическую работу, однако последовавшая стагнация потребовала поиска решений за пределами текущей ситуации. К 2016 году внимание феминистских исследовательниц вновь обратилось к собственной истории, результатом чего в итоге стало данное переиздание.

Второй вопрос, который меня волнует, это почему другие, более поздние периоды феминистской работы, не вызывают такого интереса среди исследовательниц и активисток. Условно говоря, почему в современных

100 Женский проект: метаморфозы диссидентского феминизма во взглядах молодого поколения России и Австрии. Ред. С. Ярошенко. СПб.: Алетейя, 2011.

101 Удаленная статья «Ленинградский феминизм 1970-х годов» и ее обсуждение опубликованы на ресурсе ravnopravka.ru Московской феминистской группы, независимой инициативы, активной в первой половине 2010-х: http://ravnopravka.ru/2013/05/leningrad_feminism/

феминистских обсуждениях не найти программу I Независимого Женского Форума в Дубне, упоминания партии «Женщины России», или внимания к роли Пекинской конференции, которая последние 25 лет продолжает хотя бы формально определять развитие стран-участниц ООН в сфере гендерного равенства?

Как я писала выше, характер позднего и постсоветского феминизма как движения формировался в ряде условий: *перестройка*, которая имела дифференцированные последствия для бывших советских гражданок; влияние политики западных благотворительных фондов, которые на протяжении трех десятилетий были и остаются донорами гражданского общества в России; а так же итоги холодной войны, с которыми было сложно спорить: приведшая к *застоя*, репрессиям и войне¹⁰², машина государственного социализма дискредитировала коммунистические идеи, которые намертво смешались с Партией и после были отринуты ради прогресса. Интеллектуальные элиты, получившие в конце 1980-х доступ к обмену идеями и, что немаловажно, финансовым ресурсам, идеалистически отнеслись к опыту Запада как передовому. Прежние достижения, включая те, что касались статуса женщин, подлежали обструкции и забвению как продукты дискредитировавшего себя режима.

Попробую разобраться в том, почему к опыту феминисток 90-х практически никто не обращается. Девяностые годы, на которые пришелся расцвет проекта гражданского общества¹⁰³, несмотря на все оговорки,

102 Речь о разрушительной Афганской войне, в которой Советский Союз участвовал в 1979–1989 гг.

103 Об этом подробнее: *Gagyí A., Ivancheva M.* The reinvention of «civil society»: transnational conceptions of development in East-Central

можно назвать временем оптимизма. Консолидация женского движения (по крайней мере до Первой чеченской кампании 1994–1996 годов) сопровождалась не только всеобщим гражданским воодушевлением, но и отсутствовавшим прежде финансированием, пусть и минимальным, феминистских и других правозащитных инициатив, а также широтой гражданских возможностей. Сегодня это недоступно. Таким образом, можно сказать, что контекст девяностых сильно отличается от современности и потому остается непонятым.

Далее, изгнанные из Союза издательницы альманаха получили широкое признание на Западе, что легитимировало их как в глазах бывших коллег по диссидентскому движению, так и в либеральной высшей школе. Подобного с участницами движения 1990-х, сконцентрированных на практической работе, не произошло.¹⁰⁴

И самым важным остается то, что не существует открытого и доступного архива с комментарием, который мог бы дать представление об объеме работы и достижениях российского и советского феминистских движений. Отсутствие такого важного института означает существенные затруднения в преемственности знаний, теории и практики, что вынуждает поколения активисток тратить огромное количество личных сил на самостоя-

Europe // Funding, Power and Community Development. Ed. N. McCrea; F. Finnegan. Bristol: Policy Press, 2019. P. 55–69.

104 Здесь срабатывает интересная комбинация классового и (авто)колониального, о чем подробнее рассказано пост- и деколониальными исследовательницами периода, например, Мадиной Тлостановой: *Tlostanova M. Can the Post-Soviet Think? On Coloniality of Knowledge, External Imperial and Double Colonial Differenceo // Intersections. 2015. Vol 1. № 2. P. 38–58.*

тельные поиски информации. Во многом это объясняет «волновой» характер интереса к альманаху. Забвение касается, конечно, не только работы феминисток: история 1990-х в принципе подлежит активной мифологизации, зачастую называется «временем хаоса», которому вот уже третью декаду противопоставляется режим «стабильности».

Позабытый сегодня контекст начала 1990-х тем не менее существенно отразился на том, каким образом выглядит современная феминистская работа. Гендерный историк Наталья Пушкарева отметила неразвитость фундаментального знания, то есть истории и философии, в российской феминистской среде. Во многом это происходит из-за того, что доступное женскому движению финансирование приоритизировалось в области практической работы — т.е. сотрудничества с органами исполнительной и законодательной власти, которая до начала 2000-х была заинтересована в процессе демократизации постсоветского общества по западному образцу.¹⁰⁵

В заключение я бы хотела порассуждать о том, почему интерес к альманаху возник с новой силой во второй половине 2010-х, а также о том, чем современному феминистскому движению может быть полезно обращение к текстам, вышедшим сорок лет назад.

Современный российский феминистский активизм, феминистские попытки сотрудничать с органами власти, феминистское искусство, гендерные исследования в России концентрируются, прежде всего, на том, что

105 *Pushkareva N. Gendering Russian historiography (Women's History in Russia: Status and Perspectives) // Women's History in Russia: (Re) Establishing the Field. Ed. M. Muravyeva; N. Novikova. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 2–16.*

происходит сейчас, и предлагают интерпретацию и критический анализ текущих политических, социальных и экономических процессов.¹⁰⁶ Это предельно практическая деятельность, до недавнего времени направленная на решение конкретных социальных, прикладных исследовательских и нормотворческих задач. Ее приоритетной зоной около 25 лет является работа по принятию закона против домашнего насилия, к которой только относительно недавно присоединился не-институциональный активизм, появившийся как реакция на существенное ухудшение ситуации с начала 2010-х.¹⁰⁷

Перманентное возвращение к обсуждению альманаха «Женщина и Россия», на мой взгляд, демонстрирует не столько здоровую потребность в информации, сколько регресс в плане публичного обсуждения недавних исторических процессов, в котором находится российское общество последние два десятилетия. В результате политики параноидального контроля над негосударственным сектором были уничтожены или прекратили работу женские организации, многие из которых появились еще в 1990-х¹⁰⁸, а также сформировалась жесткая цензура по ряду феминистских вопро-

106 Наиболее свежий и полный публичный обзор современной работы был сделан Дарьей Серенко в 2019 году Lenta.ru, 7 марта 2019: <https://lenta.ru/articles/2019/03/07/rusfem/>.

107 Новое поколение феминистских активисток формируется в социальных сетях, сперва на платформе Живой журнал, затем в социальных сетях «ВКонтакте» и Facebook. Угроза исключения процедуры аборта из системы обязательного медицинского страхования в середине 2011 года впервые после 1990-х вывела консолидированную группу феминисток на уличные протесты по всей стране.

108 После принятия в 2013 году закона об «иностранных агентах» в Москве закрылся Московский центр гендерных исследований. Позднее по суду была ликвидирована Лига избирательниц в Петербурге. Продолжается интенсивное прокурорское давление на миротворческую структуру «Женщины Дона», ЛГБТ-инициативу «Дети-404», и т.д.

сов.¹⁰⁹ Проектный характер финансирования НКО в России также не предполагает условий для обеспечения преемственности. Последствия хорошо видны сегодня: молодые активистки нередко обнаруживают себя в информационном вакууме.¹¹⁰ Воспитанные на наследии холодной войны, то есть колониальном, по сути, дискурсе, образованные феминистки (начиная с идеалисток 1990-х), упоминают волны и направления, принятые в американской и британской историографии, которые, однако, ничем не обоснованы в контексте генеалогии российского феминизма. Новое поколение феминистских исследовательниц таким образом нередко оказывается в ловушке методологии, произведенной в принципиально других условиях: отсюда, например, возникают претензии в недостаточной интерсекциональности к издательницам альманаха сорокалетней давности или, например, к Марии Арбатовой, достигшей невероятной популярности как феминистка в 1990-х. И хотя критика, безусловно, справедлива, но без анализа контекста, в котором возникли конкретные феминистские идеи, дискуссия неизменно обнуляется до стартовых позиций.

Интерес к собственной истории появляется в тот момент, когда движение вперед затрудняется или становится невозможным. В книге «Женский проект» 2011 года, анализируя впечатляющий разрыв между студентами Зальцбурга и Петербурга в размышлении об истории

109 Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» блокирует информацию не только о вариациях сексуального и гендерного выражения, но также и обсуждение насилия, контрацепции, то есть сексуального просвещения детей и подростков.

110 Доступная история движения — наследие демократического периода интернета — преимущественно та информация, которая переводилась и обсуждалась в ЖЖ-сообществе *feministki* с первой половины 2000-х.

и месте советского диссидентского феминизма, Наталия Малаховская отмечает не столько отсутствие понимания контекста позднесоветской жизни со стороны постсоветских участников и участниц исследования, сколько попытки выставить их обсуждение маловажным¹¹¹. Презрительное отношение к проблемам, описанным в альманахе, позволяет обнаружить преемственность между, казалось бы, принципиально отличными политическими, экономическими и социальными условиями в СССР конца 1970-х и современной России, которая к моменту исследования переходила из «медведевской оттепели» во второй цикл путинского правления.

Раздражение от добровольной демонстрации уязвимости и дистанцирование от личных переживаний через обесценивание проявляется также и в диалоге между гендерными социологами Светланой Ярошенко и Еленой Здравомысловой, в котором Здравомыслова настаивает на ненаучности текстов альманаха. Хотя об этом не сообщается прямо, сугубо идеологическая роль, которую отводит альманаху исследовательница из-за их критичности в условиях идеологизированного позднесоветского периода, выводит его из категории валидных свидетельств о положении женщин в эпоху *застоя*¹¹². Остается надеяться на то, что в будущем исследовательницы самиздата или новейшей работы после 1989 года, смогут больше доверять деколониальным феминистским методам в отношении советского и пост-советского опытов. Это позволит анализировать документы эпохи для получения представления о мышлении в конкрет-

111 Женский проект: метаморфозы диссидентского феминизма во взглядах молодого поколения России и Австрии // ред. С. Ярошенко. СПб.: Алетей, 2011. С. 38.

112 Там же. С. 45–47.

ный период и уже таким образом получать знания о контексте, в котором эти документы создавались.

Мне очевидна ценность обращения к феминистскому самиздату из 1980 года сегодня. Между современностью и периодом *застоя* можно найти много общего: политическая цензура, ложь о военных действиях, пытки и преследования критиков или диссидентов всех мастей, дефицит качественных товаров и лекарств, риторика о «кольце врагов» знакомы экс-советским гражданам и, кажется, даже тем, кто родились после 1989 года. При этом есть и существенные различия: официальный гендерный неоконсерватизм, глубокое классовое расслоение, сворачивание социальной поддержки, мотивированное дискриминационным законодательством. Мне, как и многим в моем поколении, очень сложно сочувствовать госсоциалистическому прошлому, еще сложнее допустить мысль о том, что положение женщин принципиально не улучшилось. Деконструкция — необходимый, но мучительный процесс, в котором свидетельства принципиально иных предпосылок положения советских женщин завязли в недостатке информации, репрессиях и иерархиях, которые не поддаются привычным описаниям и потому воспроизводятся в неожиданно уродливых комбинациях¹¹⁵.

Современные попытки обсудить состояние, место, происхождение, влияния, периодизацию, историческое значение и цели российского феминизма, как правило, не находят места по причине отсутствия ресурсов и не-

115 Оптимистичным примером глубокого анализа воспроизводства уязвимости, на мой взгляд, является монография Франчески Стеллы о жизни лесбиянок в Советском Союзе и в новой России. *Stella F. Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia: Post/Socialism and Gendered Sexualities*. New York: Palgrave Macmillan, 2014.

подцензурного пространства, которым могли бы послужить архив, образовательные программы или другие проекты, открытые всем желающим для посещения, обсуждения и получения знаний. На институциональном уровне подобного в России в отношении собственного наследия в области прав женщин не происходит. Публичные дискуссии возникают, как правило, только в относительно дружелюбном, но клаустрофобическом пространстве социальных сетей и в качестве реакции на регулярное появление полузакрытых проектов со словами «первый» и «феминизм» в названии¹¹⁴. Власть при этом занимает предельно антифеминистскую позицию¹¹⁵, парадоксальным образом ей вторит круг интеллектуальной элиты¹¹⁶.

Широкая благотворительная работа «первоволновых» аристократок второй половины XIX века, антиимперский терроризм народоволок, новаторство социалистов, разноплановая работа новейших феминисток России, включающая мощный антимилитаристский активизм, спровоцированный первой неокOLONиальной войной новой России в Чечне, декада активности в ЖЖ и даже работа первой половины 2010-х, почти не вызывают обсуждения за пределами активистского феминистского круга, стесненного в ресурсах¹¹⁷. Тем более они

114 Обзор Любавы Мальшевой на Moscow FemFest 2017 года («Гендерный ужас». «Радио Свобода», 27 февраля 2017: <https://www.svoboda.org/a/28338215.html>).

115 Председатель комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей Тамара Плетнёва о законе против домашнего насилия. НТВ, 12 декабря 2018: <https://www.ntv.ru/novosti/2121300/>.

116 На примере обсуждения женского искусства в статье Нади Плунгян «Фемина переходного периода». «Частный Корреспондент», 22 октября 2010: http://www.chaskor.ru/article/femina_perehodnogo_perioda_20529.

117 Исключением стала выставка «Женщины и революция» к столетию Октябрьской революции в Музее политической истории России в Санкт-

не воспринимаются как части одной интеллектуальной традиции, а предстают скорее как фрагментированные явления, возникшие в результате заимствования или недоразумения. Постоянное и интенсивное политическое сопротивление попыткам установить преимущество феминистской работы в России, по-моему, и есть основное доказательство ее существования, неосязаемое и неопределимое для поверхностного и высокомерного взгляда.

Петербурге. Без критического комментария, каталога или перевода на английский, экспозиция, тем не менее, продержалась в двух залах полтора года и была невероятно популярной. Подробнее: http://www.polithistory.ru/visit_us/view.php?id=3533.

ЖЕНЩИНАМ. О ЖЕНЩИНАХ

ВЫПУСК 1

10 ДЕКАБРЯ 1979 г

ЭТИ ДОБРЫЕ ПАТРИАРХАЛЬНЫЕ УСТОИ — РЕДАКЦИЯ АЛДМ.

→ «РАДУЙСЯ, СЛЕЗ ЕВИНЫХ ИЗБАВЛЕНИЕ» — Т. ГОРИЧЕВА

✓ МАТЕРИНСКАЯ СЕМЬЯ — Н. МАЛАХОВСКАЯ

✓ РОДЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ — Р. БАТАЛОВА

ОБРАТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ — В. ГОЛУБЕВА

✓ «ЗОЛОТОЕ ДЕТСТВО» — ВАНЯ ПАЗУХИН

ПИСЬМО ИЗ НОВОСИБИРСКА — Ю. ВОЗНЕСЕНСКАЯ Л-9

РАСКЛЕЙЩИЦА АФИШ /новелла/ — И. ТИЩЕНКО *Нежин*

ЛЕТАЮЩИЕ ЯЩЕРЫ /рассказ/ — С. СОКОЛОВА

Рек астрегя аит астрег эссе. М. Ральви. Москва.
ПОЭЗИЯ — Т. МАМОНОВА Л-9

МАХАДЕВИ /перевод/ — Е. ШВАРЦ Л-9

• С ГОМЕРОВСКИМ ВЕЛИЧИЕМ И САФИЧЕСКОЙ ЧИСТОТОЙ —
Ж. ИВИНА *Таллин*

— ВОЗЗВАНИЕ —

⊙ — *Ветуростепи. Шет. жин. об-рад. кы Руч. 1086. Э. Лука*

Лист с содержанием копии альманаха, которая хранится
в Научном архиве НИЦ «Мемориал»

Часть 3

Женщина и Россия

1979. Выпуск 1

Материалы самиздатского альманаха

ПРЕАМБУЛА¹¹⁸

Как это рождалось?
В страданиях —
как рождается человек!
Как это стало прекрасным?
через печаль —
как лицо человека.
Как пришла к этому?
босиком —
как приходят в возлюбленный город.
Как нашла это? —
трудно —
как находят друзей
как нашла вас
читающих эти строки!

Редакция альманаха

Эти добрые
патриархальные устои

Женщины и Россия. Живая актуальность для наших дней активного утверждения прав разума побуждает нас обратиться к этой наболевшей теме. В наш век глобальной феминизации мужчин и маскулизации¹¹⁹ женщин, т.е. смещения привычного центра тяжести, пересмотра старых позиций и переоценки ценностей, в России происходят свои специфические процессы, которые мы и намерены осветить. Положение женщины в обществе — узловой вопрос современности. Если в Европе он близок к разрешению — в частности, во Франции кабинет министров включает четырех женщин¹²⁰ и немало женщин вошло сейчас в европейский парла-

119 При подготовке переиздания мы сохранили авторское написание некоторых терминов и фамилий. [Здесь и далее, кроме оговоренных отдельно, — *прим. ред. переизд.*]

120 В III правительстве Раймона Барра (1978–1981) министерские портфели достались двум женщинам. Пост министра здравоохранения и семьи занимала Симона Вейль, министром университетов была Алиса Сонье-Сеите. Еще две женщины занимали посты государственных секретарей: Николь Паскье — по вопросам женской занятости, Моник Пеллетье — государственного секретаря при министре юстиции, в 1980 году она стала заместителем министра по вопросам семьи и положению женщин.

мент, то у нас этот вопрос остается крайне острым. Основная масса женщин настроена пессимистически, мужчины же индифферентны или же цинично утверждают незначительность проблемы. Хотя она столь же «мала», как зерно, из которого вырастает дерево...

Насущные проблемы жизни зашли у нас в такой тупик, что скепсис становится привычным состоянием, «нормой». В первую очередь это отражается на женщине, как на самом чувствительном элементе общества. Эффективный идеал, рожденный в славной патриархальной старине: покорная жена, безропотная мать, ангел домашнего очага — не существует уже, но традиционный уклад, косность сознания делают женщину кариатидой собственного дома, а вернее коммунальной квартиры... Женщина не в состоянии отвергнуть нечеловеческого насилия над собой, ибо, если она высвободит руки, то дом рухнет. Однако миф о ее «слабости» невероятно живуч. В результате, женщина, выйдя за рамки своего дома, сама должна и заплатить за это. Так как на ней лежит обязанность воспроизведения непосредственной жизни и ответственность за нее, участие в общественном труде и труд домашний, который до сих пор безмятежно именуют «женским», понятно, что подобная перегруженность вызывает у женщины фрустрации и, таким образом, второсортность ее — понятие, культивируемое в патриархальном обществе — лишь закрепляется за ней. Формально давно провозглашено равноправие, но на деле права женщины называют ее притязаниями. Страх конкуренции (особенно это касается высоких постов, которыми женщину явно обделяют), боязнь потерять престиж руководит мужчинами, односторонне восхваляющими роль матери и жены. Эти фарисеи как

будто не замечают, что женщина тянет воз, на котором восседает мужчина, понукающий ее. В лихорадке неостановимого конвейера быта происходит подспудное подавление личности женщины. Рабская психология ее не исчезает, а приобретает искаженное выражение, более скрытую уродливую форму. Унизительные условия в родильных домах, абортариях, коммунальных квартирах и т.д. препятствуют развитию ее человеческого достоинства. Мерки остаются мужскими, женщина оценивается обществом и вынуждена оценивать себя по той степени, в какой она походит на мужчину. Ложная сущность такого подхода к женщине требует от нее все новых и новых жертв, хотя жертвы ожидались от общества, ибо так называемый «женский» вопрос — это существеннейшая часть общей борьбы за обновление мира. Нельзя отрицать, что культурный уровень женщины повысился, но она осталась в прежних допотопных условиях существования. Не поверхностная, а истинная эмансипация является важнейшим социальным требованием времени. Необходимо определить особенности положения женщины в семье и на производстве. Чтобы она не совмещала домашний труд с трудом общественным ценой неопикуемых жертв, а почувствовала бы себя, наконец, полноправным человеком.

Патриархат давно выродился в фаллократию. Понятно, почему образованные женщины ищут индивидуальный выход и находят его в отказе от деторождения. Сознательное материнство не может произрастать на бесплодной почве. Протест женщины против произвола мужчины выражается не только в отказе от деторождения, но все чаще — в парадоксальном отказе от самой себя. Этот побег в абсурдность закономерен, ибо нега-

тивная оценка всего женского — негласная сексистская установка в официозе. Конформизм ее, увы, не преодолен и нонконформистами... Извращенный (узкополовой) подход к женщине ведет к полному уничтожению ее в нижних слоях общества, где вековое терпение женщин вылилось уже в патологию, а беспробудное пьянство мужчин в озверение их. Но феодальные отношения и безотцовщина наблюдаются и в интеллигентных семьях, хотя в этой среде чаще идет соревнование: кто — кого. Борьба эгоизмов. Женщины тут так же, как мужчины, оперируют высокими материями, так же курят, пьют, сквернословят, как они. Интеллигентные женщины не хотят чувствовать себя жертвами, но мужская культура отторгает женщину, насаждая женоненавистничество (понятия «мужененавистничество», кстати, нет). Жестокое давление на женщину этой фаллократической «культуры» угнетает в ней женское начало и толкает ее тоже к женоненавистничеству. Эта нелепость цветет у нас всё более пышно. Женщина, лишенная здоровой информации, начиненная лжеучениями, не видит истинного своего врага и, убегая от себя, тыкается в темные углы чуждой ей «культуры». Пренебрежение женским способствует распаду семьи, все большему отдалению одного пола от другого и к разобщению женщин между собой.

Столь низкая степень самосознания отражает внутренние противоречия нашего общества. Прошлый опыт женской половины человечества не учитывается и новый не создается. Предельное развитие умственных способностей ведет женщину, как и раньше, к одиночеству. Ибо мужчина привык, чтобы женщина жертвовала для него развитием своей личности.

В огромной запущенной стране трудно проследить нюансы деградации. Мелкие разоблачения редко идут дальше газетной полосы. Дискредитация свежих идей происходит на корню. Голос правды едва слышен среди парадной шумихи. У нас много говорят об обороне, но прежде чем кого-то оборонять, нужно обеспечить жизнеспособность общества в самом себе. То есть сначала женщина, дающая жизнь, а потом ее защитники, — не наоборот! Чтобы уравнивать женщину в правах фактически, общество должно платить ей больше, чем мужчине, а не меньше. Ведь тут не арифметические задачи. Еще Горький предлагал за каждого ребенка начислять 5 лет стажа женщине. Были неоднократные предложения давать женщине на каждого ребенка полноценное пособие. Надо заметить, что Советская Россия в своих лучших выразителях находила верный, объективный подход к «женскому вопросу». Ленин, обращаясь к массе, никогда не забывал о женщине¹²¹. Требование равенства для всех людей не могло исключить половину человечества. Революция, в самом деле, вызвала не только кровопролитие, но и подъем народа (и отдельных личностей). Энтузиазм 20-х годов в России известен и понятен. Надежда на новые времена, на новые взаимоотно-

121 Специально В.И. Ленин не обращался к «женскому вопросу». Угнетение женщины интересовало его лишь как один из многих недостатков капиталистического общества, который должен быть изжит при переходе к социализму. Тем не менее в своих обращениях к работницам на собраниях и в печати он постоянно подчеркивал необходимость эмансипации женщин и их вовлечения в управление государством. См. напр.: *Ленин В.* О задачах женского рабочего движения в Советской республике // *Ленин В.* Полное собрание сочинений. В 55 тт. Т. 39. М.: Издательство политической литературы, 1967–1981. С. 198–205; *Советская власть и положение женщины* // Там же. С. 285–288; *К женщинам работницам* // Там же. Т. 40. С. 157–158; *К международному дню работниц* // Там же. С. 192–193; *Международный день работниц* // Там же. Т. 42. С. 368–370.

ношения, на новую семью была полнокровной. Русская революция имела резонанс во всем мире, и мир трансформировался через нее. Либерализация общества в целом либерализировала постепенно и женщину. В России этот процесс приостановился в период культа личности Сталина...

Война же выявила небывалое мужество женщин, способных, как оказалось, не только давать жизнь, кормить, но и воевать (с фашизмом). Потом период восстановления страны и наконец вспышка оттаивания снегов (после десталинизации) в 60-е годы, когда распадается «железный занавес», когда в правительство входит ткачиха Фурцева¹²², а Терешкова¹²³ летит в космос. Можно было бы пойти дальше (известно, что общество определяет положение женщины в нем), но...

Маргарет Течер¹²⁴, нынешний премьер-министр Великобритании — это логическое следствие опыта Индиры Ганди¹²⁵, Сирамаво Бандаранаике¹²⁶ и др. женщин в правительствах разных стран. Хотя и там пого-

122 Екатерина Алексеевна Фурцева (1910–1974) — советский государственный и политический деятель, министр культуры СССР (1960–1974). До начала политической карьеры работала на ткацко-прядильной фабрике в Вышнем Волочке (1928–1930).

123 Валентина Владимировна Терешкова (р. 1937) — советская летчица-космонавт. Первая в мире женщина, совершившая космический полет (1963). После полета совмещала службу в отряде космонавтов с активной общественной работой. Председатель Комитета советских женщин (1968–1987).

124 Маргарет Хильда Тэтчер (1925–2013) — премьер-министр Великобритании (1979–1990), глава Консервативной партии Великобритании (1975–1990).

125 Индира Приядаршини Ганди (1917–1984) — премьер-министр Индии (1966–1977 и 1980–1984).

126 Сиримаво Ратватте Диас Бандаранаике (1916–2000) — премьер-министр Шри-Ланки (1960–1965, 1970–1977 и 1994–2000). Первая в мире женщина премьер-министр.

варивают об опасности «мультивагинальной тирании» (у нас пишут в ЛГ¹²⁷ о новой тенденции «Да убьется муж?»¹²⁸), однако рискуют. Ну что ж, риск — дело благородное. Шутливо, но симптоматично говорит об этом венгерский писатель Мориц¹²⁹: «Если женщины возьмут власть в свои руки, тогда только мы поймем, что такое решительность... Никаких сантиментов, никаких шуток — только женщины могут разговаривать так с женщинами». Выходит, власти женщин боятся, но на нее и уповают. Потенциальное тяготение к природному альтруизму женщины заложено в людях, но навязанный патриархатом стереотип отчуждает. Одни опасаются насмешек, т.к. женское движение, якобы скомпрометировано — а не скомпрометирован ли акт деторождения, однако люди рождаются! Не скомпрометирована ли церковь? Однако обаяние проповедей Христа находит новые и новые ряды сторонников... Другие опасаются локализованности женского движения, утверждая, что мужчины тоже страдают и нельзя, мол, заниматься только женскими проблемами, однако гинеколога ведь не осуждают за то, что он лечит именно женские болезни, ибо отрицать специфику их нелепо. Третьи говорят об абсолютной надуманности женского движения, есть-де недостатки, но когда мы построим коммунизм, все во-

- 127 «Литературная газета» — самое популярное официальное периодическое издание советской интеллигенции. На общем фоне советской прессы считалась «либеральной». Помимо публикаций новинок прозы и поэзии, «Литературка» инициировала дискуссии по некоторым общественно значимым темам. В конце 1970-х на ее страницах стали обсуждаться изменения в социальных ролях советских женщин и мужчин.
- 128 Статья Владимира Войны «Да убьется муж?..» («Литературная Газета». 1979. 25 июля. С. 13) была ответом на публикацию Ларисы Кузнецовой «Кто глава вашей семьи?» («Литературная Газета». 1979. 9 мая. С. 12).
- 129 Очевидно, речь идет о венгерском писателе-реалисте Жигмонде Морице (1879–1942).

просы, и женский тоже, отпадут сами собой. Четвертые впадают и в такую крайность, что обвиняют лидеров женского движения в собирании грязи...

И все же движение это, являясь средоточием самых злободневных, носящихся в воздухе идей, растет. И каменное безразличие к нему большинства мужчин лишь способствует его гипертрофии. Шумят на тему «Берегите мужчин»¹³⁰ (которые гибнут от вина, сигарет и злоупотребления сексуальными экспериментами) и спокойно смотрят на женщин, мостящих улицы или ворочающих шпалы на ж/д. Спокойно слушают повсеместный мат, который является несомненной дискриминацией женщин на уровне языка. Никому не приходит в голову ругать хлеб за то, что он нас кормит — порочить же самой низменной руганью женщину, дарящую обществу жизнь, считается в порядке вещей. Консерватизм опустившейся (донельзя) массы алкоголиков, глухая недоброжелательность по отношению к женщине этого разросшегося одноклеточного организма, этой безвольной гигантской амёбы — вот жесткий тормоз социального прогресса!

Редакция альманаха
«Женщина и Россия»¹³¹

- 130 См. статьи Бориса Урланиса «Берегите мужчин» («Литературная Газета». 1968. 24 июля. С. 12), «И снова: берегите мужчин» («Литературная Газета». 1978. 7 июня. С. 11) и материалы дискуссий, вызванных ими.
- 131 Редакционная статья подготовлена Татьяной Мамоновой и Геннадием Шикаревым-Мамоновой. Помимо тамиздатских переизданий и переводов альманаха статья была также опубликована в журнале «СССР: Внутренние противоречия» (1981. № 1. С. 253–259).

*Здесь и далее — заставки-иллюстрации
из разных версий альманаха.
Автор: Геннадий Шикарев-Мамонова*

Т. Горичева

«Радуйся,
слез Евиных
избавление»*

* Цитата из акафиста (хвалебного молитвенного пения) Пресвятой Богородице.

Татьяна Михайловна Горичева — 1947 г.р.

Окончила философский факультет Ленинградского Университета (диплом писала по философии Хайдеггера, была корреспонденткой последнего). Преподавала эстетику, работала библиографом по философской литературе, социологом в Русском музее, сейчас является редактором отдела «Религия и философия» свободного журнала «37». Основные работы: «Анонимное христианство в философии», «Психоанализ и аскеза», «Христианство и культура». В данное время работает над проблемой православной культуры и христианского Возрождения в России.

Возлюбленная сестра,

В праздник Успения Божьей Матери¹³² я хотела бы написать тебе о том, что значит Божья Матерь в моей жизни, как через Неё я обрела себя и Бога.

Невозможно рассказать обо всех дарах, которые получаешь в молитве к Ней, в созерцании Её — это каждодневное откровение Любви и Жертвы. Но хотелось бы сказать несколько скромных слов о Божьей Матери как о совершенном воплощении человека и женщины.

132 Отмечается 15 августа по юлианскому календарю, что позволяет предположительно датировать написание статьи 28 августа 1979 года.

Божья Матерь — сама женственность. Она снимает то проклятье, которое лежало на всем «женском» в более ранних религиях. Яхве противостояла Астарта. Великая Мать языческих религий воплощала собой все иррациональное, темное, плотское. Лишь в христианстве произошло и происходит полное обожение плоти. Лишь в христианстве уничтожается дуализм тела и духа. В христианстве Бог явился во плоти, будущая жизнь также мыслится как жизнь в теле. В христианстве зависимость духа от тела и тела от духа достигает высших пределов. Поэтому здесь наказуется не только явный грех, тайные желания столь же материальны и реальны: «Кто посмотрит на женщину с вожделением...»

Богородица поднята в своей чистоте выше Ангелов. Она — «едино Чистая», Она — Церковь Христова, Она «прекрасна вся».

С детства не знала Божья Матерь ни похоти житейской, ни похоти телесной. Ничто нечистое не смело приблизиться к Ней. В Богородице впервые в истории человечества мы встречаем совершенную просветленность телесной и бессознательной стихии. Женское начало, униженное в языческих религиях до демонического, освящается здесь в такой степени, возносится на столь недосыгаемую высоту, что становится сосудом для восприятия Духа Святого — «И чрево Твое бысть пространнейшее небес». Радуйся Храме, Духом позлащенный! Все это открылось мне по мере моего духовного выздоровления и воцерковления.

Августин Блаженный сказал: «Христос — разрешение всех вопросов». То же можно сказать и о Пресвятой Владычице, идеальном Человеке, идеальной женщине.

Какие же вопросы на пути к самопознанию разрешила я, сподобившаяся каждодневно молиться Ей и созерцать Ее?

Вопрос обретения себя.

Помнишь, лет семь тому назад мы читали Карла Юнга о двух архетипах женского сознания. Один — «подражание матери», другой — «восстание против матери»¹³³.

Девочка с сильным «комплексом Электры»¹³⁴ ревнует отца к матери и с самого детства занимает анти-материнские, анти-женские позиции. Ее сверх-я обрастает мужскими добродетелями и нормативами. Она развивает интеллект, волю, в ней с детства может появиться презрение к плоти (как к материнству и к материи), развивается склонность к спиритуализму. Такие женщины неохотно вступают в брак и не хотят иметь детей. Они становятся деятелями культуры и науки, иногда религиозными «фанатиками», иногда политиками. Но они могут стать и носителями противоположного, деструктивного начала: преступницами, анархистками, проститутками.

Тогда я призналась тебе, что чувствую себя во власти этого архетипа.

Но не только «архетип» был виной тому, что я не ощутила свой пол. Все советское воспитание ориентировано на абстрактно-односторонний «псевдомужской» идеал личности.

133 См. подробнее: Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев; М.: Порт-Рояль, 1997. С. 224–237.

134 В некоторых течениях психоанализа вслед за К.Г. Юнгом так характеризуется определяющее дальнейшую жизнь подсознательное влечение девочки к отцу и соперничество с матерью (в первую очередь) за внимание отца. Назван по имени мифологической дочери микенского царя Агамемнона, участвовавшей в убийстве собственной матери, которую она подозревала в причастности к гибели отца.

Кому подражали мы с тобой со школьной скамьи, кто был нашим кумиром? Печёрин, Онегин и другие романтические личности, чей ум, чья внутренняя трагедия поднимали их над толпой, делали людьми интересными. И уж, конечно, не хотелось походить на какую-нибудь глуповатую княжну Мэри, на всех этих обманутых и покинутых, послуживших лишь материалом, лишенных высшей духовной жизни существ.

А что мы знали о браке? Мы любили Наташу Ростову в ее романтических восторгах и недоумевали по поводу «желтых пеленок» в эпилоге. Мы знали, что интересны только несчастные браки (ибо «все семьи счастливы одинаково»), и никому не хотелось походить на Афанасия Никитича и Пульхерию Ивановну. Одним словом, мы обрели романтически нереальные, болезненные представления о любви и получили отвращение к браку.

Имели ли мы в школе хоть какое-то представление о том, что путь женщины существует и как нечто особое, что он равноценен мужскому пути? Ведь нас учили поклоняться уму (скорее рассудку) и презирать сердце, и школа, и сама жизнь говорили: главное, чтобы владел ты, а не владели тобой, будь господином своей судьбы. Понятие жертвы (высочайшее и наинужнейшее понятие во все времена) употреблялось нами только в его «пассивном» значении — если уж ты по своему ничтожеству и слабости стал жертвой, то тебя нужно просто пожалеть. У некоторых из нас был, правда, энтузиазм жертвенности, но мы готовы были на жертву лишь ради высокой идеи, которая никогда не понималась как нечто конкретное, близкое и живое.

С таким уродливым представлением о человеке и о себе, с полным презрением ко всем «женским» обя-

занностям как к низшим (готовить обед, стирать белье, воспитывать детей — как это скучно и заурядно) покинули мы школу.

Ты, может быть, скажешь мне, почему я говорю об унижении женского, тогда как в нашей стране женщина предельно эмансипирована, она имеет равные права с мужчиной и занимает не только на словах, но и на деле все ключевые позиции в жизни?

Я уверена, что уже кто-то ответил на твой вопрос так: не женщина эмансипирована, а мужчина «феминизирован». В обществе, подобном нашему, мужчина не может быть самостоятельным, отвечать за свои действия, свободно и сознательно строить жизнь. И в семье (которая губится повсеместным пьянством), и на производстве женщины — ведущая сила. Они вынуждены в наше время быть всем, их день чудовищно загружен, они — современные мученицы. Ты слышала, наверно, что на западного читателя невероятно сильное впечатление произвела повесть о повседневных заботах советской женщины, напечатанная официально в журнале «Новый мир»¹³⁵.

В обществе, где топчется и попирается все святое, силы и способности человека получают извращенное направление, искажается сама человеческая природа. Грубая бездуховность господствующих ценностей создает одномерного человека без свойств, бесполого «homo soveticus»¹³⁶.

135 Вероятно, имеется в виду повесть Натальи Баранской (1908–2004) «Неделя как неделя», напечатанная в журнале «Новый мир» (1969, № 11. С. 23–56). В переводе на английский язык, выполненном Эмили Лерман опубликована в журнале *The Massachusetts Review* (1974. Vol. 15(4). P. 657–703).

136 Характеризуя советского человека, Татьяна Горичева вспоминает и «одномерного человека» Герберта Маркузе, и «человека без свойств» Роберта Музиля, и штамп антисоветской публицистики «homo soveticus».

То, что было после школы, ты знаешь: романтическая любовь, поспешный брак, бесконечные претензии друг к другу, разочарование, гордый разрыв и т.д.

В своей последующей «дохристианской» истории я пережила еще большее унижение женского, и пол, загнанный в бессознательное, мстил за себя. Он мстил разгулом и непрерывной истерией бесшабашности, отчаянием принципиального «все дозволено», экзистенциальным бунтом, невозможностью никого любить и непрерывным блудом ума и тела. Пол был изгнан из сознания (наряду с другими «условностями»), но от этого его власть надо мной не уменьшилась. Она лишь обрела зловещий, демонический смысл, стала подпольной, дионисийской стихией. Мне казалось, что я живу, руководствуясь своим «ясным умом», но я была лишь рабом бессознательного. Так, в нашем беспутном «язычестве» мы пережили то отрицание женского, которое знакомо всем языческим религиям прошлого: женское — это иррациональная, демоническая стихия, она страшит своей хаотичностью и непросветленностью.

И вот явилась Она, взыскающая погибших. Радуйся, Дверь Спасения!

Молитва к пресвятой Владычице помогла мне открыть и возродить в себе женское начало во всей его чистоте и абсолютности.

Впервые открылся мне духовный смысл важнейшей добродетели — цело-мудрия. Раньше я могла говорить об этом только с усмешкой, как о чем-то старомодном, как о наивном незнании и непристойной провинциальности. А ведь само это слово светилось и сияло великим смыслом: в нем обещался цельный и мудрый человек. Но о таком человеке мы не могли даже думать в то время.

Божья Матерь шла путем целомудрия. Этим путем идут за ней не только монашествующие, но и живущие в христианском браке.

Как новый Адам искупил грехи ветхого, так и новая Ева избавила от проклятия Еву старую и стала пробразом Церкви.

В Божьей Матери женское оправдывается в той же степени, в какой оправдывается человеческое вообще.

В Ней мы находим образ совершенного Человека. Во-первых, человека, победившего всякое внутреннее раздвоение, «полного» и цельного. О полноте Ее сказано: «явилася еси ширшая небес».

Но мы знаем, что в обычном человеческом бытии полнота и цельность чаще всего подозрительны, поскольку означают просто замкнутость, статичность, смерть.

Не так здесь. Божья Матерь вся — вне себя. Она слушает. О Ней написано: «Блаженны слушающие...» Пресвятая Владычица являет собой пример полного отсекновения своей воли. Вся Она открыта воле Бога, слова которого «слагала в сердце своем».

Она, следовательно, совмещает в себе совершенную полноту жизни с жертвенной открытостью Богу. Потому-то Она и названа пробразом Церкви.

Молитва к Ней высветляет все глубины подсознания и, приводя верующего к самому себе, не дает ему застыть, заставляя трансцендировать в послушание Божественному.

Богородица — глубина, которая уводит ввысь — Радуйся, высоту, неудобовосходимая и человеческими помыслы, Радуйся, глубиной, неудобнообозримая и Ангельскими очима. Будем молиться Ей, сестра, чтобы не

оставила нас, в немощах сущих. Радуйся, Заступница усердная рода христианского!

В этом письме я только начинаю разговор о Ней. Я ничего не сказала об «эсхатологической новизне», связанной с явлением Божьей Матери в мир, не сказала о Ней, как о Столпе Девства, о Ней — как о Церкви. Но, если Богу будет угодно, и сделаю это в следующий раз.

Господи Иисусе Христе, молитвами Пречистой твоей Матери спаси нас!

Н. Малаховская

Материнская семья

Наталья Львовна Малаховская — 1947 г.р.

Писатель, публицист. Окончила филологический факультет Ленинградского Университета. Секретарь редакции ж[урнала] «37». Принимает участие в организации художественных выставок, музыкальных и поэтических вечеров. Основные произведения: «Темница без оков», «Осень и зима, потому что весны не будет», «Тьма не объяла его» и др. В своей художественной прозе стремится использовать принципы построения муз. произведения, широко применяет метод контрапункта. В творчестве Натальи Малаховской ставится проблема осуществления правды в жизни и в отношениях между людьми.

Чем же вызвано то невыносимо тяжелое положение, в котором находится женщина в наше время? Попробуем проследить, как менялось положение женщины на различных этапах исторического развития.

В глубокой древности, когда человеческое общество еще только зарождалось, произошло разделение труда на женский и мужской, что по тем временам было не только естественно, но и прогрессивно. Охотиться на мамонтов и защищать род от хищников не могло то же самое существо, которое воспроизводило жизнь ро-

да. «Легкая женская работа», о которой с таким пренебрежением говорят сейчас, тогда могла означать лишь одно: помимо работы воспроизведения рода, работы тяжелейшей и опаснейшей, женщина выполняет более легкую, сравнительно с мужчиной, работу. Дикий зверь мог растерзать мужчину: при этом мужчина испытывал такую же боль, как женщина при родах, так же рисковал жизнью. Существовало, таким образом равновесие боли, равновесие риска, равновесие работы.

Шли века, общество развивалось, внутренне изменялось. Наступила эпоха развитого патриархата. Отпала необходимость защищать жизнь рода от хищных зверей, охота перестала быть главным источником существования; риск, боль, тяжелый труд теперь уже не были непременными элементами жизни мужчины. Но из жизни женщины ни риск, ни боль, ни труд тяжелейший просто не могли исчезнуть — иначе прекратилось бы существование человечества. Однако это как-то забылось, отодвинулось на задний план, стало не «чудом появления человека на свет», а чем-то само собой разумеющимся, бесплатным приложением к заводам, фабрикам и армиям.

Какие же обязанности в эту эпоху были у женщин и какие — у мужчин? В большинстве семей женщина воспитывала детей и вела хозяйство, в то время как мужчина зарабатывал на жизнь всей семьи и, в более бедных семьях, выполнял «мужскую работу» по дому (заготавливал дрова, приносил воду, чинил дом). Таким образом, исчезло равновесие риска, равновесие боли, но сохранилось одно равновесие — равновесие работы. (Как пример можно привести безукоризненную семью Ульяновых, где мать имела возможность по-настоящему занимать-

ся воспитанием своих шестерых детей¹³⁷). Давало о себе знать неравновесие политических, юридических и других прав. Конечно, не надо забывать и о социальном неравенстве: часть женщин работала в ту пору на фабриках или на поденщине, в то время как другая часть женщин не имела ни одной обязанности, кроме обязанности воспроизведения рода. Тяжесть женской доли воспринималась тогда в контексте общей социальной несправедливости и в этом же контексте предполагалась быть решенной. Слова Ленина «отныне кухарка будет править государством»¹³⁸ сосредоточили в себе светлую мечту о новой семье, высокую надежду на новые взаимоотношения между полами. Но в период культа личности Сталина вопрос о семье был объявлен второстепенным, что привело, по сути, к полному его игнорированию.

В наши дни женщина, формально освобожденная, имеет (или не имеет) одинаковые с мужчиной политические и юридические права — но не моральные. Что же касается обязанностей, то здесь мы уже равновесия не видим никакого.

Мужчину никто освобождал от обязанности зарабатывать на жизнь семьи, но рост цен и непомерно

137 В «ленинском мифе», сложившемся в СССР уже в 1930-х, важное место занимала история семьи Ульяновых, образы любящих родителей, воспитавших своих детей революционерами. Канонический образ семьи будущего лидера советского государства закреплен в романе-хронике Мариэтты Шагинян «Семья Ульяновых» (1938). См. также: *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России СПб.: 1997. С. 34–38, 232.

138 Достоверно неизвестно, говорил ли В.И. Ленин такую фразу или подобную ей. Среди его письменных работ и записанных выступлений можно обнаружить иное утверждение: «Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством» («Удержат ли большевики государственную власть?», 1917). Очевидно, популярность фраза приобрела благодаря строкам Владимира Маяковского: «Мы и кухарку / каждую / выучим / управлять государством!» («Владимир Ильич Ленин», 1924).

увеличившаяся стоимость жизни привели к тому, что заработанных им денег не может хватить даже для минимальной семьи из трех человек. По официальным данным, средняя заработная плата в СССР — 150 рублей; на эти деньги три человека могут существовать разве что впроголодь, при этом ребенок будет полностью лишен необходимых для его роста овощей и фруктов, а о каких-либо тратах на одежду (что в нашем суровом климате необходимо) и думать не приходится. Но ведь это — цифра средняя и к тому же официальная. Множество мужчин довольствуется и куда меньшей зарплатой (часто это связано с желанием работать по избранной специальности — лица интеллигентных профессий зарабатывают, как правило, меньше, чем рабочие).

А если мы еще на шаг приблизимся к реальности и вспомним, какую часть своих заработков мужчины оставляют в питейных заведениях, мы поймем, что они совсем забыли о том, что их долг — кормить своих детей.

Так на самом деле мужчины выполняют свою первую обязанность. Что же касается мужского труда по хозяйству, то в городе с появлением парового отопления, водопровода и газа он вообще практически исчез. Мужчина чувствует себя стоящим вне домашних забот. Мужчина, умеющий хотя бы «гвоздь забить» — это в наши дни биологическая редкость. Все необходимые в хозяйстве «гвозди» забивает ныне женщина. Ну, а на мужчин, которые «помогают» женщинам в «легком» женском труде, издали пальцами показывают, по тем же пальцам их можно и пересчитать, так что в расчет их принимать нет смысла.

Итак, существует, грубо говоря, два варианта мужского существования в наши дни:

1. После работы мужчина напивается и заваливается спать или учиняет скандал;

2. После работы мужчина разваливается на диване с газетой или усаживается перед телевизором. (Может быть и идеальный вариант, когда после работы мужчина занимается любимым делом: хобби или творчеством).

Как бы то ни было, мы досчитали до двух и остановились, поняв, что мужчина в наши дни не выполняет и одной функции — зарабатывать на жизнь семьи. Посчитаем теперь обязанности женщины.

1. Как и в древности, мы собственной кровью и болью создаем будущее поколение. Если сегодня все женщины откажутся от этого смертельно опасного труда — завтра на земле не останется ни одного человека, исчезнет человечество, те самые грядущие поколения, которым мы надеемся передать свой опыт, свою культуру. Однако труд этот в заслугу женщине не ставится. Ребенку, уколотившему палец, больше сочувствия, чем женщине, умирающей от боли в родовых муках. Нигде не встретишь такого глумления над человеческой личностью, как в родильном доме — даже самом лучшем. На роженицу смотрят с брезгливым презрением, как на женщину легкого поведения, муки ее считают проявлением особенной ее низости. Женщина, решившаяся на подвиг ради того, чтобы создать нового человека, встречает лишь грубость и издевательство. С ней обращаются как со скотом, который сам не знает, почему мычит.

Неимоверная грязь, царящая в родильных домах, усугубляет физические страдания женщины, а категорический запрет на допуск родственников — ее моральные страдания. Мужья, которые и представления не имеют, через что приходится проходить их женам, не могут от-

носиться к ним с должным уважением. И от них, кроинки не проливших ради того, чтобы получить ребенка, женщина — мать уже через неделю слышит все то же обычное обращение:

— Дура, подай!... Дура, сделай!...

2. Женский «легкий» труд вовсе не легкий в наши дни. Даже в крупных городах в магазинах мало что можно купить, а из того, что купить можно, обеда приготовить все же нельзя. Поскольку средняя семья не имеет денег для покупки холодильника, беганье по магазинам для большинства женщин обязательно каждый день. Плохое снабжение приводит к возникновению огромных очередей за овощами, фруктами и другими дефицитными продуктами: любящие матери вынуждены в этих очередях проводить часы и дни. Днем с огнем мужчину в такой очереди не сыщешь — хотя мужские очереди в пивные ларьки никогда не оскудевают. А рост цен и ухудшение качества продуктов ставит нас в совершенно безвыходное положение: ведь кроме обязанностей ломать голову над тем, как прокормить семью в таких условиях, у нас есть и другие обязанности:

3. Воспитывать детей, ибо ясли и детские сады — утопия, оказывающаяся в результате анти-утопией, — отдавая здоровых детей в эти учреждения, мы получаем обратно детей, изнуренных болезнями. Женщине приходится постоянно брать больничные листы и справки, чтобы сидеть дома с ребенком — но только не со здоровым, как в былые времена, а с больным.

4. И все же она должна зарабатывать деньги, и не для того, чтобы хоть чуть-чуть улучшить свое материальное положение, а чтобы просто не умереть с голоду. И вот тут она оказывается в противоестественном поло-

жени. Женщину-мать не любят принимать на работу, при приеме мужчине всегда оказывается предпочтение. Но если женщину и приняли на работу, то после первого же больничного листка на нее начинают смотреть косо. Несчастливая мать оказывается, как всегда, сама виновата в том, что ее ребенок болеет! С присказкой «сама родила — сама и расплачивайся» ее переводят на нижеоплачиваемую должность, а после второго или третьего бюллетеня находят способ от нее избавиться.

Одна и четыре — таково «равновесие» обязанностей между мужчиной и женщиной в наше время. Но есть семьи, где эта нестабильность проявляется в обостренной форме, что связано, опять-таки, с местными условиями. В большинстве случаев творческий труд не может не только прокормить человека, он не может служить даже источником минимального приработка. Человек, занимающийся творчеством, за свой труд не получает ничего. А если этот человек — женщина? Если творчество становится ее пятым трудом?

Практически быть матерью и быть творцом — вещи несовместимые в наших условиях (если не считать редкой удачи — бабушки, берущей на себя все заботы о внуках). Родив ребенка, женщина должна поставить крест на себе; и я знаю женщин, которые говорят чуть ли не с гордостью: — Теперь я — не я, теперь я — он, мой ребенок.

Как копейка на копейку, обменивается жизнь женщины на жизнь ребенка. Семья строится на костях женщины, на кровавых ее слезах. Семья ломает в женщине творца. Нигде не сыщешь семьи, где мужчина, даже самый заурядный, сделал бы для жены то, что женщина, даже самая талантливая, делает для мужа: уничтожил бы свои творческие потенции для того, чтобы она мог-

ла развивать свои способности. Женщина говорит: «Мое честолюбие — в тебе», — и убивает в себе Моцарта. Или она этого не говорит — тогда Моцарта в ней убивает ее муж. А следующему еще легче — он говорит своей жене: «Моцартов среди женщин еще не было — и быть не может, не так вы созданы Господом Богом».

Мужчина считает, что только он способен создавать культурные ценности. Но созданная им культура для нас недостаточна, мы видим, что в ней ощутимо чего-то не хватает, и не хватает именно Любви, — той самой, чьим именем он лицемерно прикрывается, продавая ее на каждом углу.

Слово рвется из твоей души, оно разрывает тебя, смертный грех — убить его в себе, не дать ему жизнь. Для того, чтобы стать творцом, женщина должна проявить усилия, мужчинам неизвестные, усилия героические. Но она пойдет на это, чтобы создать новую культуру, которая изменит жизнь.

И, наконец, подходим к последнему вопросу: о моральных правах женщины. Семья, та самая, что ломает в женщине творца, и изначально, в зародыше своем, слишком часто строится на попоранной любви женщины. Женщина в наше время, как и в былые времена (за исключением эпохи Возрождения) имеет в любви только право отказа, но не имеет права выбора. Она не может сама выбрать себе любимого среди мужчин, выбирать она может только среди тех, кто уже выбрал ее. Неразделенная любовь мучительная — но стократ мучительней она для женщины, которая не имеет права не только оказывать знаки внимания тому, кого любит, — она попадет в позорное положение, если только окружающие догадаются о ее чувстве (видимо, тут сказывается, кроме

всего прочего, односторонне мужской взгляд на любовь, царящий в нашем обществе: мужчина полагает, что женщина, произнося слово «люблю», подразумевает то же чувство, которое способен испытывать и он сам, и именно поэтому в признании женщины видит что-то неприличное). В то же время мужчина имеет право не только говорить любой женщине о своей любви, но и добиваться взаимности всеми средствами, вплоть до шантажа¹³⁹.

В отношении любви у мужчин, за редкими исключениями, прослеживается элемент очевидного скотства: ведь, попирая достоинство любимой, они порочат и себя-вчерашнего, того, кто вчера признавался ей в любви. То, что сами они даже не замечают этого противоречия, еще печальнее: значит, и тогда, когда они плакали и валялись в ногах, они где-то в глубине души сознавали временность, несерьезность своих клятв. Изначальная несерьезность отношения к любви и семье — тот задаток, из которого быстро развиваются настоящие пороки. Мужчина отказывается от неприятных семейных обязанностей — что ж, это его право! Он добивается возможности зарабатывать только на себя, отдавая детям такие гроши, на которые в наше время ни прокормить, ни одеть ребенка невозможно. И это — тоже его право. Он переходит от женщины к женщине — в этом его никто не обвинит, никто не бросит ему вслед того слова, которым принято награждать женщину аналогичного поведения. Он свободен, все прекрасно...

Но он и не заметил, что возникает — и уже возникла — материнская семья. Что женщины — независимо от образования, от социального и материального поло-

139 Рассказ о том, к каким последствиям это приводит, будет помещен в следующем номере журнала. — Прим. сост. альманаха.

жения — стремятся избавиться от своих пьяниц-мужей. Что там, где мужчина еще не изгнан из семьи, он вместе с обязанностями теряет и все свои права, и главное из них — право воспитывать детей, право на их любовь, право оказывать непосредственное влияние на грядущее поколение. Мужчина перестает быть отцом, оставаясь лишь производителем. Чаще всего семья рушится не оттого, что новая любовь затмевает старую, а оттого, что дети просят мать избавить их от такого отца.

Мужчине все еще легко и приятно — но уже немного неуютно. Бессознательно он уже ощущает свою неполноценность, ущербность, какую-то недостаточность. Человеческое общество, общество матерей и детей, изгоняет его от себя. Его свобода нависает над ним дамокловым мечом. И никогда дети, воспитанные человеком иной природы, не примут обратно блудного отца. Они создадут иную жизнь, в которой не будет места отцовскому скотству.

Так что же собой представляет женщина в наше время?

Она должна стать всем — так она всем и становится. Тяжелейшие ее обязанности ходом самой жизни превращаются в права — и чем мучительней обязанности, тем полнее, безраздельнее права. Напрасно мечтает последний поэт патриархата, что

«женщина женщиной будет:
и мать, и сестра, и жена,
уложит она и разбудит,
и даст на дорогу вина,
проводит и мужа, и сына,
обнимет на самом краю...»¹⁴⁰ —

нет, никогда женщина, не знающая мужской поддержки и помощи, не станет лишь придатком мужчины, только — матерью, только — женой, только — сестрой. У нее посерьезней дела найдутся, чем укладывать да будить своих пьянчуг. Да и на самом-то краю в наше время женщина оказывается чаще, чем мужчина.

Так женщина проходит сквозь все смерти, созданные природой и людьми, и в неустанном подвиге делает себя всем — не только физическим, но и духовном творцом будущего мира.

Р. Баталова*

Роды Человеческие

* Псевдоним Татьяны Мамоновой.

«... В бою я много раз стоять бы согласилась,
чем родовые муки раз один узнать».
(Еврипид «Медея»¹⁴¹)

Этот кошмар не кончился. Он теперь не кончится никогда. Он остался в тебе. Как остается вопиющее преступление, как замирает в нас ужас, как в нашем сознании застывает смерть. Это страшнее смерти, потому что это продолжаешь чувствовать... Ты умерла, но ощущаешь боль. Она все терзает тебя истерзанную. Ты, не умеющая кричать, кричать стыдящаяся — ты не кричала, ты рычала как смертельно раненый зверь. Это реальность. Это не воспаленное воображение, которое пугало, но в нем было чем себя утешить. Воображение страшило, но не успокаивало. Реальность же оказалась безысходной. Ты могла бы найти открытую дверь, но от бремени своего ты не убежала бы /никогда/ никуда. Безысходность была в тебе самой. Ты попала в полную зависимость от тех, кого сначала презирала — они разгадывали глупые кроссворды, — от тех, кого ненавидела потом — они беседовали о посторонних вещах под крики ужаса. Они, только они могли дать тебе выход. Не тот выход, что был

141 Древнегреческая трагедия цитируется по переводу немецкого переводчика. См.: *Бибель А. Женщина и социализм / пер. с нем. В. Бильшая. М., 1959. С. 78.*

нужен тебе, но их выход. Они кололи, кололи и кололи тебя, пока тело твое, твой организм не перестал тебе подчиняться. Он подчинился им, их игле, вонзавшейся то и дело в твою кожу. Конвульсии исторгали вопль из твоих уст, и ты ничего не могла изменить...

Будь ты хоть семи пядей во лбу, ты все равно постоянно подвержена риску нивелировки твоей личности. Чтобы стать в положение мужчины, ты должна (и будучи личностью более значительной) приложить сверхчеловеческие усилия, отстаивая себя, доказывая себя, борясь за свое «я». Мужчина же, самый даже ничтожный, априори над тобой. Одинаковая с ним твоя победа стократно перед его победой, ибо тебе приходится на каждом шагу преодолевать препятствия, ему неведомые. Оставим даже дух — тело твое бомбардируется опять же незнакомыми мужчине недугами и опасностями. Тело твое рано изнашивается на службе рода. Ты, конечно, можешь изловчиться, отказав себе в любви и потомстве... Ты, возможно, избежишь беременности, если мужчина не совершит насилия над тобой, но и тогда такие «мелочи», как менструация, климакс истерзают, разрушат тебя. И тело и дух твой. Ты уйдешь от службы рода, но не уйти тебе от «мнения» общества, приспособленного исключительно к мужчине. Ты будешь парией, презираемой этим обществом, недочеловеком. Пойдешь в ту или другую сторону — везде тебе уготована кара. Если ты не мать (с грязнейшей грязью смешали они святое это имя), то ты «старая дева» или постаскушка. Не мечись по лабиринтам, которые они построили для тебя — там тебя ждут лишь тупики!

И ты тупеешь, защищаясь от этих непосильных тягот, неразрешимых проблем. Ты превращаешься через эти обиды и заботы в камень. Между тобой и мужчиной

бездна лишь углубляющаяся. Он всегда прав. Ты, его породившая — всегда неправа. С годами ты теряешь себя. Так и не успев себя обрести. Тебя разъедает мучительная своей пустотой, усталость духа, переходящая в ожесточенное недовольство своей жизнью, которое граничит с неприятием жизни вообще. Беременность с ее несомненной паразитической сущностью убивает в тебе юность. Твою веру. Смысл твоего собственного существования. Все для потомства, предпочтительно мужского!

Никакими призывами и лучшего из мужчин неставишь почувствовать во всей полноте эту безысходность, если общество не сойдет наконец с заезженных рельс прославленного патриархата. Патриархат так или иначе загоняет женщину в клетку. Что бы она ни делала на благо общества, не выходя за грани своего пола — это ее долг и обязанность.

Считается даже, что она только этого и жаждет... Что бы ни делал мужчина — это одолжение с его стороны, великодушие, подвиг.

Женщина по природе своей жертвенна — это привычно, это никогда не является ее заслугой. Какую бы боль, какое бы страдание не сносила она, мужественной (слово-то какое!) сочтут не ее, а мужчину, хотя последний и пальцем не пошевелил. Уже родившись мужчиной по воле случая, он сразу оказывается в привилегированном положении. Он может позволить себе любую физическую и нравственную роскошь. Будь то атлетизм или инфантилизм — не важно. Женщину же не согнут, так ломают. Ведь беременность — это желанное сладкое бремя! Мужчина уверил в этом не только себя, но и тебя. И разубедить его не может ничто. Даже допущение аборта, которое выявило, что женщина часто идет на эту

тяжелую операцию (совершаемую, кстати, из экономии без наркоза) только бы остаться свободной от радостей, которые ей предлагает мужчина. Он же лицемерно продолжает воспевать материнство. Он одаряет тебя этим уродством, этой болезнью и ты, счастливая, принимаешь его дар, чтобы обрести в этом враждебном тебе обществе хоть какую-то ценность. Но обретая ее, ты немало теряешь. Здесь все тонко продумано. Ты мать, гордись этим! — говорят тебе, но имя твое прозвучит в подворотнях, его упомянут в грязнейшей брани. И это не все: посмотри на себя! — ты уже не тот свежий цветочек, который, возможно, пожелает сорвать твой господин. Ты увяла, и тебя же в этом попрекнут. Ты быстро падаешь в цене, Ты всегда в проигрыше. Заведомо. Даже когда ты, исстрадавшись скажешь себе: «пусть будет сын!», дабы тот не познал твоих мук — твоя самоотверженность не будет замечена. Патриархат ее ни во что не ставит, ибо ты и обязана рожать сыновей! Потом сын пренебрежет тобою, его научат этому так быстро, что он не успеет и задуматься: ведь именно ты дала ему самую жизнь, именно ты сказала «пусть будет сын!» и освободила свое дитя от страшного бремени быть женщиной. Если же ты заявишь себя, ответ будет скорым: дать жизнь мужчине порешила природа:

«не мать создатель своего ребенка»¹⁴².

Эти гениальные стихи были написаны ещё на заре патриархата. Так патриархат порешил с тобой, сразу и надолго. И вот в течение веков ты отдаёшь свою кровь, свое здоровье, свою «никчемную» жизнь сыновьям — интуитивно ты рассчитываешь хотя бы через сына приобщиться к благам патриархального мира. Ты,

142 Цитата из трагедии Эсхила «Эвмениды». Цит. по: *Бибель А. Женщина и социализм / пер. с нем. В. Бильшая. М., 1959. С. 75.*

возможно, даже начнешь пренебрегать своим полом, пороча других женщин и возвышая мужчину, которого полюбила или которого родила, но и через это самоотрицание ты не встанешь на одну с ним ступень, а лишь внесешь горестную лепту в копилку патриархата. Мужчине нет дела до твоих метаний, он отделен от тебя толстой стеклянной стеной, которая надежно защищает его от шума, изредка тобой создаваемого (в свободное от работы время). Он надежно защищен от твоих воплей. Он наблюдатель, а ты жертва. Он позабавится твоими потугами. Позволит, быть может, тебе выиграть какую-то пешку, но в конце концов выиграет он, ибо правила игры для него иные, чем для тебя. И он это, если и не знает доподлинно, то чувствует. Иногда доносится из-за стеклянной стены до него твой голос (когда ты кричишь слишком громко): «измените мир! сделайте мир справедливым!» — но мужчине незачем менять мир. Такое устройство ему удобно и выгодно. Он лучше устроит новую войну, которая истребит твоих детей.

Он лучше создаст новую ракету — ракета возвысит его, утвердит его приоритет — нежели снимет с тебя тяжкие цепи. Какой ему прок от твоей эмансипации? Твое освобождение лишь создаст ему неудобства. Значительно проще и приятнее тешить себя мыслью, что реформ не требуется. На восьмое марта (раз в год!) вытереть пыль с буфета. И объявить 1975 год — годом женщин с соответствующими дате формальностями¹⁴³. Мужчина тоже хочет слыть альтруистом, и в лучшие минуты

143 Резолюцией 3010 (XXVII) от 18 декабря 1972 года, «считая необходимым укрепление всемирного признания принципа равенства мужчин и женщин де-юре и де-факто и принятие теми государствами — членами Организации [объединенных наций], которые еще не сделали этого, как правовых, так и социальных мер по обеспечению прав женщин», ООН провозгласила 1975 год Международным годом женщины.

дух его бывает бескорыстен, но это затягивается. Он не признается себе, что попирает тебя из чувства ущербности, завидуя твоему первозданному неподдельному альтруизму. Свой альтруизм он подменит фальшивой полумерой: он тебе поможет (заметьте снова, каков глагол!) мыть посуду с общего стола или нянчить ребёнка. Он «поможет», озаренный сознанием собственного бескорыстия. Ты же так или иначе (он имеет возможность отказаться, а ты — нет) должна будешь мыть посуду («женское дело — легкое дело») или нянчить ребенка, доставшегося тебе ценой, которой нет дороже. Как ни бейся рыбка, ты все одно попадешь в сети рабства, а в распряжении мужчины всегда будет куча аргументов твоей неполноценности.

«Ты носишь свой живот как шар земной...» Ты согнулась под его тяжестью. Что ждет тебя?! Так ждут землетрясения, катастрофы, ты хочешь забыться, ничего не чувствовать, но катастрофа неизбежна. Медленное разрушение сменится взрывом. Ты потеряешь почву под ногами и проклянешь любовь. Три бессонных ночи, отвращение к пище в течение двух суток, непрерывные изматывающие схватки — все это отрывает твое тело от твоего разума. Окровавленная обезумевшая ты извиваешься в судорогах, бежишь в коридор в поисках человека, а гинекологи и акушеры отсиживают на твоих глазах смену за сменой... Уже первое мгновение в «родилке» (так почтительно именуют там эту голгофу) оцепеняет. Стоны, рыдания, призывы рожениц травмируют психику любого человека, впервые попавшего сюда.

На вопрос:

Как вы это допускаете?!

врачи отвечают:

Наша цель — дети
 женщина выдержит все...

Десять топчанов, на которых извиваются несчастные жертвы патриархата. Красные простыни. Огромные от боли глаза. Искусанные губы (ногти предусмотрительно остригают в приемной).

Взмокшие рубашки. Спутанные волосы.

— Почему все вместе?!

— Таких много.

— Но ведь это человеческие существа!

— Оставьте философию. Ложитесь и рожайте.

— Вы грубы.

— Здесь иначе нельзя.

— Напротив, эти женщины как никто иной нуждаются во внимании и добром слове.

— У нас много работы...

Ты ложишься. Ты зажмуриваешь глаза. Ты затыкаешь уши. Ибо эти стоны разрезают тебя на части. Картина невыносимая для нормального сознания. Бред. Воплощенный ужас. Кошмар, нанизанный на нити нервов. Окровавленные топчаны вместо кораллов... Ты хватаешься за голову. Ты пытаешься окунуться в небытие.

Схватки будят тебя. Схватки возвращают тебя в эту палату, в этот непрерывный стон. В действительность!

Твой живот превращается в инородное тело. Он движет собственной волей. Он уже неподвластен тебе. Твои руки пытаются сдержать его толчки. Твои уши снова слышат, освобожденные. Крик один, другой вонзаются в тебя:

— Доктор, вы же обещали мне помочь! Доктор! — срывающимся голосом кричит худенькая девочка.

— Акушерочка, Клавочка, ну подойдите же ко мне, пожалуйста! — это голос женщины с соседнего топчана, на который ты стараешься не смотреть.

— Я не хочу жить, не хочу-у! — Голос из другого угла палаты. Голос, обрывающийся душераздирающим хрипом.

— Мама, зачем?! — задыхается ещё кто-то.

У тебя останавливается сердце. Горло пересыхает. Пронзительная как крик мысль: бежать отсюда! Но очередная схватка пригвождает тебя к топчану. Минуты. Часы. Светает. Стоны слоятся, наползая один на другой. Дорожки крови от топчанов из предварительного в родовое отделение. Дорожки крови, высыхающие прежде чем их успевают вытереть... Ты можешь подняться и выглянуть в окно. Твоё время ещё не пришло. Там внизу сквозь ветви деревьев ты видишь другой мир. Ты слышишь беззаботный смех... Приводят новенькую. Она в очках и подчеркнуто спокойна. Через полчаса ее очки упадут на каменный пол, и она ужаснется своему прозренью.

Гримасы патриархата. Его конвульсии. Агония. Один из пророков предсказал его скорый конец. «Приходит власть жены Земли».

Вера Голубева*

Обратная сторона медали

г. Архангельск

* Псевдоним Натальи Мальцевой.

Выполнить свое назначение матери — это величайшее благо, предназначенное женщине природой. Только женщина, испытавшая чувство материнства, способна понять, почувствовать и оценить всю неразделимую ответственность за жизнь маленького существа. Недаром существует медаль «Мать-героиня».

Но здесь речь пойдет о женщине, которая взяла на себя смелость родить и воспитать ребёнка без отца. О так называемой матери-одиночке. Что побуждает её сделать столь отчаянный шаг? Для каждой судьбы — свои обстоятельства, сугубо личные мотивы, сложные и противоречивые, разобраться в которых мы предоставим им самим.

Многие женщины, решаясь на этот отважный поступок, не всегда представляют себе, сколь тернистый путь они выбрали. Ведь есть женщины, у которых нет близких родственников и даже родителей, которые могли бы помочь им в тяжелые минуты.

От общества тоже многого ожидать не приходится. Государство выделяет на содержание родившегося внебрачного ребёнка 5 рублей в месяц¹⁴⁴. И эти 5 рублей вам

144 При среднемесячной заработной плате рабочих и служащих в СССР в 1979 году в 169 рублей.

надо добывать через множество формальностей и унижений. Вас не известят о том, что вы имеете на них право, не пришлют на дом. Более того, на эту смехотворную сумму невозможно прожить и 2-х дней.

А одинокой женщине с ребенком, которой не на кого рассчитывать, кроме самой себя, по меньшей мере в течение года нужны средства к существованию.

Безбедно прожить в течение года, не работая смогла бы только женщина, которая тщательно продумала и предусмотрела все трудности одинокой жизни, скопив предварительно определенную сумму денег. Но на это способны очень немногие, потому что практически очень трудно предусмотреть какой будет наша жизнь завтра.

Ну, а те, которые ничего не продумывали, ничего не предпринимали, те, у которых нет возможности обеспечить себя на год вперед. Что делать тем, кто не умеет приспособливаться к любым обстоятельствам, которые не умеют идти на компромисс с собственной совестью.

Лишь ценой нечеловеческих усилий они смогут сохранить жизнь себе, а значит и своему ребенку, будущему члену общества. Общества, которое не дает себе труда задуматься над тем, что скрывается в глубинах этого громкого лозунга «эмансипация женщин». Некому подумать о том, какой ценой достается женщине то, что называется свободой, о которой много говорят, много пишут, но которой в реальной жизни нет.

Итак, женщина вырастила до года своего ребенка. Дальше она, конечно, рассчитывает на государство — детские ясли. Но тут новая проблема: как туда попасть? Чтобы ребенка устроить в детские ясли, нужно встать на очередь в ясли до рождения ребенка. Есть ещё один

выход: оставлять свою работу и самой наниматься на работу в ясли, тогда возьмут и ребенка. Если вы не имеете медицинского образования, то придется выполнять самую черную, самую тяжелую работу, одновременно ухаживая и за своим ребенком. Это тоже немаловажный факт, ибо отдавать своего ребенка в государственное учреждение, думая, что ему там будет так же хорошо, как дома — большое заблуждение.

Детские ясли и сады — это самые губительные учреждения в системе здравоохранения страны. Персонал, в основном, состоит из женщин среднего и пожилого возраста. Небольшой процент молодых женщин, которые пришли сюда работать уборщицами ради своих детей. Большинство женщин среднего и пожилого возраста своих детей не имеют. Что привело их сюда, в этот дивный цветник детской чистоты и непосредственности, трудно сказать. Но, вряд ли то, что называется чувством самопожертвования и самоотречения ради этих слабых, беззащитных малюток, за которыми нужен очень большой уход.

В течение целого дня их нужно переносить с места на место, мыть носы, руки, менять штанишки. Их нужно кормить из ложечки.

В группе на одну медсестру и одну няню приходится 25–30 человек. Сколько любви и терпения нужно иметь в душе, чтобы каждый день встречать своих маленьких питомцев с улыбкой и целый день терпеливо ухаживать за ними, и назавтра приходиться к ним с новым запасом душевных сил.

Но далеко не все женщины способны на этот подвиг. Большинство из них руководят корыстные цели. Они знают, что эти маленькие, беззащитные существа

никому не расскажут о том, чему они являются безмолвными свидетелями, ибо они сами ещё не способны понять и оценить поступки взрослых людей, в чьих руках находится их жизнь. И люди пользуются этим. Мне довелось общаться с этими людьми. Нигде и никогда я не встречала более жестоких и склочных людей. Они сюда идут с определенной целью. Они идут сюда воровать. Они отнимают у детей пищу — основу их жизни. Мясо они наполовину разбавляют булкой, благо, какой-то умный человек-кулинар изобрел эти блюда: котлеты, и биточки, кнели и бифштексы. Сметану и молоко они разбавляют водой — тоже удобно.

В летний оздоровительный сезон, когда детей вывозят за город, на дачи, чтобы они могли дышать свежим воздухом и питаться фруктами и овощами — тоже есть чем поживиться.

Фрукты, которые привозят родители детям, делятся персоналом группы между собой, детям же остается печенье, конфеты и прочие сладости, от которых нет никакой пользы.

Гигиенический уход за детьми поставлен из рук вон — плохо. Девочек подмывают редко, вытирают либо её же ночной рубашкой, либо одним полотенцем всех подряд. Ноги и руки тоже моются крайне редко и вытираются одним полотенцем

Летом, в 1976 году — дача в Бернгардовке¹⁴⁵. Бокс — помещение для больных детей — переполнен. Здесь и острые респираторные заболевания с осложнениями на легкие, и свинка, и дизентерия. Машины «Скорой помощи» хорошо знали этот маршрут, приезжая сюда чуть ли не ежедневно.

145 Ближний пригород Ленинграда.

Итак, одинокой женщине, доверившей свое дитя государственному учреждению, после подобного оздоровительного сезона остается сделать вывод и поломать голову — куда бы ещё пристроить ребенка без ущерба для его здоровья.

Причину подобного положения дел в детских дошкольных учреждениях нужно искать в истоках системы здравоохранения и организации труда рабочего персонала.

Нехватка рабочей силы и текучесть кадров обусловлена низкой заработной платой. Медсестрам платят 80–90 рублей в месяц. Санитаркам — 75 рублей.

Труд женщин, которые призваны растить и воспитывать наше будущее поколение, отдающих свои душевные силы и здоровье — обесценен.

Но в Советском государстве есть право выбора. Если вам не по плечу тяготы жизни с ребенком, предоставляется возможность не рожать его. В Советском Союзе официально разрешаются аборт. Десять-пятнадцать минут (время операции) — и вы избавлены от всех хлопот и неприятностей, которые связаны с ребенком.

Но каких душевных мук и физических страданий стоят эти считанные минуты. Думаю, что большая часть женщин, хотя бы раз испытавших эту нечеловеческую пытку, отказалась бы от этой варварской операции, имей она нормальные человеческие условия жизни. Но обществу все же не ясно, почему женщина идет на аборт, и иногда (очень редко) при поступлении в больницу, оформляя многочисленные документы для аборта, женщину спрашивают, почему она не хочет иметь ребенка. Ответ, как правило, бывает однозначным — нет нормальных жилищных условий или низкая заработная

плата. Куда идут эти сведения — неизвестно. Да и идут ли вообще куда-нибудь! Во всяком случае, наше «гуманное» общество сделало все возможное, чтобы советская «эмансипированная» женщина сполна ощутила свою свободу в самых различных качествах.

Если женщина решилась на аборт, ей предстоит испытать настоящие «хождения по мукам». Начиная с унижений, когда ей приходится ходить в женскую консультацию, собирая кучу бумаг для предстоящей экзекуции, где разговаривают с нею с нескрываемым пренебрежением и даже с презрением. К этому прибавляется унижение последующих этапов, которые должна пройти женщина на пути к цели. Затем ожидания в очереди на запись. В огромном зале почти без света и воздуха, на скамейках, расставленных вдоль стен, сидят женщины с озабоченными и угнетенными лицами. Сидеть приходится часа полтора, два.

Так, час за часом, приближаясь к предначертанной судьбой пытке, женщина попадает в абортарий. Абортарий на Лермонтовском проспекте — это чудовищное заведение — мясорубка — как называют его сами женщины¹⁴⁶. Пропускная способность клиники — 200–300 человек в день.

Огромные палаты на 10–15 мест уставлены койками и сетками, заправленными байковыми одеялами. Простыней всегда не хватает и женщине приходится прибегать к ухищрениям и обходиться одной простыней, либо накрываясь ею, либо подстилая под себя. И это в медицинском учреждении, где производятся хирургические операции на людях.

146 Гинекологическое отделение, где производились аборт, находилось по адресу Лермонтовский проспект, 54.

Но женщины, пришедшие сюда, не обращают внимания на эти неудобства. Они охвачены ужасом ожидания перед предстоящим кошунством. И вот наступает решающая минута. Женщины выстраиваются в очередь перед операционной. Одновременно абортуются по две, а то и шесть женщин в одной операционной. Кресла расположены так, что женщины могут видеть всё, что происходит напротив. Искажённое в муках лицо, кровавое месиво, извлекаемое из утробы женщины. В операционной два врача и одна медсестра. «Быстро-быстро!» — говорит медсестра. Женщина, трясущаяся от страха и волнения, забирается на кресло, её движения неловки и неуверенны. Врач раздраженно говорит какую позу нужно принять на кресле. Наконец женщина устраивается, и врач приступает к операции. Иногда делает укол, но его действие не ощущается, т.к. новокаина вводят очень мало и не ждут, когда он начнет действовать. Поскольку обезболивающего эффекта нет, женщина чувствует страшную боль. Некоторые теряют сознание. Медсестра, обслуживающая двух врачей одновременно, не успевает помочь больной. Больную с трудом «откачивают» и выпроваживают, предоставляя женщинам, ждущим своей очереди, проводить её в палату. В палате женщина ещё час-полтора корчится от боли и исходит тошнотой, а иногда и рвотой, а на следующий день её выписывают домой, не взирая на общее состояние, которое оставляет желать лучшего.

Медицинское обслуживание в Советском Союзе основано на способности больного к самовыживанию и несет функцию благотворительности. Больным оказывается первая помощь, в остальном они должны полагаться исключительно на себя.

Ваня Пазухин

«Золотое детство»

9 ЛЕТ

Мама мне рассказывала то, что в пионерских лагерях было очень хорошо, когда она была маленькая, что там много кружков, то, что там хорошие, дружные ребята, и она говорила, что там было весело. И мне очень хотелось туда поехать; все старались достать мне путёвку в лагерь, и бабушка, и дедушка, и папа, но ни у кого не вышло. Но вышло так, что я всё время болел и зимой не ходил в школу, и в один прекрасный день я узнал, что из-за этого мне в поликлинике дали путёвку в лагерь санаторного типа. И я очень обрадовался этому. Когда мне сделали анализ крови, то выяснилось то, что у меня высокий лейкоцитоз. Один камень с сердца свалился, другой упал: теперь из-за плохого анализа меня могли не пустить в лагерь. Но когда мы пришли к начальнице поликлиники, то она сказала, что это ерунда и можно ехать в лагерь санаторного типа.

И вот в один солнечный день мы приехали в Старый Петергоф в лагерь «Зарница». Записывала меня в восьмой отряд очень толстая и некрасивая женщина. Но толстых женщин у нас очень много, так что я на это не обратил внимания. Вскоре мы распрощались с родителями и пошли на обед. Как только мы отлучились от родите-

лей, воспитательница начала на нас орать, впрочем-то пока что никто из нас ничего плохого не сделал.

Во время обеда она только и делала, что на нас ругалась, и кричала, и орала, но всё-таки я думал, что это только такая воспитательница, а дети во много раз лучше. Потом у нас начался дневной сон. Как я уже говорил, мама мне говорила, что в лагере будет очень весело. Как только воспитательница вышла, ребята начали рассказывать друг другу неприличные анекдоты. Потом вскочили и стали колошматить друг друга. Кончилась эта драка тем, что двум мальчикам стало плохо, потому что их стукнули со всей силы по голове. Завязал драку Владик просто потому, что ему было делать нечего. А он был сын начальницы лагеря и говорил: «Если вы меня будете бить и не слушаться меня, я скажу маме, и вас выгонят из лагеря». После этой драки они придумали новую игру — «мясорубку». «Мясорубка» — это обозначало то, что девять человек (хотя у нас было десять человек в палате, но я в такие игры не играл) становились в большой круг, внутри его — в маленький круг, а в самой середине стоял один человек (там всегда стоял самый слабый, Женя, «грузин» — его так прозвали). И они лупасили кто кого хочет мокрыми полотенцами с завязанными узлами. На этом тихий час кончился.

Потом мы пошли полдничать и пошли гулять во двор. Хотя везде вокруг были очень красивые лесочки, заросли деревьев, нас пускали только на эту пыльную площадочку, которая была прямо перед домом, где находился лагерь. Площадка эта со всех сторон была окружена дорогой, по которой всё время ездили «скорые помощи» (они часто забирали в больницу детей, у которых были травмы). На прогулке мальчишки всё время дра-

лись или делали «взрывчатку». «Взрывчатка» — это доска, под которой посредине лежал кирпич, поставленный на ребро. Ребята брали лопух, заворачивали в него кучу песка, клали его на доску с одного конца и прыгали на другой конец доски. Лопух подлетал очень высоко, потом, когда опускался вниз, он разворачивался, куча песка разлеталась, как фонтан, вверх, а потом летела вниз и очень многим сразу же забивалась зашкирку и в волосы. Больше всего они любили, когда выходила «шапочка», т.е. лопух, когда начинал снижаться, падал кому-нибудь на голову. Часто это происходило с воспитательницей, поэтому-то они это и любили.

После ужина мы пошли спать. Пока воспитательница была в палате, все лежали в кроватях, как зайчики в норках. Как только воспитательница вышла, все вскочили и стали колошматить друг друга. Потом им это надоело, и они минутки на три легли в кровати. Но вдруг Владика осенило: он придумал новую игру и стал спрашивать, у кого есть шашки. Я им ничего не сказал, хотя у меня шашки были, но они стали обыскивать все тумбочки и нашли у меня шашки. Они взяли, разорвали коробку, выкинули все шашки и начали пуляться. Потом они распахнули дверь и стали выкидывать шашки в коридор. Потом все улеглись, и вдруг распахивается дверь — замок вылетел, и ребята из другого отряда вызвали наших ребят на «войну». Ребята брали мокрые полотенца, завязывали на них узлы, выходили целыми палатами, строились в ряды, и каждый отряд друг на друга нападал. Было, как они называли, армий восемь или девять, они били этими полотенцами по голове. Крики там поднимались, как во время революции, с криками «ура» отряд кидался на отряд, и они сбивали всё, что попадалось им на пути.

Вы спросите, где были в это время воспитательницы? Они уезжали в Ленинград, к себе домой, в девять часов. Вы скажете, где были сторожа? Да, у нас был один сторож, но он был внизу и ловил мальчиков из старших отрядов, которые сталкивали друг друга с окон.

После этой драки слышались шаги, и ребята увидели, что идёт сторож. Они от него побежали и закричали:

— Пантера, пантера! (Так они называли сторожа.) И они прибежали в палату и легли в кровати. Сторож пришёл к нам и сказал:

— Что вы не спите, уже два часа ночи! Они ещё поговорили чуть-чуть, порассказывали анекдоты, и каждый помаленечку стал засыпать.

Утром мы встали, позавтракали и пошли на прогулку в наш пыльный двор. Ребятам вообще там было нечего делать, и поэтому они всё время совершали как бы преступления. Однажды, кажется, уже в последний день перед родительским днём, со мной разговорился какой-то мальчик не из моего отряда, и он мне рассказал такую историю: шестилетний мальчик шёл спокойно по тропинке, сзади него шёл большой мальчик, 16–15-ти лет, навстречу шёл ещё тоже большой мальчишка. Тот, который шёл сзади, толкнул малыша на другого большого мальчика, тот, на которого малыш упал, взял его за ноги, размахнулся им и со всей силы ударил им о вблизи стоящий деревянный гриб. У того мальчика из головы потекла кровь, после этого его отвезли в больницу. Жаль, что я не знаю, что случилось с теми мальчиками, которые с ним это сделали.

Один раз ночью мальчик (это был тот Женя, которого дразнили грузином) лежал в постели, и у него в руках была расчёска. Другой мальчик, Игорь, ударил Женю

подушкой по расчёске так, что расчёска через рот вонзилась Жене в горло. Изо рта у Жени потекла кровь, и он пошёл к врачу — врач на него наорал:

— Зачем ты приходишь ночью, беспокоишь нас, мы тоже хотим спать!

Наутро Женю отвезли в больницу, и больше я его не видел.

Из кружков был только кружок мягкой игрушки, но туда отбирали только девочек. Позднее появился и кружок рисования, но туда кроме меня и ещё четверых детей из всего лагеря никто не записался, потому что никто больше не хотел рисовать, не хотел заниматься искусством.

Развлечения были очень редко. Дважды мы ходили в Петродворец, и всё. Ещё был футбол, но туда отбирали только тех мальчиков, которые любили драться. Весь футбол состоял из того, что они избивали вратарей или кого-нибудь из-за угла мячом били. Я в него не хотел играть.

Однажды утром ко мне прибежал в комнату Вова, самый лучший мальчик, который был в лагере. И рассказал такую историю: одного мальчика другой толкнул об стенку, тот стукнулся носом, неудачно упал и сломал себе руку. Его тут же увезли в больницу, но с этим мальчиком, который его толкнул, ничего не сделали, его даже совсем не ругали.

Мальчики из нашей палаты взяли мою панамку и спрятали. Воспитательница увидела, что я гуляю без панамки, и заставила меня надеть шерстяную шапку, хотя было очень жарко. Три дня, пока не пришла пионервожатая, я должен был сидеть на солнце в этой шапке, и мне было очень плохо.

Наша воспитательница однажды во время дневного сна позвала своего внука из 3-го отряда (там мальчики были лет по 14–13), он ещё позвал своих друзей. Она его позвала и сказала нам:

— Если вы хоть повернётесь, тогда они вас будут бить.

Часто было так, что они приходили к нам в палату во время дневного сна и начинали показывать всякие неприличные фокусы. Из-за этого мы хохотали, за это они на нас садились верхом и начинали нас избивать: чаще всего их кулаки попадали или в живот, или в лицо.

У нас в отряде была девочка Севда, которую дразнили негритоской за то, что она была из Азии. Она иногда у меня просила конфеты, и я ей давал. Это увидели мальчишки и стали меня тоже дразнить и по-всякому надо мной издеваться. Один раз, когда я был дежурный и подметал, один мальчишка выхватил у меня швабру и бросил, чтоб я наклонился её поднять: он хотел побольше надо мной поиздеваться, как будто я ему кланяюсь. Ночью они прыгали с кровати на кровать: пока они раскачивались на моей кровати, у меня сбился матрас, я встал, чтоб его поправить, и тогда они стали такое делать, о чём я даже не могу написать. Потом один из мальчиков так меня толкнул, что я упал и стукнулся спиной о железку кровати. У меня разболелась спина, когда я её потрогал, на руке оказалась кровь.

После этого я уже не захотел быть в этом лагере, потому что в этом лагере могли быть или дети очень сильные, драчуны, или те, которые без передышки ругались матом. Я попросил, чтобы мама меня оттуда забрала. Для того, чтобы уехать, надо было подойти к начальнику лагеря и попросить разрешения. Я рассказал мальчикам

в палате, что меня мама заберёт в воскресенье. Владик, сын начальницы лагеря, тогда сказал:

— Я скажу моей маме, чтоб она тебя не пускала.

Когда мама меня хотела забрать, она подошла к начальнице лагеря и попросила разрешения. Начальница лагеря сказала, что я всё вру, что ничего такого и быть не может, и никакие ребята никого не бьёт — хотя некоторых в больницу увозили прямо на её глазах. Нам пришлось уехать, скрываясь: я потихоньку вытащил чемодан, и мы поскорее убежали.

После этого я этот лагерь назвал пионерский концлагерь.

[Мне после этого стало казаться, что всё следующее поколение так замучает землю, что с неё будет капать кровь, и она вся будет окутана дымом, и если послушать, что на земле, то вы кроме мата ничего не услышите. Раньше мне казалось, что только это, взрослое поколение такое плохое, а следующее уже создаст новую жизнь, но оказалось, что совсем всё по-другому].

Юлия Вознесенская

ПИСЬМО
из Новосибирска

Юлия Николаевна Вознесенская — 1940 г.р.

Ленинградская поэтесса. Участвовала в организации многих художественных выставок. Инициатор создания поэтического сборника «Лепта», в 1976 г. была арестована. Два года провела в лагерях. Известны ее циклы стихов «Эвридика», «Книга разлук» (написанные в тюрьме), поэма «День благодарения» и проза под названием «Ромашка белая».

Новосибирская тюрьма¹⁴⁷.

Вот теперь уже все, вот теперь я уже видела самое страшное. Больше мне ничего не покажут, можно уже и назад возвращаться: дошла до их предела и за предел заглянула. Читайте...

Привели меня с попутчицей в камеру 247 уже глубокой ночью. Грязь непролазная. Но сил у нас не было, забрались на шконки (нары) и уснули мертвым сном. Утром засучили рукава и вычистили эти авгиевы конюшни. Только пережили день в чистоте, как вдруг — этап из колонии малолетних преступников, из Томска.

Компания живописная до крайности, есть просто красавицы. Всем только что исполнилось по 18 лет, вот их и развозят по взрослым колониям. Чувствуется, что

147 Письмо отправлено, очевидно, из Следственного изолятора № 1 в Новосибирске, где Вознесенская находилась во время этапирования к месту заключения в Иркутскую исправительно-трудовую колонию (ИТК-11). О двух годах заключения в ИТК-11 (1971–1979) см. подробнее: *Вознесенская Ю.* Женский лагерь в СССР // Грани. 1980. № 117. С. 204–231.

очень дружно живут: одна девочка на этапе заболела, так они её почти на руках принесли, уложили на лучшее место, напоили чаем, укутали своими бедными тряпками.

Через час их перевели в другую камеру...

22-го мая меня с попутчицей предупреждают о завтрашнем этапе и ведут в баню. По дороге к нам присоединились бывшие малолетки. С ними опять больная. Высокая температура, бред, резкие боли в животе и понос. Спрашиваю: «Врача вызывали?» — «Вызывали. Дала несколько таблеток и сказала, что может идти на этап».

Шумно, с песнями стая раздевается и нас ведут под душ. Душевая метров 6, от силы 8. Нас 20 человек. Стоим плотненько. И вдруг ка-ак хлынет кипяток! Мы шархнулись к стенкам, закричали. Через минуту хлынул ледяной душ, — потом снова кипяток! Настоящий кипяток, Наташа, до ожогов! Я сначала подумала, что у них там что-то просто сломалось в их банной механике. Загрохотала я голой пяткой изо всех сил по дверям. Подошла ментовка (в данном случае — женщина — работник охраны — Н.)¹⁴⁸. Объясняю ей, что душ испортился, а она смеется. Я в ярость: «Открывайте немедленно!» Тотчас пошла нормальная вода. Мы отдышались, намылили волосы. И тут вдруг все прекратилось — воду выключили: «Выходите!» А у нас у всех волосы в пене. Уже в истерике требуем, чтобы включили воду. Включают. Кипяток. Потом ледяную. Все опять у стен, визжат, трут глаза. Распахивают дверь: «Выходите!» Кое-как, сполоснув лицо

148 В тексте письма: «Н.» — Наталья Владимировна Лесниченко (р. 1950), «Ю.В.» — Юлия Вознесенская.

холодной водой, девчонки выскакивают в коридор. Мы с попутчицей плюем на все и смываем с себя мыло холодной водой. Ментовка надрывается, но мы не обращаем внимания. Воду перекрывают совсем, и тогда только выходим. А девчонки толпятся тут же, возле дверей душевой, п орут, как резаные. Мы ничего не понимаем, стоим в дверях. Рядом с нами надзирательница и врач, парень лет 25-ти. Оба чем-то очень довольны. Ментовка орет: «Идите, идите, ничего с вами не случится!» Девчонки побежали по коридору. Оказывается, вдоль коридора стояли мужики-надзиратели и парни хозобслуги (заклученные, работающие по уборке тюрьмы, маляры и т.п. — Н.). Стоят и ржут над беднягами, а те бегут по коридору. Я давно поняла, что это мытье на этапах всегда сопровождается подглядыванием, и приобрела вредную привычку мыться в рубашонке. Я не побежала, а спокойно вышла к развлекающимся мужичкам и выдала им несколько ласковых слов, а потом подошла к врачу и к дежурному надзирателю и поблагодарила их: «Я читала о подобных вещах у Солженицына,¹⁴⁹ видела подобные

149 Издевательства над женщинами-заклученными подробно описаны в художественном исследовании Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» (цит. по собр. соч в 30 т.):

«Что ждет нас в бане? Этого никогда не узнаешь. Вдруг начинают стричь наголо женщин <...> А иркутская пересылка спорит: природе больше соответствует чтобы вся обслуга в бане была мужская, и женщинам между ногами промазывал бы санитарным квачом — мужик. Или на Новосибирской пересылке зимой в холодной мыльной из кранов идет одна холодная вода; арестанты решаются требовать начальство; приходит капитан, подставляет не брезгуя, руку под кран: «А я говорю, что вода — горячая, понятно?» (Т. 4. С. 465).

«...десяток два мужчин в форме МВД, уселись за несколько столов, покрытых простынями (это для важности, иначе все-таки неудобно), а заклученные женщины все раздевались в соседнем боксе и обнаженными и босыми должны были проходить перед ними, поворачиваться, останавливаться, отвечать на вопросы. „Руки опусти!“ — указывали тем, кто принимал защитные положения античных статуй...» (Т. 4. С. 490).

сцены в «Обыкновенном фашизме» Ромма¹⁵⁰, но никогда не думала, что выпадет счастье самой присутствовать при фашистских развлечениях. Большое спасибо, вы дали мне отличный материал!» Прибалдели, примолкли, а я, вильнув мокрым хвостом, спокойно прошла по живому коридору. Ни одна собака не скалилась. А вот я была готова рычать от злости, меня просто трясло, но не от холодной воды.

Вернулись в камеру, собрали вещи на этап и легли спать. Ночью слышим вдруг крики со стороны камеры молодняка. Кричат «маму» и не поймешь ничего. Потом все смолкло, но мы не спали. Спустя некоторое время — опять крики. «Наверное, их повели на этап», — решили мы и стали ждать, когда придут за нами. Они такие шумные, эти девушки, что мы не очень-то реагировали на крики.

А на следующий день их опять переводят к нам, и вот тут-то мы узнали, что это были за крики. Я все записала с их слов.

21 мая в Новосибирскую тюрьму из ВТК-2 (воспитательно-трудовая колония)¹⁵¹ прибыл этап девушек, следующих во взрослые колонии — 22 человека. На этапе 2 девушки заболели: у Лизы Максимовой был сердечный приступ, у Иры Крупеньковой начался жар и понос (я о ней писала. А по зонам сейчас идет эпидемия кишечных заболеваний, везде карантин). Врачи в Новосибирске никакой помощи не оказали, с этапа не сняли. Утром девушек водили в баню. Днем объявили об этапе.

150 Документальный фильм «Обыкновенный фашизм» (реж. Михаил Ромм, сцен. Майя Туровская, Михаил Ромм, Юрий Ханютин, 1965), смонтированный из кинохроники и фотографий Германии времен Третьего Рейха, не только обличал преступления нацизма, но и воспринимался многими как завуалированная критика советского режима.

151 Томская Воспитательно-трудовая колония (ВТК-2) для девочек. Действует и в настоящее время.

По правилам перед этапом водят в баню, и вечером их повели во второй раз. Они не хотели идти, объяснили, что уже мылись утром, но идти заставили даже больную Иру Крупенькову. О бесплатном стриптизе я уже писала — сама попала под издевательство, рассчитанное на безответность молодняка.

После бани некоторые девочки сразу легли спать, а некоторые начали готовиться к этапу. Днем они пели песни, и по этому поводу надзиратель с ними скандалил. Девочки потом говорили мне, что в колонии им никто не запрещал петь, и запрету надзирателя они не придали значения, не поверили, что в тюрьме запрещено петь. Старшина пригрозил им расправой: «Вы ещё наших порядков не знаете, но я вам кое-что покажу на прощанье».

Вечером никто не пел. Не было даже особой болтовни — готовились в дорогу.

В двенадцатом часу ночи открылась дверь и появились два дежурных надзирателя с пожарным шлангом в руках. «Мы вам устроим на прощанье баньку!» — заявили они. В коридоре стояли ещё надзиратели. ...

Двое вошли в камеру и начали поливать девчонок, сильным напором струи они гоняли их по камере. Многие были раздеты. Потом один поливал и бил их шлангом, а другой по одной вышвыривал в коридор. В коридоре двумя шеренгами стоял вызванный дежурным тюремный резерв. Девушек пропустили сквозь строй около 24 человек. Били их кулаками, шлангом, ключами. Потом погнали их подвальными коридорами в боксы. Коридоры эти сырые, грязные, на полу лужи, света почти нет. Девочки бежали полуголые, босые. Больные вместе со здоровыми. Из подвала стали выводить в коридор к боксам. Вояки их обогнали другим коридором и ждали,

построившись снова в две шеренги. Их второй раз пропустили сквозь строй. Всех заперли в бокс на 4 человека — 21 девушку! (одну отсадили накануне за драку в камере — кажется, за это). Заговорили между собой о том, что нужно кого-то заставить убрать камеру. 5 девушек выпустили и повели обратно в камеру: «Через 10 минут не уберете — повторим». В камере был перевернут стол, постели залиты, воды стояло по щиколотку.

В боксе девочки боялись разговаривать даже шепотом. Они начали задыхаться (в этих боксах и одной-то через полчаса нечем дышать! — Ю.В.) Из коридора неслись издевательства, угрозы. Им грозили наручниками, смирительными рубашками, новыми побоями. Минут через 10 все уже задыхались. Первая потеряла сознание Света Медведева. Девочки начали стучать в дверь, просить выпустить их, вынести Свету. «Когда ноги протянет, тогда откроем». Но дверь все-таки открыли минут через 15. Дежурная приказала положить ее на пол и снова идти в бокс.

Света пришла в себя уже в санчасти. Медики посмотрели её дело, узнали, что она больна, поинтересовались, почему она едет не с врачом. В присутствии Светы в санчасть сообщили по телефону, что у Наташи Качулиной начался припадок эпилепсии (болеет с детства — Ю.В.). Врач заявила дежурным: «Что заслужили, то пусть и получают. Они притворяются.»

(Когда на следующий день я потребовала от начальника санчасти осмотреть всех избитых и начать расследование, она задала мне интересный вопрос: «А почему вы не поинтересуетесь, за что им попало? Может быть, они этого заслужили!» И только убедившись в том, что девочки действительно никаких особенных нарушений

не совершили, тюремные власти начали расследование, допросили всех потерпевших и обещали наказать виновных. Ох, не верю я в эти обещания — уж очень мало начальство удивилось этой истории! — Ю.В.).

У второй девочки, тоже страдавшей эпилепсией с детства, начался приступ, и ей тоже отказали в медицинской помощи. Болезнь обеих зафиксирована в деле, а дело-то при них!

У Тани Тапеня начался приступ удушья. Она свалилась на пол, забилась, стала пальцами разрывать себе рот, потом потеряла сознание. Девочки снова начали стучать. Открыли дверь, позволили вынести все троих, бросили на холодный цементный пол. На холоде девочки пришли в себя. Им тут же приказали идти в другой бокс. У них не было сил. На них накричали, начали угрожать. Они поползли по полу на четвереньках к указанному боксу. В коридоре был один надзиратель мужчина и две надзирательницы¹⁵². Они издевались над ними, смеялись над тем, что девочки не могут подняться на ноги и ползут на четвереньках, называли их собаками, сучками, ругали матом. Таня Тапеня все время твердит одно: «Никогда, никогда меня так не оскорбляли».

Троих заперли в бокс больших размеров, но мокрым цементным полом, в лужах. Они так и не поднялись с пола.

В маленьком боксе следующей потеряла сознание Ира Русак, совершенно здоровая девочка. За ней Ира Евсеева. Стучали минут 25. Потом открыли дверь и приказали:

«Выходите все». Привели в бокс к тем троим. Там они и просидели до утра. Стояли и сидели на мокром

152 Дописано от руки поверх зачеркнутого машинописного «бабы».

цементном полу. Там есть две скамейки, но все сесть не могли. Туда привели из санчасти Свету Медведеву. У Жени Власовой начались судороги в ногах. В 5 утра не выдержали, начали стучать (некоторые были в одних плавках и лифчиках, а одна даже в трусиках — и все ведь мокрые до нитки! Дежурная сказала: «Будете стучать — весь день просидите!» Вывели только к завтраку. В камере уснули на мокрых матрасах.

Когда девочек перевели к нам вечером того же дня, на многих одежда была ещё сырой — брюки, свитера (не у всех была одежда на смену). Я, естественно, подняла хай и убедила их в том, что телесные наказания запрещены даже в тюрьме для взрослых. Они — сущие дети. Многие пробыли в колонии 3–4 года и совершенно не имеют представления о взрослой жизни. «В колонии мы жили, [как] пионеры¹⁵³. Там следили за чистотой, за дисциплиной, но к нам относились, как к детям, нас никто не обижал». Они курят, они даже ругаются, но они гораздо больше дети, чем дети на свободе. Беспомощные, от страха трясутся, уже не знают, где искать защиты. Ужас ещё в том, что в Новосибирской тюрьме это не первый случай избиения. Этим самым девочек били ещё тогда, когда они были малолетками. Некоторых из них, разумеется.

Таня Тапеня рассказывает. В декабре 1975 года шел этап в Томск, в ВТК. В камере 245 повторилась история со шлангом и побоями. Девочки «провинились» в том, что требовали врача к заболевшей подруге, страдавшей врожденным пороком сердца (фамилии её Таня Тапеня не помнит). Врач заявила: «Вы все придуривайтесь!» Их и тогда облили водой и прогнали по коридору. Девоч-

153 Дописано от руки поверх зачеркнутого «в пионерском лагере».

кам Пушкаревой, Шацких, Павленко надели наручники. Тогда были Павленко Галя, Халилова Катя, Титова Вера, Шефер Лида, Мякшина Люба. Все они затем находились в ВТК-2 в Томске.

В ноябре 1976 года опять такая же история. Ночью во всей тюрьме потух свет. Девочки расшумелись, начали кричать от страха — они не знали, что свет потух везде, боялись, что его потушили нарочно, только в их камере. Опять вызвали резерв и пропустили их сквозь строй. Потом так же, как в этот раз, держали в боксе до утра. Была Ира Русак, Ира Олейчик, Артемьева Аня.

Сейчас я еду с ними в Иркутск. Многие кашляют, у многих болит горло. Наташа Качулина лежит пластом, бледная, не встает, не ест. У Тамары Тапеловой (она была босиком и в одних трусиках) обострение ревматизма. Тяжелое состояние у Иры Крупеньковой (четвертый день не ест, а тут ещё та ночь). Хрипят и сипят все, все в смертельной обиде.

Наташка! Если об этой истории не узнают все — чего мы будем стоять тогда!

Юлия¹⁵⁴.

154 Письмо Юлии Вознесенской (написано около, но не ранее 23 августа 1977 г.) имело хождение вне состава альманаха. Один из его экземпляров сохранился в «Ленинградской коллекции самиздата» в Архиве НИИПЦ «Мемориал» (Ф. 102. Оп. 1. Д. 78.), опубликован А. Макаровым («Если об этой истории не узнают все — чего мы будем стоять тогда!» // Сайт «ОВД-Инфо» от 18.11.2013). В 1970-х было полностью напечатано в Архиве самиздата (АС-3049, 1977) и частично — в самиздатских бюллетенях «Вокруг проекта конституции СССР» (Вып. 3, 1977) и «Хроника текущих событий» (Вып. 47, 1977).

Ирина Тищенко*

Расклейщица афиш

г. Нежин

* Украинка Ирина Тищенко погибла в автомобильной аварии в возрасте 19 лет еще до начала работы над альманахом. Текст рассказа включен в состав «Женщины и России» Татьяной Мамоновой. Тамиздатский журнал «Вести из СССР» (1981, № 5) ошибочно приписывает авторство рассказа Марии Тхоржевской.

Ее рисунки — воплощение динамики. Само движение — мимика ее лица. Длинные пальцы рук беспокойны. Она самый моторный человек из всех мне известных. Парализована с девятнадцати лет. Слишком любила свою машину, своего коня — мопед, купленный на первые заработанные деньги. Расклейщица афиш. Эти безлюдные и ясные утра, когда ты наедине со своими фантазиями. Яркие афиши пятнами радуги в тумане. Городок лежит в долине. Туманы в долине часты. И так, она, мопед и приезжие циркачи шапито. Последние — рисованные, мопед — настоящий. Она слишком любила его и однажды он злоупотребил ее доверием. Непоправимо. Навсегда. Или причиной тому туман? Только в тот момент вдруг впервые все замерло. Все, что жило. Все, что было в том непрерывном движении, которое радовало ее, которое ей необходимо... Все остановилось. Остановилось сердце. Клиническая смерть. Это позади. Позади операция на позвоночнике. Из спинного мозга тщательно вытащили все осколки кости, но позвоночник отказался работать. Застыл. Замерз. Закостенел. Началась ее жизнь в кресле. Всё движение, заложенное в ее

существо, сконцентрировалось в глазах. Даже когда они, эти глаза, неотрывно смотрели в ваши, они потенциально как бы готовились к движению. Все эмоции, какие можно и какие, казалось, невероятно выразить — они выражали. Посредством зрачков она по-прежнему заражала движением. Нас, ходячих.

И рисовала афиши:

Взлетали голуби из-под рук иллюзиониста.

Взлетали руки пианиста-тапера.

Взлетали веки зрителей

следящих затаив дыхание за полетом воздушных гимнастов.

Взлетал самолет

отвозящий ее в очередной город,

где ей снова отказывали в повторной операции — опасно!

Но она не пасовала.

Взлетало новое солнце на ее афише.

И в кресле своем как капитан на корабле она управляла миром своих фантазий. Раньше она не рисовала, но движение — суть ее, основа ее, — должно было во что-то выплеснуться.

И родилась динамика линии, игра цвета. И где-то, оторвавшись от ее черепной коробки, продолжали балансировать эквилибристы, вертелись кольца, прыгали дрессированные собачки, шлепались на опилки клоуны, мельтешили бойцовые петухи, орудовали своими атрибутами жонглеры, ощеривали пасти тигры, неслись наездницы, взмывали в петле смерти на своих мотоциклах знаменитые мать и дочь...

Теперь я стала расклейщицей афиш в нашем городке. Я бываю в доме этой художницы, в которой спрятан

взрыв, и периодически презираю себя за слишком спокойный, размеренный уклад своей жизни. Может быть, купить мопед?

Софья Соколова

Летающие ящеры

Софья Арнольдовна Соколова — 1938 г.р.¹⁵⁵

Ленинградский прозаик. Окончила Киевский университет, по образованию математик. Основные произведения: повесть «По кругу, по спирали» (опубликована в свободном журнале «Евреи в СССР»), рассказы «Записки эгоиста» и «Юбилей», пьеса «Красное, черное, зеленое». Софью Соколову привлекает психология, для ее творчества характерны эксперименты в области стиля.

Маленький человечек висел на одной кнопке и улыбался.

Улыбка шла наискось сверху вниз.

Казалось человечку весело именно потому, что он висит так необычно. Лист, на который был наклеен человечек, назывался аппликацией.

Вначале она висела ровно и была накрепко пристегнута к стене двумя кнопками.

Со временем одна кнопка упала и потерялась, и человечек так и остался висеть наискось.

Аппликацию сделал Сережа.

Он вырезал из бумаги красный треугольник и жёлтый квадратик, наклеил на белую плотную бумагу — получился домик.

155 Неточность составителей альманаха. Верный год рождения Софьи Соколовой — 1935 (см. биографическую справку на стр. 264 настоящего издания).

У домика вскоре появилась чёрная труба.

Из трубы повалил чёрный, нарисованный карандашом, дым.

Потом появился человечек и, наконец, звезды. Звезды были большие и круглые, как шары, и такие же разноцветные, красные, желтые, синие.

Они скатывались сверху вниз и ударялись о крышу домика.

Когда они ударялись, ясно был слышен звук: бум-бим-бом.

Но почему-то никто, кроме Сережи, не слышал, как падают звезды.

Но он-то это ясно слышал: бум-бим-бом.

Рядом висело солнце.

У него было два глаза и красный, веселый рот — солнце смеялось.

Над ним полосками — голубое небо.

Человечек головой упирался в звезды.

Одет он был в кафтан с желтыми пуговицами.

Одна рука его была протянута к домику — казалось он приглашает гостей: «Заходите, кто хочет, в мой домик».

Сам-то он войти в него никак не мог — домик был чересчур уж мал.

Рядом висела Африка — синие пальмы на красном листе.

Среди синих пальм бродили львы и тигры.

Точно такие, как в зоопарке.

Только настоящие.

Правда, их никто никогда не видел, даже Сережа. Но это потому, что днем они прятались в кустах, а на охоту выходили ночью, когда все спали.

В Африку Сережа отправлялся вдвоем с мамой.

Когда мама забирала Сережу из детского сада, она всегда спрашивала:

Ну, как Сережа, куда мы сегодня?

И Сережа неизменно отвечал:

— Давай, как всегда, в Африку.

Африка лежала за домом.

Это была огромная страна с целыми зарослями крапивы, лопухов и колючек.

Шуршали под ногами опавшие листья — это прятались под листьями змеи и удавы.

Один раз он увидел даже королевского питона — он свисал с дерева.

Правда, когда Сережа подошел поближе, питон быстро превратился в сук. Но это он от страха, чтоб Сережа его не взял и не унес с собой.

Зато, когда Сережа отошел, он успокоился и снова стал питоном.

Но главное — в Африке водились летающие ящеры.

Эти древние ящеры везде давно вымерли. Сохранились они только у Сережи, в Африке. Что они вымерли Сережа узнал от мамы.

Мама работала в институте, где делают чучела разных зверей.

Как-то она принесла Сереже большую книгу с яркими картинками. На одной картинке была нарисована большая птица, похожая на летучую мышь, только с длинным, как у аиста носом и большими, острыми зубами.

Сережа удивленно рассматривал картинку:

— Какая интересная птица! Я такую ни разу не видел, даже в зоопарке.

Это древние летающие ящеры — объяснила мама, — Они давно-давно вымерли.

— Как такие большие интересные птицы и все умерли? — Сережа чуть не расплакался. — Может быть хоть одна осталась? Мне бы только разик посмотреть на неё, — Сережа вопросительно поглядел на маму. Мама улыбнулась:

— Знаешь, давай играть так: они везде вымерли, а в нашей Африке ещё живут. И мы будем на них охотиться.

Правда, охотиться на них было не так уж просто.

Потому что это все-таки были не ящеры, а воробьи. И как только Сережа выбегал из-за кустов, они тут же разлетались.

В общем, с мамой хорошо было играть.

Мама была смуглая, с длинными черными косами. Волосы у неё почему-то всегда пахли цветами.

Как-то Сережа спросил:

— Мама, почему у тебя волосы так красиво пахнут, как цветы?

Мама засмеялась:

— Не красиво, а хорошо. И пахнут они не цветами, а шампунем.

Мама была такая черная, что все вокруг думали, что она только что приехала с юга.

А там только и делала, что загорала.

А один какой-то дядя, когда они шли из кино, даже, не выдержал, подошел и спросил:

— Где это вы так загорели? Вы, наверное, только что с юга приехали?

Мама улыбнулась:

— Я? Я — из Африки.

Дядя как-то странно посмотрел на нее, а потом спросил осторожно:

— А что вы там делали?

Мама спокойно ответила:

— Охотилась на львов.

Дядя больше ничего не спрашивал и почему-то быстро отошел.

А мама долго смеялась.

На охоту брали еще кота Ваську.

Охотился он, как настоящий кот — когда на поляну опускались летающие ящеры, он прижимался к земле и глаза его загорались.

Но, на самом деле, это был не кот.

Это был принц, превращенный злым волшебником в кота.

Но сам-то он этого не знал.

И вообще, не знал никто кроме Сережи. Это была его тайна. И только маме он однажды рассказал об этом.

Мама подумала немного:

— Да, жаль Ваську.

Но знаешь, я вычитала в старых книгах — есть такая трава, которая может расколдовать любое волшебство.

Когда в воскресенье поедem за город, мы ее там поищем.

Но за город в воскресенье ехать не пришлось.

В воскресенье из командировки приехал папа. Папа вошел в комнату и сразу же сказал:

Что за нелепица? Что это вы повесили на стене? Это же безвкусно.

А почему это обязательно должно быть вкусно? Разве аппликации едят? Они ведь просто так для красоты.

Папа все сорвал и выбросил в мусорное ведро.

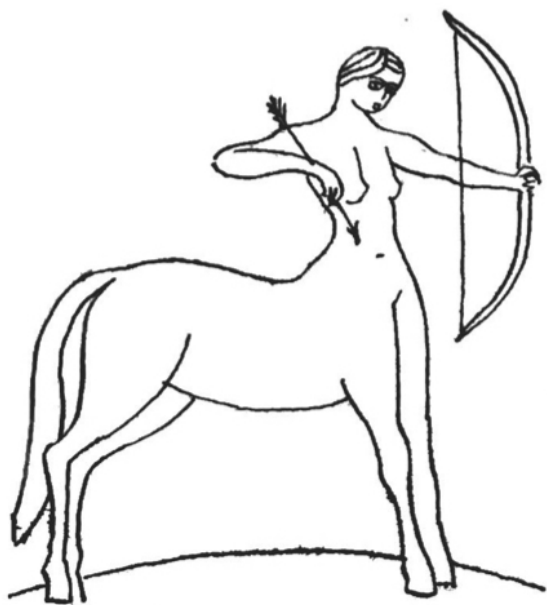
Исчезла Африка, исчез человечек, перестали падать вниз звезды.

Сереже стало грустно-грустно. Сразу захотелось заплакать.

Не огорчайся, малыш, — успокоил папа. — Я тебе лучше куплю заводной танк!

Не будет больше питонов, львов и летающих ящеров. Прощай, Африка!

ПОЭЗИЯ

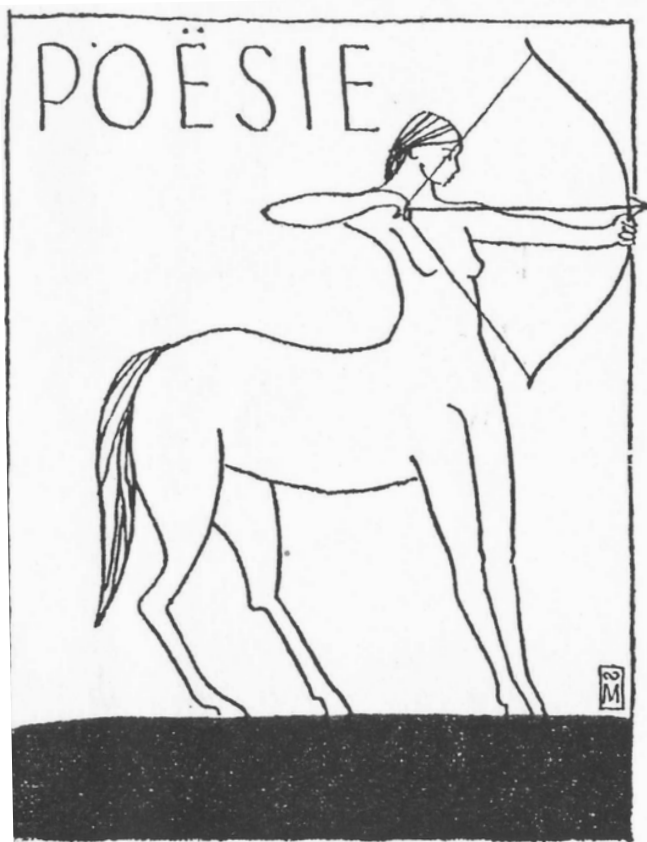

ТАТЬЯНА МАМОНОВА

В. 1. 1. 1. 1.

Т. Мамонова

ПОЭЗИЯ

Татьяна Мамонова — поэт, художник.

Работала в редакции журнала «Аврора» в отделе поэзии, там были опубликованы ее переводы Жака Превера. Участвовала в экспозициях нонконформистов: Ленинград, Москва, Прибалтика (в частности, выставки ДК Газа и ДК «Невский»).

Быт — это пытка
сбиты копыта
старых коней
хочется мне вовне —
а ты и не знал
чья белизна
гонит меня из дому? —
сиянье бумаги
ее
Наичистейший омут!

Крик
затишающий
в высоких потолках

и бег по комнатам
не освещенным люстрой
Кто здесь бежал вчера
и кто алкал? —
теперь здесь пусто...
Лишь трещины
в высоких потолках
напоминают
о застывшем крике —
кто здесь бежал вчера
и кто алкал? —
вопрос остался
на иконном лице.

Ты беглянка
презревшая ад
осененная светом утра
ты вошедшая в этот сад —
на меня посмотрела мудро
а на дне твоих глаз
была
ночь — следы познания ада
но плыла над тобой
плыла
облаков колоннада...
Не обрушится на тебя
этот свод
ты ему не подвластна
сокрушительной силы
вод
ты вкусила там

не напрасно!
Ветви яблонь
роняют к ногам
лепестки, что белее снега
и доносится
птичий гам
как бы с неба...

Тихая радость вслух
не говорится все
разве же к тем кто глух
ты приводишь босую
песню? —
печаль и страх
не отпугнут подруги
держит в своих руках
верной судьбы подруги
кони не понесут —
сдержаны властным жестом
в ней ледяная суть
и торжественность шествий
как часы заведет —
пустит коней удачи:
торжествует актер
домохозяйка плачет!

Слишком много сходства
между нами
чтобы мне тебя
не испугаться

Мы когда-то были
ведунами
но исчезли
с запахом акаций
Стали мы отныне
двойниками —
двойственность твоя
во мне струится —
только пожелтелые
страницы
наших душ
сокрыты дневниками.

Гоните вёрсты —
реки с наперсток
падает небо
в гривы коней
полные горсти
снега
и гости
сыты погоней —
мёда пьяней.

Сновидений —
сведений
не прошу у вас
хлебы утром съедены —
завтра Спас
Сведено к опричнине
без причины зло

старое привычное —
просто повезло.
Не прошу заветного —
ветоши утрат
ветер бьется ветками
мне в окно с утра
страх мой —
застарелости
за старухой той
я иду — согрелась ли?
будто за водой
Я иду и падает
за спиною мгла
а дорога адова
впереди легла...

Ты рождена и жизни суету
сноси покуда
не проси прощенья
вот огонек свечи совсем потух
и на столе остыли угощенья.
Одна — все спят —
глотаешь тишину
поет трамвай последние куплеты
блюди и дальше верную жену
и прячься от себя
под серым пледом
О эта ночь
блаженна для души
мятущейся и не нашедшей крова
пиши свои стихи

пиши пиши
и будь не слишком
к ближнему сурова.

Так Птица падает с куста
в пространство тьмы —
о царство ночи!
Как глубина твоя пуста —
сопротивляться нету мочи
я падаю, лечу в тебя я —
расколовшееся древо
и щепки птицами дробят
пространство слева
а справа молния опять
меня расколлет:
познаю я земную пядь
забыв о боли.

Этих кленов
окрыленность —
стаи желтых
птиц
сентябрями опаленных
падающих ниц.

Елена Шварц

Махадеви^{*}

Переводы^{**}

* Акка Махадеви (XII в.) — индийская поэтесса, писавшая на языке каннада, одна из виднейших представительниц религиозного учения вирашиваизма. Разочаровавшись в земной любви, посвятила себя любви к богу Шиве, которого в своих ваканах/вачанах (стихах — молитвенных воззваниях) называла «Бог, белый как жасмин». Почитается святой.

** Переводы выполнены Еленой Шварц с английского перевода вакан Махадеви. Более полное собрание вакан впервые опубликовано в самиздатском журнале «Часы» (1979, № 17) под псевдонимом «Емельян Бондаренко».

Елена Шварц — поэт, переводчик.

Известны ее циклы стихов: «Кинфия», «Лестница», поэма «Черная Пасха», «Простые стихи для себя и для Бога». Печатается в свободных журналах: «Часы», «37», «Эхо» и др. Елена Шварц — поэт глубокого религиозного пафоса и метафизических обобщений.

Не через одно, не через три —
Через восемьдесят три сотни тысяч
Материнских лон
Продиралась на свет.
Я жила
В непохожих мирах.
По горло сыта
Счастьем и горем.
какие бы ни были
Прошлые жизни,
Смилуйся надо мной
Сегодня
О Бог, белый как жасмин!

=====

Майя неотвязна
от тела как тень
от жизни как сердце
от сердца как память

а к памяти — совесть
прилипла.

С высоко поднятой палкой
Майя пасет миры,
О Бог, белый как жасмин,
Кто её победит,
Если Ты её создал?

=====

Лучше, чем жить всё время вместе
Разлучаться ненадолго.
Радость встречи — остра
После долгой разлуки.

Но и разлуки не вынести,
Глаз от Него
Не отвести.

Друг! Как исхитриться —
Не разлучиться,
Не тосковать,
Не испытывать радость
Предчувствия встречи,
С богом белым как жасмин?

=====

Может ли неба тонкий покров
Тайны космоса знать?
Их знает луна.

Может ли прибрежная ива
знать — глубока ли река?
Это знает лотос.

Может ли муха знать
Тайную сладость цветка?
Это знает пчела.

О бог, белый как жасмин
ты один знаешь
путь посвященных.

Откуда же знать его — этим
кошарам на загривке быка?

=====

Слушай, сестра, слушай,
Я видела сон:

Я видела рис, бетель
Пальмовый лист
И орех кокоса.
Я видела аскета,
Он побирался,
Белозубый, растрепанный
И кудрявый.
Я шла за ним по пятам,
Я взяла его за руку,
Его — разрушителя
Миров.
Я видела бога белого как жасмин
Во сне — не во сне — во сне.

=====

Осиянные рыжие локоны,
алмазная корона,
маленькие зубы,
сверкавшие — когда он смеялся,

глаза, заливающие светом
 Четырнадцать миров —
 Я видела Бога в славе
 И насытила свои очи.

Я видела гордого Бога,
 для которого люди, мужчины —
 Только женщины, жены.

Предмирного видела я
 В жарких объятиях
 Шакти¹⁵⁶.

=====

Эта вакана ответ Аламе¹⁵⁷
 /часть ответа/ Алама спросил, почему она
 прикрывает тело длинными косами, если
 стоит выше всех условностей. Махадеви
 ответила, что кожа спадает тогда, когда
 плод созрел. Алама сказал: «Ты не зна-
 ешь, Бог в тебе или ты в Боге. Если кожа
 лопается раньше времени, сок — кисел».

Если
 Вырвать у змеи зуб
 И заставить её плясать под дудку,
 То станет змея
 Прекрасной.
 Если правильно обращаться с телом,

156 Шива и Шакти — Бог и Творческая Сила, предмирная пара (в тантре и йоге). — *Прим. сост. альманаха.*

157 Аллама Прабху (XII в.) — индийский поэт, писавший на языке каннада. Наряду с Акка Махадеви, один из главных представителей раннего этапа вирашиваизма.

То будет тело
Прекрасным.
Неправда тела —
Как мать, превратившаяся
В вампира.

У тех, кто любит Тебя — нет тела
О белый как жасмин Бог!

=====

Чтоб утолить голод
есть у меня горстка риса —
в городе подали мне.

Чтоб утолить жажду —
есть ручьи, колодцы, пруды.

И для сна —
Развалины храмов.

И друг у меня есть!
Ты у меня есть —
Белый как жасмин Бог!

=====

Не нужен мне этот глупый
и умирающий мир!
Иллюзий ночной горшок,
гнусных страстей притон,
не нужен мне этот
ломанный, с трещиной
горшок,
с протекающим дном,
Не нужен.

Разве я выбирала?

О возьми, унеси отсюда,
Подхвати ураганом, сдуй!

Белый как жасмин, Бог!

=====

По преданию, написано на Шрисайле¹⁵⁸,
незадолго до смерти.

О братья! Не тратьте силы!
В чём вы убедите
Женщину —
Растрепанную,
Всю в морщинах,
Увядшую?

Что вы беспокойтесь
О ней, отцы?
Нет у ней силы в теле,
Нет у ней воли,
Мир она позабыла
И себя потеряла

Касты она лишилась
И возлегла с Богом
Белым как жасмин.

=====

Где ты был,
Когда я не знала себя?

158 Шрисайла — священное для последователей культа Шивы место. Там, по преданию, соединением с богом, белым как жасмин, завершился земной путь Акка Махадеви.

Ты пребывал во мне —
Как золото в золоте.

Как сделал Ты это чудо?
Скрылся во мне,
Спрятался
И тебя не видят?

О Бог, белый как жасмин.

=====

Пусть ливень небо разрывает
это чтоб — смыть мое тело

Пусть рушится камень с горы
Это — цветок для моих волос.

О бог белый как жасмин

Если упадёт голова с плеч —
Это тебе — в жертву.

Жанна Ивина*

«С гомеровским
величием
и сафической
чистотой...»

г. Таллин

* Псевдоним Т. Мамоновой.

В заголовок своего эссе я взяла слова Джона Апдай-ка о романе В. Набокова «Ада»¹⁵⁹. Об «Аде» я писать не стану — Апдайк это уже сделал — я лишь хочу обратить внимание читателя на характерность и несомненную точность определения «сафическая чистота», которое звучит абсолютом в самом себе. К чему бы оно ни прилагалось — словосочетание неразрушимое. Поставленные рядом эти два слова не только не противоречат друг другу, но друг друга подчеркивают. Осмеливаясь затронуть заданную тему, я намеренно избрала двух совершенно разных по стилю поэтов. Ведь различие в стиле и разность времен не мешают духовному сродству. Я избрала поэтов истинных, для коих не важны ни принадлежность к той или иной нации, к тому или другому полу, к тому или иному земному возрасту. Итак, Марина Цветаева — женщина, русская, XX век. Уолт Уитмен — мужчина, американец, век XIX-й. Оба яркие выразители космического сознания, интуитивного мышления Поэта,

159 Вынесенная в заглавие эссе цитата в оригинале звучит так: «...the inventory of Ada's charms beginning on page 215 is of Sapphic purity and Homeric grandeur» (Updike J. Van loves Ada, Ada loves Van // The New Yorker. 1969. Aug. 2. P. 73).

его предзнания. Поэт без усилия разрывает (взрывает!) привычные границы земного бытия. И если он не может освободить от невидимых пут других людей — это не его вина. Чтобы освободиться, другой человек тоже должен стать Поэтом. И опьяненный действительностью, вибрировать навстречу ей:

«Незнакомый прохожий! ты не знаешь
как жадно, как страстно я смотрю на тебя.
Ты тот, кого я повсюду искал...
когда-то
с тобою я ел, с тобою спал
и вот твоё тело — не только твоё, а моё — не только моё...»

Это У. Уитмен. А вот М. Цветаева:

«Ты проходишь своей дорогою
и руки твоей я не трогаю,
но тоска во мне — слишком вечная,
чтоб была ты мне — первой встречною.

Сердце сразу сказала „милая!“
Все тебе наугад — простила я,
ничего не зная — даже имени!
о, люби меня, о люби меня!..»

Душа не имеет пола — вот основной тезис истинного Поэта. То, что нынче на Западе загадочно обозначают знаком «би» («Ich bin bi»), скрывая за краткостью, сдержанностью этого символа свою стыдливость, было непререкаемо естественно для американского барда:

«Проходить среди людей, и касаться
их тела, и руками обнимать
то мужскую, то женскую плоть —
чего мне ещё...»

Совсем другим языком, но о том же говорит Марина:

«Есть имена, как душистые цветы,
и взгляды есть, как пляшущее пламя...
Есть темные извилистые рты
с глубокими и влажными углами.
Есть женщины — их волосы, как шлем,
их веер пахнет гибельно и тонко,
им тридцать лет, зачем тебе, зачем
моя душа спартанского ребенка?»

Повторяю, что моей задачей не является сопоставление М. Цветаевой и У. Уитмена. Но пусть для вас так же, как для меня будет радостным открытием единая природа поэзии, свет Поэта. Поэт впускает в себя мир, как он есть, Поэт открыт для мира, у Поэта нет заслонов, нет корсетов.

«Женщины! Что вам стыдиться:
Вы — ворота тела. Вы же —
ворота души...
Женщина — это зерно: ребенок
рождается женщиной, мужчина
рождается женщиной...»

Тело для Поэта свято: «если тело мое не душа, то что же тогда душа? «Целомудренная опрятность — по ней должно определять Поэта.

«Я Вас люблю! — Как грозовая туча
 Над Вами грех!
 За то, что Вы язвительны и жгучи
 и лучше всех.
 За то, что мы, что наши жизни — разны
 во тьме дорог,
 За Ваши вдохновенные соблазны
 и темный рок...
 За эту дрожь, за то, что неужели
 мне снится сон?
 За эту ироническую прелесть,
 что Вы — не он».

Поэт разгадал «иероглифы пола». Он через любовь освободился от всяческих оков бытия. Половые миги (native moments) — это катарсис для него, очищение, огненное озарение омута жизни. Обращается ли Поэт к «сораспятой жене» или другу, он неразрывен в своей цельности:

«Это — женское тело
 Я как беспомощный пар над ним,
 все с меня упадет тогда, все исчезает».
 «Ты, за кем, бессловесный, так часто
 ходил я повсюду,
 чтобы только побыть близ тебя...
 ты и не думал тогда, какой тонкий
 электрический огонь играет во мне из-за тебя».

Поэт предвещает будущее. Он не забывает ни на минуту, что вокруг мириады миров, а позади — мириады столетий. Он понимает, что грядущему человечеству нужен культ демократической дружбы, ибо все больше

и больше накапливается в сердцах у людей эта новая нежность, влюбленность в соратника, попутчика, единомышленника. В того, кто вслед за Поэтом отрывается от тусклой массы «homo ordinarius».

«Я помню, с каким вошли Вы
лицом, без малейшей краски.
Как встали, кусая пальчик,
чуть голову наклона.

И лоб Ваш властолюбивый
под тяжестью рыжей маски
не женщина и не мальчик,
но что-то сильнее меня.

Движением беспричинным
Я встала, нас окружили.
И кто-то в шутовском тоне:
„Знакомьтесь же, господа!“

И руку движеньем длинным
Вы в руку мою вложили,
и нежно в моей ладони
помедлил осколок льда.

С каким-то, глядевшим косо,
Уже предвкушая стычку,
Я полулежала в кресле,
Вертя на руке кольцо.

Вы вынули папиросу,
И я поднесла Вам спичку,

Не зная, что делать, если
Вы взглянете мне в лицо...»

Обаяние иной души, очарованность самим существом, сущностью духа — отсюда склонность к экзальтированной дружбе у Поэта. Это пылкое влечение Поэта к другому человеку, независимо от его пола, пугало первых комментаторов У. Уитмена, привыкших к лицемерным недоговоренностям своего века, сросшимся с ограничительными рамками. Не без тревоги цитировали они слишком пламенные его строки из цикла «Тростник»:

«Кто бы ты ни был, держащий теперь
меня за руку,
Будет все бесполезно, если нет у тебя
одного.
И я говорю: берегись, кто хочет
ближе подойти ко мне,
Я совсем не то, чем ты считал меня.
Ты хочешь пойти за мною?..
Знай же, путь подозрителен, исход
неизвестен, быть может, в нем гибель.
Ты должен отречься ото всего, я буду
твой единственный закон.
Твой искус будет долог и труден.
Нет, лучше теперь же расстанься
со мною и без лишних хлопот сними
с моего плеча твою руку.
Оттолкни меня прочь и ступай своей
дорогой. А не то проберемся
куда-нибудь в чашу, там

я тебя испытаю,
 спрячемся за скалою на вольном ветру!
 Или, быть может, на высоком холме,
 оглядевшись на милю вокруг,
 чтобы никто не явился неожиданно,
 или в море далеко уплыв, или
 на берег моря, или на остров
 пустынный,
 твои губы к моим я позволю тебе
 прижать в долгом поцелуе товарища
 или новобрачного мужа.
 Потому что я для тебя товарищ,
 и новобрачный муж.
 Если же ты согласишься и допустишь
 меня под одежду, я послушаю, как
 сердце стучит у тебя и отдохну
 у тебя на бедре...»

В наше время, когда в Штатах и Европе так много
 говорят о «gay liberation», так сурово к циклу стихов Ма-
 рины Цветаевой «Подруга» уже не подходят:

«Вижу я — по губам извилиной,
 По надменности их усиленной,
 По тяжелым надбровным выступам:
 Это сердце берется — приступом!

Платье — шелковым черным панцирем,
 Голос — с чуть хрипотцой цыганскою,
 Все в тебе мне до боли нравится,
 Даже то, что ты не красавица!..

Опахалом чудишь, или тросточкой,
 В каждой жилке и в каждой косточке,
 В форме каждого злого пальчика,
 Нежность женщины, дерзость мальчика.

Все усмешки стихом парируя,
 Открываю тебе и миру я
 Все, что нам в тебе уготовано
 Незнакомка с челом Бетховена!»

Это не пресловутый «sex», это динамика пола, эквивалентная динамика души. Интересно, что в личной жизни и Уитмен и Цветаева были нарочито, преувеличенно чисты. Поэт просто называет вещи своими именами, не вуалируя их, не оскверняя. И предмет, к которому обращается Поэт, загорается ликующим блеском.

«Я близко, так близко губами
 над твоим ухом шепчу:
 много мужчин и женщин любил я,
 но никого, как тебя».

Прошу извинить объем цитат, но мне хотелось не столько говорить за поэтов, сколько дать им возможность высказаться самым, тем паче, что у нас публика не имеет почти к ним доступа.

«Повторю, в канун разлуки,
 под конец любви,
 что любила эти руки
 Властные твои,

И глаза — кого — кого-то
Взглядом не дарят!
Требующие отчета
За случайный взгляд.

Всю тебя с твоей треклятой
страстью — видит Бог! —
Требующую расплаты
За случайный вздох...»

Материалы
парижского
переиздания
альманаха

ВОЗЗВАНИЕ

Дорогие сестры!

Едва вступая в жизнь, мы испытываем на себе всю тяжесть женской доли. Поначалу все то, что, окружив плотным кольцом, оскорбляет нас и ранит, кажется нам чем-то невероятным, случайным — невозможно поверить в то, что жизнь может так карать ни в чем неповинных людей только за то, что они родились женщинами. Любое страдание кажется человечеству недопустимым и нуждающимся в немедленном искоренении, кроме страданий женщин. Положение наше настолько невыносимо, что, кажется, должно исчезнуть само, рассеяться, как ночной кошмар. Однако само по себе ничто не меняется, и мы убеждаемся в том, что никто, кроме нас самих, нам не поможет.

Только собравшись вместе, чтобы обсудить все наши горести и страдания, только осознав и обобщив наш опыт, мы сможем найти выход, помочь самим себе и тысячам женщин, которые мучаются так же, как мы. Именно для этого мы решили издавать первый в нашей стране свободный журнал для женщин. На страницах этого журнала мы будем освещать положение женщины в се-

мье, на работе, в больнице, в родильном доме, положение наших детей, проблему моральных прав женщины, будем публиковать художественные и публицистические произведения женщин, рассказывать о конкретных судьбах наших современниц.

Просим вас писать нам обо всем, что вас тревожит и волнует. Присылайте нам свои произведения, рассказы о ваших сестрах, матерях, подругах. В случае необходимости корреспонденты нашего журнала выедут к вам, чтоб помочь, чем только возможно. Мы надеемся, что общими усилиями сдвинем с мертвой точки дело освобождения женщины, облегчения женской доли — ведь «тайное, становящееся явным, свет есть»!

Редакция альманаха «Женщина и Россия»

Беседа с Зоей и Валерией

ЖЕНЩИНА В ТЮРЬМЕ

Запись и комментарий
Галины Григорьевой

*Валерий Коновалов, «Зоя» и «Валерия» на квартирной
выставке у Галины Григорьевой. Ленинград, 1980*

Статья Галины Григорьевой поступила в редакцию
«Женщина и Россия» с опозданием и вошла в № 1

в качестве дополнения

Виен¹⁶⁰ 23.7.80

Т. Мамонова

Как известно, социальное состояние любого общества наиболее ярко характеризуется его «тюрьмами, казармами, больницами», цитируя одного нашего поэта¹⁶¹. Казарм для женщин, слава богу, ещё не существует. С больницами имеет счастье познакомиться почти каждая. А тюрьмы...

Одна моя знакомая не так давно вернулась из мест лишения свободы, другая арестована по обвинению в тунеядстве. Я близко знаю этих женщин, пыталась им помочь на жизненном пути... Что же представляет собой женская тюрьма? — о мужской мы слышаны от наших знакомых из кругов левой интеллигенции, художников, поэтов, так называемых тунеядцев, бомжей, отбывших свои более или менее длительные сроки. Господи, в ранней юности, лет десять назад сама мысль о тюрь-

160 Имеется в виду Вена, где в 1980 оказались высланные из СССР издательницы «Женщины и России».

161 Галина Григорьева цитирует поэму «Живое зеркало» (1967) Виктора Сосноры, под руководством которого она в начале 1970-х занималась в литературном объединении.

ме была дика и фантастична, мне казалось, что попасть в тюрьму — последнее дело и вряд ли я когда-нибудь буду иметь таких знакомых, но... Беседуешь с молодыми девушками, можно сказать, красавицами или вспоминаешь интеллигентнейшего педанта Жору Михайлова¹⁶², внимательного и академичного Пореша¹⁶³ — времена меняются.

Из неоднократных бесед с Зоей (23 года, пробывшей в заключении 1 год) 3 месяца в «Крестах»¹⁶⁴ — следственный изолятор, построенный в виде крестов — и остальной срок на зоне в Саблино¹⁶⁵ — отбывание в исправительно-трудовой колонии общего режима — на тюремном сленге «кичман») и с её подругой по «крестам» 20-летней Валерией, пробывшей полгода в этом следственном изоляторе, я почерпнула приведенную здесь информацию, причем прошу считать это не «распространением ложных сведений», кого-то порочащих¹⁶⁶ а записями частных разговоров, личных, субъективных

- 162 Георгий Николаевич Михайлов (1944–2014) — коллекционер и популяризатор ленинградской неофициальной живописи, организатор квартирных выставок. В 1979–1983 и 1985–1987 находился в заключении за «незаконный промысел» и «хищение государственного имущества», по факту — за коллекционирование и независимую галеристскую деятельность.
- 163 Владимир Юрьевич Пореш (р. 1949) — один из главных деятелей религиозного возрождения в СССР 1970-х. Организатор квартирного религиозного семинара, редактор самиздатского журнала «Община». В 1979–1986 — политзаключенный.
- 164 «Кресты» — Следственный изолятор № 1 в Ленинграде, с XIX века одна из самых знаменитых тюрем России.
- 165 Женская исправительная колония № 2 (ИК-2) в поселке Ульяновка Ленинградской области (жд/ст Саблино).
- 166 Ст. 190 п. 1 Уголовного кодекса РСФСР предполагала лишение свободы от года до трех лет за «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Использовалась для преследования инакомыслящих, авторов и распространителей самиздата.

мнений, оценок «на глаз» (да ведь открытой статистики-то и нет)¹⁶⁷. Но для освещения этой актуальной на сегодняшний день темы и такая информация неоценима. Вот эти-то, часто сбивчивые от эмоциональных наплывов разговоры, сгруппированные по вопросам и темам для логики изложения, мы здесь и предлагаем.

Итак, действия этих или других девушек, молодых женщин, были квалифицированы по таким-то статьям, причем типичные формулировки суда: «Бесцельно перемещалась по районам Ленинграда, вела бездомный, паразитический образ жизни, пользуясь добротой людей, уклонялась от общественно-полезной деятельности (о Зое) и т.п. «Устроилась на работу чтобы уйти от ответственности...» (о Валерии). Отсюда первый вопрос:

— За что женщины наиболее попадают в тюрьму? Какой контингент там пребывает?

— Нам приходилось встречать там, в основном молодых женщин. Приблизительно 80 % всех женщин моложе 30-ти лет. Очень многие сидят за тунеядство (не работали в течение нескольких месяцев)¹⁶⁸. Очень распространены бомжи (без определенного места жительства). Часты статьи: «уклонение от лечения», «уклонение от серологического контроля»¹⁶⁹. Можно встретить со-

167 Имена собеседниц из этических соображений были изменены Г. Григорьевой. Однако автор официозной советской книги «разоблачавшей» «антисоветскую деятельность» ленинградских феминисток Е. Вистунов частично раскрыл псевдонимы: «Зоя» — Галина З., «Валерия» — Раиса Б. (Вистунов Е. Приглашение в западню. Л.: Лениздат, 1984. С. 88).

168 Согласно Конституции СССР, труд являлся обязанностью граждан страны. Тунеядство (т.е. уклонение трудоспособного гражданина от «общественно-полезного труда» и проживание на «нетрудовые доходы») наряду с нарушением паспортного режима и бродяжничеством преследовалось как «паразитический образ жизни» в соответствии со ст. 209 ч. 1 УК РСФСР.

169 Имеется в виду ст. 115.1 УК РСФСР — «Уклонение от лечения венерической болезни», предполагающая лишение свободы сроком до двух

ветских цыганок: мошенничество, карманные и квартирные кражи. Самый распространенный срок заключения от 1 до 3 лет.

— Как женщины становятся «бомжами»?

Зоя: Некоторые, в особенности молодые, срываются с лимита, как было со мной. Если человек уходит с лимита (т.е. места работы, где дают прописку и общежитие), он теряет право пойти на другое место работы с лимитом¹⁷⁰. Вернуться в провинцию домой уже не можешь или не хочешь, вот и остаешься в городе не у дел. Стремись как-то устроиться на работу, прописаться. В Ленинграде это очень трудно, хотя везде висят объявления о приеме на работу. Если такого человека без прописки при проверке документов задерживает милиция, то ему дается предписание («подписка») выехать из города в течение 3-х суток. При третьей задержке он подлежит лишению свободы на 1 год за нарушение паспортного режима, бродяжничество.

Есть в тюрьме «вокзальные» женщины — бомжи, живущие при вокзалах в течение нескольких лет. Встречаются среди них и молоденькие и под 50. Они заводят знакомства с приезжими, в поисках варианта: поесть, обогреться, переночевать — некоторые торгуют собой, но, в основном, борьба за то, чтобы выжить. Конечно, они опускаются,

лет. Уклонение от серологического контроля, т.е. обязательных мер наблюдения в органах здравоохранения после лечения выявленного сифилиса является частным случаем применения этой статьи.

170 С 1960-х годов промышленные предприятия и стройки крупных советских городов получили возможность привлекать работников из других регионов, предоставляя им временную прописку «по лимиту» — в соответствии с выделенным для предприятия количеством рабочих мест. «Лимитчики» использовали этот способ трудовой миграции для переезда из менее социально-благополучных регионов. После получения временной прописки в рабочем общежитии, через несколько лет труда без взысканий, можно было претендовать на постоянную прописку.

спиваются, попадают в тюрьму иногда в ужасном состоянии: чулки приходится отдирать от ног...

— Вернёмся к статье «уклонение от лечения». Почему это происходит?

— Практически уклониться от лечения, например, выявленного венерического заболевания невозможно, т.к. сразу помещают в закрытый стационар до излечения, да и не к чему — приносить себе физический вред? Главным образом, под «уклонением» имеется ввиду неявка на взятие анализов и проб. Часто направляют на учет в диспансер по прежнему месту проживания в другой город, а возвратиться туда человек не может по разнообразным причинам. Кроме того, к женщине, заболевшей, скажем, сифилисом относятся с презрением, как к преступнице, к проститутке и это унижительное обращение, естественно, отталкивает и без того уже несчастного, страждущего человека и побуждает его избегать этих лечебных учреждений.

Добавим в виде комментария. Кто хоть раз, будучи даже человеком прописанным и благополучным (работающим) обращался в кожно-венерический диспансер, испытал на себе так или иначе это унижительное отношение: копание в подробностях интимной жизни, выявление и розыски «источника». Понятно, что с точки зрения медицины, это необходимо, но ведь есть и врачебная этика. К тому же наша молодежь (здесь я опираюсь на многочисленные высказывания и воспоминания абсолютного большинства знакомых женщин) чрезвычайно, чтобы не сказать абсолютно, безграмотна в вопросах гигиены полов, сексологии, гинекологии. Одними листками и стенгазетами в диспансерах и гинекологических консультациях дела не поправить...

— Вы говорили, что встречаются в тюрьме беременные женщины. Это бездомные бомжи?

— Совсем не обязательно. По любой статье беременную женщину могут арестовать и посадить в тюрьму, а подчас беременность выясняется в тюрьме. «Ничего, не волнуйтесь, — утешает тюремный гинеколог, — у нас в «Крестах» рождаются прекрасные, здоровые детки!»

До 5-ти месяцев женщина содержится на общем режиме питания (стоимость на 1 человека — 37 копеек в сутки). После 20-ти недель беременности питание несколько улучшается: добавляют грамм 100 молока в день, 1 яйцо, 20 г. сливочного масла, нерегулярно в летно-осеннее время морковку или пол луковицы, увеличивают вдвое норму сахарного песку — до 40 г. в день, дают разваренную низкосортную рыбу. Кажется, всё.

Когда приходит срок родов, женщину под конвоем отвозят в дежурный роддом, и пока роды продолжаются, конвой ожидает в коридоре. При более серьезных статьях обвинения бывает, что конвой присутствует при родах. После того, как женщина родит и отлежит положенные два часа на кресле — обязательный период медицинского контроля, ее сразу же отвозят обратно в тюрьму и помещают на больничное отделение в камеру вместе с новорожденным младенцем. Здесь в камере несколько женщин с детьми стирают белье, кормят детей, готовят, курят — в общем, отправляют все жизненные функции. Прогулка — 2 часа на дворе, который со всех сторон обтянут железными прутьями — «клетка». В дальнейшем после «Крестов» женщин с младенцами отправляют в особую зону, где женщины работают, а детей содержат отдельно и приносят им кормить. Если же срок наказания достаточно большой: 5-6 и более лет, женщине чаще

всего приходится отказаться от ребёнка, лишиться материнства, добровольно или под давлением.

Помните прошлый Новый Год? Сильные морозы до 40. Мы знали, что в это время женщин с детьми пересылали в неотапливаемых вагонах на дальнейшее расстояние — на восток. И это в «Год ребёнка»!¹⁷¹

— Расскажите о порядках в тюрьме: питании, свиданиях, наказаниях и т.п.

— Общая камера рассчитана на 18 человек. Но камеры переполнены и содержится в них до 28–30 человек, а так как в камере только 12 «шконов» (откидные или раздвижные постели), то женщины располагаются на полу и под «шконками». Имеются вши: бельевые, головные. Хотя при поступлении проверяют наличие вшей и у вшивых срезают волосы, но и у тех, кто поступил без вшей, со временем они заводятся.

Питание. Как упомянуто выше: 37 копеек в сутки на человека. Трехразовое питание. Завтрак: каша на воде, чай-кипяток, по утрам выдают 15 г. сахара и полкило хлеба (особого, тюремного, низкосортного) на весь день. Обед: щи с волокнами мяса в виде ткани, каша или лапша типа клейстера, без третьего. Ужин: рыбный суп — «могила» (по наличию рыбных скелетиков) или «хряпа» — овощное рагу.

Свидания. Разрешаются раз в 4 месяца в течение двух часов, разговор ведется по телефону через стенку из оргстекла, максимум с двумя близкими родственниками. Личные свидания через месяцев от 1 до 3 суток в зависимости от удаленности места проживания родных. В число родственников не входят женихи и сожители.

171 Резолюцией ООН 31/169 от 21 декабря 1976 года «Международным годом детей» был провозглашен 1979 год.

Допускается регистрация брака на зоне, для чего пребывают представители ЗАГСа. После регистрации молодоженам предоставляют трое суток прожить вместе в специальной комнате для свиданий, где им позволено некоторый комфорт, например, кухня для приготовления пищи.

Медицинское обслуживание. Медсестра приходит в камеру раз в три дня для выдачи женщинам ваты в небольших количествах, причем потребность в ней женщины принуждены демонстрировать наглядно.

Рассказ Зои:

Наша камера в составе 38 человек объявила голодовку, требуя от администрации нормализовать наше существование. Замечу, если в камере объявляют голодовку один или несколько человек, на это просто не обращают внимания, считают, что, наверняка, остальные их подкармливают. Здесь же вся камера! Заключение требовали ликвидировать следующие неудобства: камера не проветривалась вообще, пайки урезались, т.к. камера была переполнена (более, чем в три раза), медсестра появлялась не раньше, чем через трое суток, а врача не дозваться, в душевую водили раз в неделю по 4 человека на 10 минут, т.е. 2,5 минуты на человека, а в ответ на закономерное возмущение конвойные могли ударить связкой ключей или грязно обругать.

Вероятно, меня и двух других женщин заподозрили в организации голодовки, ибо я и они высказывались прямо за голодовку и пытались доказать, что это не просто хулиганская выходка, а стихийное возмущение всех с требованиями вполне конкретными.

Нас, как инициаторов, вызвали в оперчасть. Мы настаивали. Через некоторое время (не сразу) нас троих

посадили в карцер или «кандей» на тюремном сленге (на зоне же карцер называется «шизо» — штрафной изолятор) — это камера-одиночка с утяжеленным режимом для отбывания кары. Одну женщину наказали за крик в «решку» (окошко для надзирательницы — «цирички»), другую — за хранение иголки (запрещается хранение колющих-режущих предметов).

Ко мне придрались, что сразу после подъема в 6 часов утра — я находилась под одеялом (днем на шконках разрешается лежать только поверх одеяла)... А вообще по правилам в карцер полагается помещать лишь после пятого замечания о нарушении тюремных правил. В бумаге, которую мне предъявили, значилось, что я помещена в карцер на 5 суток. Следовало расписаться, но я отказалась. Я знала, что подписка может дать им повод добавить ещё.

Кормят в карцере через день, норма урезана на одну треть (около 24 копеек). В голодный день иногда дают хлеб и воду. Я объявила и в карцере голодовку (как единственно возможную форму протеста). Мне сказали: «можешь не есть, но бери». Я возвращала посуду с нетронутой пищей. Через 6 дней голодовки обычно начинают питать искусственно через зонд...

Отсидев в карцере 5 суток, я была возвращена в камеру. Всё осталось по-прежнему.

Рассказ Валерии:

Я попала в карцер на 10 суток по сходной причине, выразив свое возмущение тем, что администрация и охрана произвольно утяжеляют и без того достаточно жесткие тюремные порядки. Это было той самой прошлой зимой с ее сорокоградусными морозами.

А в камере включена вентиляция, чтобы глушить переговоры — дополнительный сквозняк. Днем можно не-

много обогреться возле батареи — мочью батареи отключались по причине, якобы технической неисправности.

Если в «Крестах» заключенные одеты в свое платье с воли, то в карцере специальная одежда: ситцевое платье, штаны без резинок, еще выдают нечто вроде наволочки на лямках — «ночная рубашка» — чуть ниже пупа. Шконка выдвигается в 10 часов вечера и задвигается в 6 утра, но пользоваться ею невозможно: в камере жуткий холод, ниже нуля, и всю ночь пытаешься согреться, скорчившись и спустив «наволочку» на ноги. Кормили через день, а в голодные дни не давали и хлеба. Не помню точно, на четвертые или на пятые сутки я не выдержала: потеряла сознание и упала без памяти, разодрав при падении в кровь локоть о неровности стены. Сколько времени я была без сознания, не знаю. Никто не оказал мне никакой помощи. Я очнулась вся в крови и кое-как добралась до батареи. Крови было достаточно — женские неприятности без всякой медицинской помощи, отягченные столь суровыми условиями.

Отсидев сполна свой срок в карцере, я попала в «больничку» (по слабости и истощению) — это та же камера, но с более мягким режимом и с медицинской помощью.

Попав, наконец, после всего срока домой, я полтора месяца находилась в крайне тяжелом состоянии, с температурой выше 40... Я была почти при смерти, бредила тюремными кошмарами. Постоянно вызывали скорую и неотложную помощь. Врачи настаивали на госпитализации, но я просила и молила домашних не сдавать меня в больницу. Всё это, несмотря на мои 20 лет и крепкое от природы здоровье, — результат психического и физического истощения в тюрьме. Кроме того, выяснилось, что

в «больничке» мне оказывали не ту медпомощь, какая требовалась. Только через несколько месяцев я окончательно оправилась.

О дружбе и любви в женской тюрьме.

Ни для кого не секрет распространенный в мужских тюрьмах гомосексуализм, часто имеющий агрессивный характер. Как обстоит дело у женщин?

— Многие женщины на воле разочаровываются в мужчинах: духовно слабый, пьянствующий, развратный мужчина не способен на сильное чувство, на искреннее и сердечное отношение. Кроме того, полная оторванность от внешнего мира, редкость свиданий способствуют погружению девушек и молодых женщин, личность которых еще не вполне сформировалась, в своеобразный тюремный вакуум с неизбежным усвоением его внутренних установлений. Речь идет о любви между женщинами, так называемом лезбийстве или лезбянстве. Не беремся здесь глубоко и всесторонне анализировать и оценивать это явление, поскольку наша основная цель — передать непосредственные впечатления. Мы привыкли ассоциировать «лезбос» с вычурной древней поэзией, изощренным эстетизмом или, на крайний случай, с западными иллюстрированными журналами «порно». Тюремное лезбийство, естественно, имеет свою специфику.

— Какова практика лезбийских отношений и много ли заключенных женщин к ним причастны?

— Не менее половины женщин так или иначе занимаются лезбийской любовью. Администрация запрещает и преследует такую практику, как извращение, но безрезультатно. Почти весь молодежь, поступающий из колоний для несовершеннолетних, имеет богатый опыт

в любовных связях между женщинами. Непричастная к этому половина заключенных женщин делится, в свою очередь, на сочувствующих и осуждающих.

Чаще всего, низкий уровень развития ведет к тому, что отношения между лезбиянками в тюрьме складываются по знакомому стереотипу, аналогично связи женщины с мужчиной. Одна женщина, более мужественная по свойствам характера или физиологическим особенностям, а иногда в силу социального её престижа — играет роль мужчины, мужа и называется «верх». Другая, часто более слабая и женственная — становится женой и называется «низ» (существуют определения и сугубо зоновские, нецензурные, которых мы здесь не приводим). Они составляют пару, или семью. «Муж» защищает свою напарницу, обеспечивает безопасность, престиж, «жена» ведёт «хозяйство» в тюремном масштабе.

«Мужу» дается и мужское имя, например — если у женщины фамилия Петрова, её зовут Петром, Дмитриева — Димой и т. п.

— Как женщины находят друг друга?

— По взаимной симпатии, склонности, любви. «Верхи», как правило, более опытные, придерживаются мужского стандарта поведения и постепенно психофизиологические их свойства усугубляются в этом направлении. Иногда встретишь эдакого «верха», мужеподобную женщину, проведшую в общей сложности лет двадцать в тюрьмах, и подумаешь, что для иной натуры тюрьма лишь закалка: вынужденный пост, жесткие шконки, режим... Психическое самоудовлетворение «верха» не ограничивается собственным оргазмом, «низ» тоже доводится до экстаза. Сексуальные контакты осуществляются, как правило, тайком, в укромных уголках...

Не надо думать, что эти отношения преследуют лишь сексуальное удовольствие. Удовлетворяется, обычно, и чувство дружбы. Между лезбиянками действительно существует любовь, часто требовательная, доходящая до острой ревности. Связь между женщинами сохраняется иногда и после освобождения.

И мой последний вопрос к молодым женщинам: как вы хотели бы жить дальше?

— Проблемы те же: найти жилье, работу, что после тюрьмы стало ещё труднее. Однако, тюремный опыт повторить не хотелось бы.

Лучше уехать за границу...

Декабрь 1979 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ¹⁷²

В Прокуратуру г. Ленинграда
Прокурору т. Соловьеву
от Мамоновой Т. А.,
проживающей по адресу:
191126, Ленинград, ул. Правды 22
кв. 54

Я, Мамонова Татьяна Арсеньевна, довожу до Вашего сведения, что многократные звонки из КГБ и другие действия органов создали нездоровую атмосферу в коммунальной квартире, где я живу с мужем и четырехлетним ребенком, а также лишили меня возможности естественно (в соответствии с законами) проявлять себя. Первая «беседа» в Куйбышевском КГБ¹⁷³ (без объяснения по телефону причины вызова) содержала в себе угрозы со стороны сотрудника КГБ т. Ефимова действовать в отношении меня «с позиции силы», хотя никакой официальной повестки, где бы значилось в качестве кого я вызываюсь, я не получала, и протокол допроса не велся. Прибегали ли к звукозаписи, я не знаю, т. ц. не была об этом уведомлена (статьи №№ 129, 141 Уголовно-про-

172 Опубликовано в «Русской мысли» 10-го января 1980 года. — *Прим. сост. альманаха.*

В том же номере «Русской мысли» (№ 3290, 1980), одной из самых влиятельных газет русской эмиграции, помимо заявления Татьяны Мамоновой (С. 7) опубликованы рецензия Киры Сапгир «„Женщина и Россия“ — разгневанная женщина» (С. 7), шесть стихотворений Юлии Вознесенской (С. 6) и биографическая статья о ней Э. Ильиной (С. 6).

Выдержки из заявления опубликованы также в «Хронике текущих событий» (№ 55, 1980). — *Прим. ред. переизд.*

173 Имеется в виду отдел КГБ по Куйбышевскому району Ленинграда (сейчас — часть Центрального района Санкт-Петербурга).

цессуального Кодекса РСФСР)¹⁷⁴. Я искренно высказывала свои убеждения, которые считаю патриотическими, в ответ на что услышала от следователя (?) т. Хазанова необоснованное заявление: «Я не постесняюсь назвать вас провокатором».

В сентябре сего года я и мои единомышленники, согласно со статьями №№ 50, 52 новой Конституции¹⁷⁵, издали один выпуск альманаха «Женщина и Россия», который распространяли как здесь, так и за рубежом, согласно статье № 19 Хельсинкских соглашений 1975 г.¹⁷⁶ Черновой не полный экземпляр макета альманаха (который там ориентировочно назывался «журналом») попал в КГБ и, избрав меня в качестве жертвы, органы начали преследование, пренебрегая статьями 56 и 57 Конституции и ст. № 144 Процессуально-уголовного кодекса. 7 декабря сего года вечером сосед мне вручил повестку, где значилось, что я в 12 часов дня должна явиться «для беседы» в Куйбышевский КГБ. В этот день я с утра до вечера

174 Татьяна Мамонова справедливо указывает на то, что ее общение со следователями КГБ (т.н. «профилактическая беседа») происходило без предъявления ей постановления о возбуждении уголовного дела, на основании чего могло бы быть инициировано предварительное следствие (ст. 129 УПК РСФСР) и определен ее статус — обвиняемой или свидетельницы (ст. 144 УПК РСФСР). В обход норм уголовно-процессуального кодекса («беседа» не являлась следственным мероприятием) «беседа» не протоколировалась и не фиксировалась с помощью аудиозаписи (ст. 141 и 141-1).

175 В 1977 году в СССР была принята новая Конституция, которая гарантировала гражданам СССР свободу слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций (ст. 50), свободу совести (ст. 52), неприкосновенность частной жизни (ст. 56) и уважение личности со стороны представителей государственных органов и должностных лиц (ст. 57).

176 Заключительный акт Хельсинкских соглашений (1975), подразумевал, что СССР, как и другие страны, подписавшие его, будет «Способствовать улучшению распространения на их территории газет и печатных изданий, периодических и непериодических, из других государств-участников».

была с ребенком за городом... По прошествии двух дней (субботы и воскресенья) 10 декабря (в День Прав Человека, совпадающий, кстати, с моим днем рождения) меня утром снова вызвали по телефону в КГБ и принудили меня под давлением подписать «Предупреждение», где значилось, что я «обвиняюсь» (Протокол и на этот раз не велся и никаких разъяснений моих прав на следствии не последовало) «в издании с группой лиц идеологического, тенденциозного журнала». Я довожу до Вашего сведения, т. Прокурор, в письменном виде то, что сказала устно сотрудникам КГБ Ефимову и Хазанову (аналогичную бумагу я послала почтой в Куйбышевский КГБ): «Свою феминистическую деятельность я намерена продолжать, п. ч. считаю феминизм прогрессивным явлением, а женское движение — существенной частью мирового демократического движения. Наше издание альманаха не более тенденциозное и идеологическое, чем всякое другое феминистическое издание, хотя сотрудники КГБ намеренно искажают суть и цели альманаха и вкладывают неверный смысл в свои формулировки. Я и мои единомышленники не считают зазорным высказывать свои убеждения кому бы то ни было: русский ли это или иностранец, сотрудник ли это КГБ, или нет. Я весьма сожалею, что в связи с репрессиями со стороны КГБ не могу издать когда бы то ни было второго выпуска альманаха «Женщина и Россия», хотя самосознание наших женщин повысилось настолько, что многие из них изъявляют желание писать непосредственно то, что думают...»

Просьба оградить меня и моих сотрудников от незаконных действий сотрудников КГБ.

Т. Мамонова
Ленинград 14 декабря 1979.

Обращение Mouvement de libération des femmes к читателям

В последние дни декабря 1979го года, мы узнали о выходе в свет в Ленинграде «первого свободного женского альманаха», «Женщина и Россия».

Мы были восхищены этим смелым поступком нескольких женщин и тотчас испытали чувство солидарности к их политическому выступлению, поскольку мы уже 12 лет занимаемся Движением Освобождения Женщин во Франции.

В ответ на репрессии грозившие женщинам-редакторам Альманаха, мы решили как можно быстрее распространить это издание с желанием получить как можно широкий отклик на него: сначала мы перевели и опубликовали его в нашем журнале «Де фем ан мувеман», а затем две сотрудницы нашего журнала посетили Ленинград, чтобы встретиться с редакторами Альманаха и выразить им солидарность с Движением Освобождения Женщин. Вернувшись во Францию, мы сразу выпустили в свет Альманаха, изданный в виде книги на основе бесед, записанных в Ленинграде.

Мы приложили все усилия к тому, чтобы в знакомстве с этим изданием приняли участие радио, телевидение и печать; кроме того, мы предложили некоторым иностранным издательствам в Швеции, в Норвегии, в Дании, и пр. перевести его. Таким образом, десятки тысяч женщин и мужчин узнали о существовании женского движения в СССР.

Так как мы поддерживали движение женщин в Испании, Латинской Америке, на Ближнем Востоке..., мы

дали возможность множеству людей услышать возмущённый голос русских женщин.

И эти усилия международной солидарности воспрепятствовали репрессии. В Копенгагене, Наталия Малаховская сказала: «Быстрая публикация Альманаха «Женщина и Россия» стала для нас защитой от угрозы заключения и репрессий, которым мы подвергались».

В настоящее время договоренность с Татьяной Мамоновой, Татьяной Горичевой, Наталией Малаховской и Юлией Вознесенской — редакторами Альманаха, которые были только что изгнанные из СССР из-за того, что решились описать действительность и сейчас находятся в ссылке в наших так называемых свободных странах, мы издаём их Альманах на русском языке. Необходимость срочного издания этой книги обусловлена тем, что их «детище, рожденное в боли,» должно развиваться даже в изгнании, чтобы исчезли железный занавес и границы, и чтобы женщины, наконец, обрели свободу. Тогда женщины объединятся в их любви, солидарности и революционной силе во всём мире и победят реакцию и репрессии.

С востока на запад и с севера на юг, от Ленинграда до Парижа, до Бильбао, Осло, Копенгагена, до Москвы, Стокгольма, Нью-Дели, Новосибирска, Парижа, Ленинграда... да здравствует Движение Освобождения Женщин!

Русские женщины, борющиеся в СССР, у вас есть подруги и друзья во всех странах!

1го августа 1980 го года

От издательниц

Движение освобождения Женщин

Биографии
авторов
«Женщины и России»

Юлия Вознесенская (Окулова, урожд. Тараповская)

Родилась в Ленинграде 14 сентября 1940 года. Была активной участницей писательских кругов «неофициальной культуры», много публиковалась в самиздате. Невозможность официально опубликовать идеологически спорные или критические вещи, преследования КГБ и одновременно ясное понимание того, что в правовом отношении политика СССР противоречит принципам свободы, «загоняли талантливых поэтов в самиздат и делали их оппозиционерами» (цитата из биографического очерка Андрея Окулова о матери). Юлия участвовала в публичных акциях протеста, которые в рамках тоталитарного советского режима принимали шокирующе смелые формы. В 1976 году Юлия Вознесенская была приговорена к 5 годам ссылки в Воркуту, из которой она вскоре совершила побег, но довольно быстро была найдена сотрудниками КГБ, и наказание ужесточили — вместо ссылки Юлия получила 2 года лагеря. Из женского лагеря

в Воркуте пришло её письмо, которое стало одной из глав альманаха «Женщина и Россия» в 1979 году.

Когда редакция женского самиздатского журнала оказалась под прицелом КГБ, угрозы, которые получила Юлия (призыв сыновей в армию с распределением в Афганистан), вынудили её поспешить с выездом. В Вене она очутилась раньше своих соратниц по самиздату — 11 мая 1980 года, вместе с двумя сыновьями. Там она вышла на связь с сотрудниками НТС (тамиздатское издательство «Посев», которое издавало журнал «Грани», Юлия публиковалась в нем еще будучи в Ленинграде) и в дальнейшем много взаимодействовала с этой организацией. Сначала Юлия работала во Франкфурте на Майне в «Обществе по защите прав человека», затем на «Радио Свобода» в Мюнхене, жила в Париже и в 2002 году окончательно обосновалась в Берлине. Из «феминистических» публикаций особенно широкую известность получила книга «Женский декамерон» 1987 года. В 2013 году в петербургском Театре имени В.Ф. Комиссаржевской состоялась премьера спектакля «Шизгара» по его мотивам.

Юлия Вознесенская умерла в 2015 году, похоронена на русском кладбище в одном из районов Берлина.

Избранная библиография:

Женское движение в СССР // Посев. 1981. № 4.

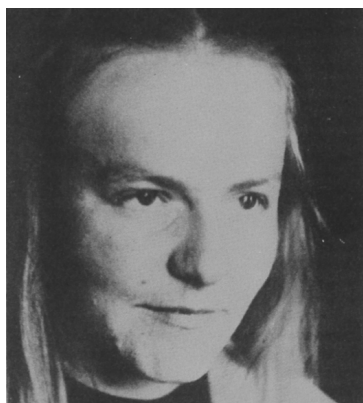
Женский декамерон. Tel Aviv, 1987.

Мои посмертные приключения. М., 2001.

Путь Кассандры, или Приключения с макаронами. М., 2002.

Сто дней до потопа. М., 2011.

О.Б.

Татьяна Горичева

Родилась 12 августа 1947 года в Ленинграде, там же изучала философию и радиотехнику. Была одной из организаторок и активных участниц диссидентской группы «37» — встречи и семинары проходили в том числе в «квартире» (в большом заброшенном помещении), которую она делила со своим мужем Виктором Кривулиным (школьный друг Евгения Пазухина — через этот мостик состоялось знакомство Наталии Малаховской с деятельностью группы «37» и самиздатом: некоторое время Наталия была замужем за Пазухиным). Читала в оригинале немецких и французских философов (Сартра, Камю, Шопенгауэра, Гегеля, Ницше, Гуссерля, Хайдеггера, с которым вела переписку). Их идеи она совместила с христианскими и стремилась прочертить линию связи между экзистенциальной философией, христианством и феминизмом в своих публикациях в женском самиздате («Женщина и Россия», «Мария»).

После того как в июле 1980 года КГБ вынудило организаторок женского самиздата эмигрировать, Татьяна Горичева из Вены переехала в Париж, где она обучалась в христианской академии. В эмиграции Татьяна с другими эмигрировавшими ленинградками поддерживала работу женского самиздата. После того как КГБ стало известно о выходе альманаха «Женщина и Россия», его социальной направленности и критической оценке советского быта, название и концепцию пришлось изменить: так появился журнал «Мария». В 1980-е годы в Германии Татьяна вела лекции и семинары в христианских общинах, на которых она сопоставляла восточные (российские) и западные взгляды на христианство. В конце 1980-х годов она вновь посетила Ленинград.

Сегодня ее интересы лежат в сфере защиты прав животных и экологического движения. Татьяна живет в Париже и Санкт-Петербурге.

Избранная библиография:

Von Gott zu reden ist gefährlich. Meine Erfahrungen im Osten und im Westen. Freiburg, 1984.

Православие и постмодернизм. Л., 1991.

Только в России есть весна! (Дневники 1980–2003). М., 2006.

Молчание животных. Самиздат. СПб., 2008.

О священном безумии. Христианство в современном мире. СПб., 2015.

О.Б.

*Фото — Научный архив
НИИ «Мемориал»*

Галина Григорьева

Родилась 30 ноября 1948 года. Окончила психологический факультет ЛГУ. Работала научным сотрудником в Институте философии АН СССР. С 1975 по 1989 год работала сторожем на автостоянке и вахтером. Мать семерых детей.

Посещала ЛИТО под руководством Виктора Сосноры. Участвовала в Религиозно-философском семинаре Татьяны Горичевой и Виктора Кривулина. Печатались в журнале «37», в альманахах «Женщина и Россия» (статья-интервью «Женщина в тюрьме» вошла только в книжный вариант альманаха) и «Мистерии» (г. Речица, Белоруссия). Галина Григорьева была одной из руководителей феминистского клуба «Мария»; вместе с Натальей Лазаревой издавала одноименный журнал, печаталась в нем под псевдонимами Галина Хамова и Галина Добровольская. В 1980 году входила в группу составителей «Антологии женской поэзии» (не издана). Как участ-

ница правозащитного женского движения неоднократно подвергалась обыскам, допросам и официальным предостережениям со стороны КГБ.

Член клуба многодетных семей «Материнская слава» при ДК им. К. Маркса и «Оптимист» при Выборгском ДК. В начале 90-х годов руководила клубом литературных встреч «Бибигон». Так же Галина Григорьева принимала участие в создании и работе комиссии по семье и детству Ленинградского Совета народных депутатов с 1990 по 1993 годы, была эксперткой этой комиссии. Участвовала в работе таких общественных организаций как «Солдатские матери Петербурга», НИЦ «Мемориал», Общество многодетных семей и инвалидов «Аревик», Лига избирательниц Санкт-Петербурга. Вместе с детьми основала семейный музыкальный ансамбль, с которым гастролировала по Европе. С 2012 года из-за травмы бедра передвигается на кресле-коляске. Регулярно выступает в Санкт-Петербурге как уличная музыкантка.

Избранная библиография:

Современные проблемы религиозного пути // «37». 1977. № 12.

Биография. Творчество. Преследования [О Н. Лазаревой] // Мария. 1982. № 2.

Смирение и послушание // Мария. 1982. № 3.

Галина Хамова. Резкие реплики // Там же.

К истории женского движения восьмидесятых годов // Самиздат (По материалам конференции «30 лет независимой печати 1950–80 годы») / ред.-сост. В. Долинин, Б. Иванов. СПб., 1993. С. 120–123.

В.Д., Д.К.

Анна-Наталия Малаховская

Родилась в Ленинграде 10 ноября 1947 года, окончила филологический факультет ЛГУ, изучала ландшафтный дизайн. С 1975 года участвовала в издании ленинградского диссидентского самиздата (в журнале «37»), где в 1978–1979 годах ей удалось опубликовать повесть «Темница

без оков» и несколько статей о советских песнях. В конце 1970-х годов Наталия жила в коммунальной квартире с маленьким сыном и вынуждена была зарабатывать на жизнь тяжёлым физическим трудом. Летом 1979 года ей передали статью Татьяны Мамоновой «Роды человеческие» и предложили сотрудничество с инициативой женского самиздата. Наталия не только подготовила собственные материалы, статью «Материнская семья» какое место в советском гендерном порядке занимает женщина, и как этот статус противоречит реальному положению вещей; очерк «Золотое детство», записанный со слов её сына, о том, что происходило с детьми в летнем лагере. Но так же предложила к публикации письмо Юлии Вознесенской из женского лагеря, и перепечатала большинство материалов и, совместно с Татьяной Мамоновой, подготовила экземпляры альманахов «Женщина и Россия».

В начале мая 1980 года Наталия сумела передать материалы женского самиздата сотруднику французского консульства для отправки за рубеж (её подругу Софью

Соколову, которая должна была принести ей приглашенный билет для входа в консульство, в этот момент обыскивали в КГБ). После того, как в начале июля 1980 года от КГБ поступило предложение выбрать между заключением и эмиграцией, Наталия 20 июля 1980 года вместе с сыном и другими издательницами «Женщины и России» оказалась в Вене. В это время в Копенгагене проходил международный феминистический конгресс, и Наталии предложили принять в нем участие. Ей удалось прибыть в Копенгаген только к завершению конгресса: дискуссии велись за закрытыми дверями, и пройти диссидентке не дали. Когда Наталия попыталась обратиться к главе конгресса, женщине-министру по культуре, та не пошла на диалог, но присутствовавшие журналисты и журналистки осветили ситуацию в новостной прессе, и Наталии предложили отдельную встречу, где было разрешено обсудить три темы. Наталия выбрала проблемы непосильного физического труда для женщин, ситуацию в родильных домах и ситуацию в детских учреждениях. На сегодняшний день живёт в Австрии и продолжает творческую деятельность в сфере литературы и искусств.

Избранная библиография:

- Темница без оков // «37». 1977. № 10.
Возвращение к Бабе-Яге. СПб., 1993.
Орфей: стихотворения. СПб., 2007.
Апология на краю: прикладная мифология. СПб., 2012.
Наследие Бабы-Яги. Религиозные представления, отражённые в волшебной сказке, и их следы в русской литературе XIX-XX вв. СПб.: Алетей, 2006.

Наталья Мальцева

Родилась в 1951 году в Новосибирске. После окончания школы (?) переехала в Ленинград. Занималась неквалифицированным трудом, например, работала инструктором противопожарной безопасности на заводе. С конца 1970-х участвовала в неофициальной общественной и культурной жизни Ленинграда. По предложению Татьяны Мамоновой написала и под псевдонимом «Вера Голубева» опубликовала в альманахе «Женщина и Россия» статью «Обратная сторона медали», посвященную советским абортариям. 16 декабря 1980 года была арестована по обвинению в «систематическом изготовлении и распространении в письменной и печатной форме произведений, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй» (ст. 190 п. 1 УК РСФСР). После двух месяцев ареста отпущена под подписку о невыезде. 15 апреля 1981 года дело Мальцевой было прекращено. После ареста и освобождения Мальцева не выходила на контакт с издательницами альманаха и кругом диссидентов.

Избранная библиография:

Dans la province du Nord // Femmes et Russie. 1981. Leningrad-Paris. Par le collectif de rédaction de l'almanc. Paris, 1981. P. 189-194.

О ней: Pour défendre Véra Goloubeva // Ibid. P. 195-200.

Д.К.

Татьяна Мамонова

Родилась 10 декабря 1943 года (в последствии этот день — день Прав человека — стал официальной датой выпуска первого женского альманаха в 1979 году). В Ленинграде 1960–70-х Татьяна и её муж, Геннадий Шикарёв-Мамонова, который взял фамилию жены, входили в число художников неофициальной культуры. Татьяна поддерживала контакты с Французским консульством в Ленинграде, увлечённо читала европейскую феминистическую литературу. Идея женского (феминистического) журнала возникла у неё в конце 1960-х годов. Летом 1979 года ей удалось найти единомышленниц и подготовить первый выпуск женского самиздата. Татьяна Мамонова — авторка предисловия альманаха «Женщина и Россия», также в альманахе опубликованы два ее текста: статья «Роды человеческие», в которой отчетливо звучит критика пропаганды материнства в Советском Союзе и эссе «С гомеровским величием и сафической чистотой» о бисексуальности творческого субъекта, оба текста были опубликованы под псевдонимами. Благодаря контактам в посольстве Франции Татьяне удалось наладить связь с парижскими феминистическими издательствами. После того как альманах был переправлен во Францию, завязалась переписка между редакцией альманаха «Женщина и Россия» и французскими феминистиче-

скими группами Editions des femmes и Tierce — и те, и другие желали опубликовать диссидентский женский журнал. Публикация на французском появилась в январе 1980 в издательстве Editions des femmes.

Уже в конце 1979 года КГБ присылало Татьяне повестки, и зимой 1980 года давление стало невыносимым. Татьяна как художница и феминистка стремилась к свободе самовыражения и открытой дискуссии, как об искусстве, так и о феминизме. 20 июля 1980 года, совместно с двумя другими писательницами из редколлегии «Женщины и России», Мамонова оказалась в Вене. КГБ вынудило создательниц альманаха эмигрировать — эти, в сравнении с лагерем в чём-то более «мягкие» меры, объясняются широким резонансом, который получил женский альманах ленинградок в Европе. В 1980 году СССР готовился к Олимпийским играм, и «положительная репутация» коммунистического режима в глазах европейской общественности была для КГБ на тот момент чрезвычайно важна. А появление и международная известность альманаха, который делал видимыми многие проблемы женщин «в стране победившего феминизма», мешали сохранению лица режима.

В августе Татьяна с другими со-издательницами альманаха дала ряд интервью «Радио Свобода» в Мюнхене и сообщила о своих планах отправиться в Париж, где она впоследствии провела 4 года. Также в начале 1980-х годов Татьяна выступала перед германским феминистическим сообществом в рамках феминистического университета, организованного в Берлине. В 1983 году она была приглашена в Harvard University USA (как рассказала Татьяна в одном из писем, пригла-

шение состоялось по рекомендации Симон де Бовуар). В перестроечные годы Татьяна неоднократно приезжала в Россию (Москва, Ленинград), организовывала семинары с феминистической повесткой. Татьяна Мамонова продолжает свою деятельность и по сей день, она ведет семинары и устраивает выставки в Европе и Америке. Традицию женского самиздата Татьяна продолжает в Америке, издавая альманах «Женщина и Земля». В нем она публикует тексты как русских, так и зарубежных феминисток. Также обширен список книжных публикаций. В настоящее время проживает в Нью-Йорке.

Избранная библиография:

Femmes et Russie Almanach, (in French). Paris, 1980–1981. Vol. 1–3. (В этот же период вышли переводы на английском и немецком языках.)

Russian Women's Studies: Essays on Sexism in Soviet Culture / Assist. Margarete Maxwell. New York, 1989, 1990, 1991.

Women's Glasnost vs Naglost: Stopping Russian Backlash / Assist. Chandra Niles Folsom. Westport: Greenwood Press, 1993.

Woman and Russia // Woman and Earth. Almanac. New York, 1991.

Succes d'estime. New York, 2001.

О.Б.

Софья Соколова

Родилась 13 февраля 1935 года. В 1958 году окончила радиотехнический факультет Киевского политехнического института. Была направлена по распределению в Новосибирск, в 1959 году переехала в Ленинград к мужу. Работала по специальности, преподавала физику в техникуме.

С конца 1970-х участвовала в независимом женском движении. Опубликовала рассказ «Летающие ящеры» в альманахе «Женщина и Россия» и статью «Слабый пол? Да, мужчины» в журнале «Мария» (1980). В сентябре 1980 года подверглась обыску в связи с заведенным КГБ уголовным делом «о женских журналах». Рассказ «Перед закрытой дверью» был опубликован в парижском журнале «Эхо». Печаталась в журнале «Евреи в СССР».

В 1981 году эмигрировала и поселилась в Париже. В 1992 году в Петербурге вышел сборник рассказов «Я, ты, они». За рубежом печатала публицистические статьи, которые переводились на европейские языки. В 1990–2000-х часто приезжала в Россию. Софья Соколова умерла 4 января 2017 года.

Избранная библиография:

Перед закрытой дверью // Эхо. 1980. № 2.

Как я обрела в России свободу (Библиографический очерк) // Мария. 1982. № 2.

Шестнадцать писем от Сони Соколовой // Часы. 1983. № 46.

Иван Пазухин

Родился в Ленинграде в 1970 году. Педагог, исследователь в области музыки и новых медиа. Доктор искусств. Сын Натальи Малаховской и филолога, экскурсовода, члена редакции самиздатского журнала «37» Евгения Пазухина. В 1980 году вместе с матерью эмигрировал из СССР. Живет в Австрии.

Д.К.

Елена Шварц

Родилась в Ленинграде 17 мая 1948 года.

Ее творчество с первых шагов привлекло внимание как сверстников, так и литераторов старшего поколения. В 1964 году подборка стихов вошла в самиздатский сборник К. Кузьминского и Б. Тайгина «Антология советской патологии».

С 1975 года проводила у себя дома дружеские литературные собрания «Шимпозиум», на которых в серьезном и шутовском духе обсуждались литературные, философские и исторические темы.

С середины 1970-х ее стихи распространялись в самиздате и звучали на квартирных чтениях. Печаталась в самиздатских журналах «Северная почта», «Часы», «37», «Обводный канал», в антологиях «Лепта» и «Остро-

ва», в альманахе «Женщина и Россия». Первая официальная публикация в СССР — поэтический сборник «Стороны света» (1989).

С 1978 года печаталась за границей — в журналах «Эхо», «Гнозис», «Ковчег», «Третья волна», «Вестник РХД», «Стрелец», «Мулета», в антологии «У Голубой Лагуны». В 1985 году в США вышла ее первая книга «Танцующий Давид», в 1987 году — «Труды и дни Лавинии...» (в издательстве «Ардис»).

Входила в Клуб-81. Печаталась под псевдонимами Е. Черняховская и Лавиния Ворон. Стихи переведены на английский, немецкий и сербский языки. Лауреат многочисленных литературных премий: Премии Андрея Белого, «Северная Пальмира», «Триумф», премий журналов «Звезда» и «Знамя». Зимой 2002 года по приглашению фонда Бродского жила в Риме, на вилле Медичи.

Умерла в Санкт-Петербурге в 2010 году. Похоронена на Волковском кладбище.

Избранная библиография:

Сочинения Елены Шварц. В 4 тт. СПб., 2002–2008.

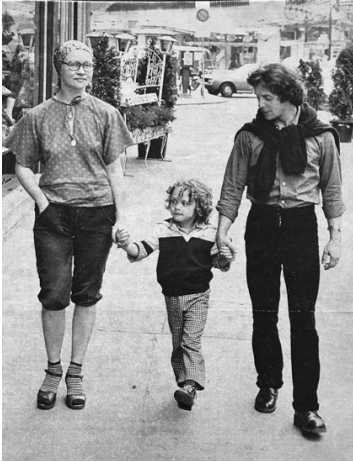
Танцующий Давид. New York, 1985.

Стороны света. Л., 1989.

Видимая сторона жизни. СПб., 2003.

Перелетная птица (последние стихи). СПб., 2011.

В.Д., Д.К.

Геннадий Шикарев-Мамонова

Родился в Ленинграде 19 августа 1949 года.

Окончил Ленинградское художественно-графическое педагогическое училище.

Участник неофициальной художественной жизни Ленинграда 1970-х. Живописные и графические работы выстав-

лялись на официальных и квартирных выставках, в том числе на выставках в ДК Газа и ДК Невский.

В 1973 году женился на Татьяне Мамоновой и взял фамилию жены.

Художник-оформитель альманаха «Женщина и Россия», соавтор редакционной статьи «Эти добрые патриархальные устои». В 1980 году вместе с женой и сыном был вынужден эмигрировать из СССР. В США продолжает заниматься искусством. Арт-директор альманаха *Woman and Russia / Woman and Earth*.

Д.К.

Постскриптум

82

am besten
sieht man's
aus der
Luft

WIEN - Vienna - Vienne
Innere Stadt mit Ringstraße, Burgtheater, Hofburg,
Staatsoper und Stephansdom

Vertrieb: RAU-COLOR, Wien III., Weißgerberstraße 60, Tel. 73 13 83
Foto Alpine Luftbild, Innsbruck

Freigabe- und Bundesministerium
LANDESVERTEIDIGUNG

FÖ 59966

Ленинград

Н. Лазаревой

от Т. Мамоновой

Вена, август 80

Дорогая Наталья!
Мы даже не попрощались
толком - я до последнего
мгновение верила, что ка-
кое-то чудо оставит мне
Ленинград... Вена хо-
роша, но группировка
"Мэрсе" как мы с Ва-
ми и предполагаем,
всё-таки отравляет мне
поездку. Жду вестей! Тат.

01.08.1980

Ю.[лия] и Н.[аталия] стали для меня какими-то чужими. Ю. раздражает тем, что живет только своими «женскими проблемами» <...> Господи, прости, что я их так мало люблю.

Но и они изменили свое отношение ко мне. Они считают, что я «тяну одеяло на себя». Я-то вначале думала, что до потери сознания тружусь для всех, так уж получилось, что я одна говорю на языках. Журналисты предпочитают обходиться без переводчика (дорого). Естественно, моя точка зрения почти по всем вопросам не совпадает с точками зрения других «феминисток». И пропасть между нами растет*.

* Горичева Т.М. Только в России есть весна! О трагедии современного Запада. Дневники 1980–2003. М.: Русский Хронографъ, 2006. С. 29.

common place

издательская инициатива /
волонтерский DIY-проект

Наши книги всегда можно купить в независимых
магазинах «Фаланстер», «Гнозис»,
«Все свободны», «Кирпич», «Подписные издания»,
«Порядок слов», «Бакен», «Пиотровский», «Князь
Мышкин», «Никто не спит», «Чарли books», книжном
клубе «Петровский», а также заказать
с доставкой на сайте common.place

Феминистский самиздат

40 лет спустя

Составители, редакторы — Оксана Васякина,
Дмитрий Козлов, Саша Талавер

Выпускающий редактор — Светлана Золотарева

Обложка — Евгения Ставицкая

Подписано в печать 25.11.2019
Формат 84x108/32
Тираж 500 экз.
Заказ № 161

Издательская инициатива «common place»
commonplace1959@gmail.com